ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакціею Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

Секретаря Отдѣленія **Ѳ. И. Щербатскаго** и помощника редактора

члена-сотрудника **Н. Н. Виноградова**

Выпускъ II **Годъ XV**

1906

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

1906.

ОТДѢЛЪ I.

И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

28 Декабря 1905 г. въ Петербургѣ было отпраздновано 40 лѣтіе научной дѣятельности одного изъ выдающихся представителей лингвистики въ Россіи—Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ. По лингвистическимъ своимъ взглядамъ и по направленію своихъ занятій, И. А. занимаетъ совершенно своеобразное и выдающееся мѣсто не только среди представителей славянскаго языкознанія, но и среди изслѣдователей общей лингвистики. Долгъ обязаннаго ему ученика, поэтому,—указать и подчеркнуть научныя заслуги этого выдающагося ученаго: Бодуэнъ [1]) родился въ 1845 г., образованіе получилъ въ Варшавѣ, сначала въ реальномъ училищѣ, а затѣмъ (1862—66 гг.), въ Главной Школѣ. По преимуществу естественно-математическое образованіе обратило вниманіе И. А. на отношеніе языка, какъ явленія соціально-психическаго къ естественнымъ наукамъ (мысль, нашедшая прекрасное выраженіе въ университетскихъ лекціяхъ И. А. и, главнымъ образомъ, въ его статьѣ: „Объ одной изъ сторонъ постепеннаго очеловѣченія языка въ области произношенія, въ связи съ антропологіей" СПБ. 1904). Вмѣстѣ съ живымъ интересомъ къ естественнымъ наукамъ, который можно объяснить только вліяніемъ этого „реальнаго" образованія, въ трудахъ И. А., вѣроятно подъ вліяніемъ занятій математикой въ реальномъ училищѣ, рано уже обнаруживается стремленіе къ математической точ-

[1]) Біографическія данныя объ И. А. нами черпаются отчасти изъ статьи: *И. Лось*, И. Бодуэнъ-де-Куртенэ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ" Брокгауза и Ефрона, т. VII, стр. 222. См. также автобіографическую записку И. А. въ „Критико-біографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ", С. А. Венгерова. СПБ. 1897, т. V, стр. 18—50.

ности при изслѣдованіи разныхъ фонетическихъ явленій. Эта точность въ формулировкѣ замѣтна прежде всего въ „Лекціяхъ по латинской фонетикѣ", въ университетскихъ лекціяхъ по общимъ вопросамъ языкознанія (къ сожалѣнію, еще не напечатанныхъ) и въ введеніи ко II тому „Матеріаловъ по южнославянской діалектологіи и этнографіи" СПБ 1904 стр. V—XXVII.—Такимъ образомъ Бодуэнъ прекрасно воспользовался своимъ „реальнымъ" образованіемъ для научныхъ цѣлей. Недостатки же этого образованія имъ скоро были заполнены въ Главной Школѣ.

Первый научный трудъ И. А. появился 40 лѣтъ тому назадъ, въ 1865 г. Это былъ переводъ сочиненія чешскаго ученаго Dr. J. Ew. Purkyně, O korzyściach z ogólnego rozprzestrzenienia łacińskiego sposobu pisania w dziedzinie języków słowiańskich. Przełożył s czeskiego I. I. Niecisław. Baudouin. Рядомъ съ переводомъ отдѣльной книжкой вышли любопытныя замѣтки переводчика: Kilka słów s powodu wzmianki Tygodnika illustrowanego o rozprawie D-ra I. Ew. Purkyniego, O korzyściach z ogólnego rozprzestrzenienia łacińskiego sposobu pisania w dziedzinie językow słowiańskich.—Въ томъ же году появился и другой переводный трудъ И. А.:—Franciszka Bolemira Kwieta „Popularna nauka wychowania".—Всѣ эти работы свидѣтельствуютъ о живомъ интересѣ молодого ученаго къ вопросамъ лингвистики. Любопытно, что въ указанныхъ примѣчаніяхъ Бодуэна по поводу труда Purkyně, уже затрагивается вопросъ о графически-фонетическихъ ассоціаціяхъ, на который И. А. впослѣдствіи постоянно обращалъ вниманіе своихъ слушателей. Тому же вопросу посвящена статья И. А.: Několik poznámenání o polském pravopisu 1868 (въ журналѣ Sborník vědecký musea království českého), написанная уже по окончаніи Главной Школы въ Варшавѣ.

— Выдающейся работой Бодуэна, составившей эпоху въ исторіи языкознанія была лейпцигская его диссертація: „Einige Fälle der Wirkung der Analogie in der polnischen Deklination" (въ „Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, keltischen und slawischen Sprachen." Unter Mitwirkung von A. Leskien und J. Schmidt herausgegeben von A. Kuhn, VI Band, Berlin 1870, стр. 19—88). Трудъ этотъ замѣчателенъ по двумъ причинамъ: 1) здѣсь, вопреки обычаямъ тогдашнихъ лингвистовъ, особенное вниманіе обращено на *современное состояніе* польскаго языка; 2) опять-таки вопреки обычаю тогдашнихъ языковѣдовъ, отмѣчавшихъ только фонети-

ческія измѣненія въ языкѣ, здѣсь впервые подчеркивается значительное *вліяніе аналогіи* на языковыя измѣненія, т. е. впервые обращается вниманіе на *психологическія* измѣненія въ языкѣ.

Такимъ образомъ Бодуэнъ въ своей диссертаціи положилъ начало новому, психологическому или младограмматическому направленію въ области языкознанія.

Вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ этого перваго крупнаго своего научнаго труда Бодуэнъ уже выпускаетъ новый капитальный лингвистическій трудъ, — свою магистерскую диссертацію, подъ заглавіемъ: „О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія", Лейпцигъ 1870. Здѣсь съ удивительнымъ прилежаніемъ собраны всѣ древнѣйшія польскія слова, разбросанныя въ многочисленныхъ латинскихъ актахъ, и изъ нихъ, путемъ научнаго анализа, сдѣланы выводы относительно польскаго языка (главнымъ образомъ фонетики) той эпохи, о языкѣ которой до тѣхъ поръ, за неимѣніемъ памятниковъ, имѣлись весьма скудныя свѣдѣнія. Если въ лейпцигской диссертаціи Бодуэнъ проявилъ тонкое пониманіе психологической стороны языка, то въ этомъ трудѣ въ немъ обнаружился замѣчательно подготовленный лингвистъ-фонетикъ, умѣющій, на основѣ фактовъ современнаго языка, изучать съ лингвистической точки зрѣнія и древніе памятники.

По защитѣ этой диссертаціи молодой ученый, въ качествѣ приватъ-доцента, началъ читать лингвистическія лекціи при СПБ. Университетѣ, одновременно состоя преподавателемъ русскаго языка при 1-ой частной мужской гимназіи. Въ основу уроковъ и лекцій И. А. было положено изученіе живой природы языка, какъ со стороны произношенія, такъ и со стороны языкового мышленія, (подробности см. въ докладѣ Л. В. Щербы, „О служебномъ и самостоятельномъ значеніи грамматики, какъ учебнаго предмета" и въ примѣчаніяхъ къ нему Бодуэна въ „Трудахъ перваго съѣзда преподавателей русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ" стр. 14 — 32). Подъ вліяніемъ этихъ занятій появился рядъ статей И. А. по общей лингвистикѣ: Einige Beobachtungen an Kindern, (Beitr. z. vergl. Sprachwissenschaft 1870. VI, 215—220); „Нѣкоторыя общія замѣчанія о языковѣдѣніи и языкѣ". Ж. М. Н. Пр. 1871, февраль. СПБ. 1871 „Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка". Филол. Записки 1881, 1882 и проч.—Въ то же время нашъ ученый рядомъ съ вопросами общаго языковѣдѣнія продолжалъ заниматься и славянскимъ языкознаніемъ.

Объ основательномъ его знакомствѣ со славянскими языками и сравнительной славянской грамматикой, между прочимъ, свидѣтельствуетъ рядъ „Критическихъ и библіографическихъ замѣтокъ“ по поводу: „Изслѣдованія языка древне-славянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова по рукописи Имп. Публ. Библ. XI в.“ Будиловича (Журн. Мин. Нар. Просв. 1872, Августъ, стр. 342—363; Ноябрь, стр. 166—189), „Laut-und Formenlehre der polabischen Sprache“ von August Schleicher (Ж. М. Н. Пр. 1873), по поводу трудовъ Новаковича, Ягича и Калужняцкаго (Ж. М. Н. Пр. 1874, Ноябрь, стр. 182—195) и пр. Не менѣе интересенъ рядъ „Anzeigen“ сочиненій Крынскаго, Будиловича, Малиновскаго, Новаковича, Иречка и др. въ „Beiträge zur vergl. Sprachforschung“. Band VIII, стр. 174—244 и т. п. Наконецъ: „Rozbiór gramatyki polskiej księdza Malinowskiego“ въ „Niwa“ 1875 г. Uebergang der tonlosen Consonanten in die ihnen entsprechenden tönenden in der historischen Entwickelung der polnischen Sprache“.— „Doppelung des Suffixes—ti in der polnishen und russischen Sprache“.— „Zetacismus in den Denkmälern und Mundarten der polnischen Sprache“.— „Wechsel von s (š, ś) mit ch in der polnischen Sprache“ въ „Beiträge von Kuhn und Schleicher“, Band VI и проч.

1872—73 гг. И. А. провелъ въ путешествіяхъ по южнославянскимъ областямъ Австріи и Италіи, гдѣ прекрасно подготовленный лингвистъ могъ проявить свои способности діалектолога-наблюдателя, при изученіи діалектическихъ особенностей мѣстныхъ словинскихъ и резьянскихъ говоровъ. Результатомъ двухлѣтняго пребыванія Бодуэна за границей былъ рядъ замѣчательныхъ работъ по южно-славянской, преимущественно резьянской діалектологіи: И. Бодуэнъ де Куртенэ. Отчетъ о занятіяхъ по языковѣдѣнію въ теченіе 1872—73 гг.—Глоттологическія (лингвистическія) замѣтки. I: Кое-что по поводу резьянской гармоніи гласныхъ („Филологическія Записки“. Воронежъ, 1876, вып. V, стр. 1—16); — „Note glottologiche intorno alle lingue slave e questioni di morfologia e fonologia arioeuropea (Atti del IV Congresso internazionale degli orientalisti tenuto in Firenze nel settembre 1878, Vol. II. Firenze 1881, стр. 3—21);—Резья и резьяне (въ „Славянскомъ Сборникѣ“ III, 1876, стр. 223—371);—„О Славянахъ въ Италіи“. Дерптъ 1892 г. (отд. отт. изъ „Русской Мысли“ 1893, іюнь). Сюда же относится докторская диссертація И. А.: „Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ“ СПБ. 1875, съ приложеніемъ „Резьянскій катехизисъ“ Варшава-СПБ. 1875. Также по

итальянски: J. Baudouin de Courtenay, Il catechismo Resiano, Pietroburgo 1891.

Съ переѣзда Бодуэна въ Казань, куда онъ былъ назначенъ профессоромъ сравнительнаго языкознанія (1875—1883 гг.), начинается новый, наиболѣе замѣчательный періодъ его научной дѣятельности. Діалектологическія занятія въ разныхъ славянскихъ земляхъ укрѣпили въ немъ мысль, давно уже приходившую ему въ голову [1]),—что для полнаго пониманія прошлаго языка прежде всего необходимо тщательное изученіе его настоящаго; и вотъ неутомимый ученый основалъ въ Казани лингвистическую школу, въ которой прежде всего было обращено вниманіе на всестороннее изученіе психологической и физіологической сторонъ языка, при чемъ наблюденія производились, главнымъ образомъ, надъ родной рѣчью. Такимъ образомъ въ этомъ казанскомъ кружкѣ въ весьма опредѣленной формѣ сказывалось то психологическое направленіе лингвистики, которому Бодуэнъ положилъ начало въ лейпцигской своей диссертаціи. Любопытно, что первая школа младограмматическаго направленія была основана на восточной окраинѣ Россіи, въ Казани, задолго до основанія подобныхъ же школъ на западѣ. Иностранные ученые и теперь не забыли этой заслуги основателя младограмматическаго направленія въ языкознаніи: на адресѣ преподнесенномъ И. А. въ день юбилея его учениками и друзьями, между прочимъ имѣлись подписи: Brugmann'а, Hirt'а, Leskien'а, Mikkola, Jagič'а, Rešetar'а, Štrekelj'а и др. Гельсингфоргскіе лингвисты прислали особый адресъ.—

Въ Казани Бодуэнъ сумѣлъ заинтересовать общими вопросами лингвистики цѣлый рядъ молодыхъ ученыхъ (Крушевскій, Богородицкій, Буличъ, Александровъ и проч.). Подъ его вліяніемъ появилась замѣчательная книга Крушевскаго, Очеркъ науки о языкѣ, Казань 1883 (N. Kruszewski, Principien der Sprachentwickelung, Intern. Zeitschr., f. allgem. Sprachwiss. II, III. Leipzig 1885, 1886; V, Heilbronn, 1889, 1890) и др. Въ то же время нашъ ученый и самъ продолжалъ заниматься вопросами того же характера: появились въ печати его „Подробная программа лекцій за 1876—77 гг.“, и „Подробная программа лекцій за 1877 — 78 гг., представляющія собой обширные курсы языковѣдѣнія. Подробныя библіографическія указанія въ

[1]) Впервые эта мысль обнаруживается уже въ указанныхъ выше примѣчаніяхъ нашего ученаго по поводу труда Purkyně, затѣмъ въ статьяхъ: „Einige Fälle der Wirkung der Analogie“, „Einige Beobachtungen an Kindern“, Kuhns „Beitrage“, Band VI и проч.

этихъ программахъ сохраняютъ свое значеніе и въ настоящее время. Помимо того, что здѣсь впервые подчеркивается необходимость обстоятельнаго изученія современнаго состоянія языка, эти „программы“ интересны главнымъ образомъ тѣмъ, что въ нихъ впервые обращено вниманіе и на патологическое состояніе языка. Важность подобныхъ наблюденій въ настоящее время сознается всѣми лингвистами: именно подобнымъ патологическимъ состояніямъ цѣлой языковой группы, и только имъ, можетъ быть объяснено, напр., измѣненіе согласнаго ł въ ц на почвѣ бѣлорусскаго языка, словинскихъ говоровъ и др., прекращеніе работоспособности передней части языка, при артикуляціи звука ł ведетъ къ измѣненію ł въ согласный ц и т. п. Безъ сомнѣнія въ указаніи на эту мало разработанную область лингвистики слѣдуетъ видѣть громадную заслугу нашего ученаго.—

Рядомъ съ указанными программами, Бодуэнъ въ это время выпустилъ въ свѣтъ и другія работы: „Нѣкоторые отдѣлы сравнительной грамматики славянскихъ языковъ“ (Русск. Фил. Вѣстн. V, Варшава 1881);—„Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка“ („Филологическія Записки“ 1882);—„Нѣсколько словъ о сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ“ („Журн. Мин. Нар. Просв. CCXVIII, 1881, декабрь);—„Нѣсколько словъ о культурѣ первобытныхъ и древнихъ славянъ“ (Русск. Фил. Вѣстн. 1870 отд. отт.).

Въ 1883 г. И. А. на время пришлось разстаться со своими казанскими учениками: въ этомъ году онъ былъ назначенъ профессоромъ славянскаго языкознанія при Дерптскомъ (Юрьевскомъ) Университетѣ. Въ Дерптѣ онъ оставался до 1893 г., когда переселился въ Краковъ, въ качествѣ, прежде всего, академика Краковской Академіи Наукъ. Объ усердной научной дѣятельности въ это время свидѣтельствуютъ его труды: „Uebersicht der slavischen Sprachenwelt im Zusammenhange mit den anderen arioeuropäischen Sprachen“, Лейпцигъ 1884 и другія работы обнаруживающія глубокое пониманіе психологіи языка: „Z patologji i embrjologji języka“ (Prace filologiczne I, Warszawa 1885);—„O ogólnych przyczynach zmian językowych (Prace filologiczne III, Warszawa 1890);—„Vermenschlichung der Sprache“ Hamburg 1893 (Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge, Neue Folge, Achte Serie, Heft 173);—„O pewnym stałym kierunku zmian językowych w związku z antropologją“. (Отд. отт. изъ „Kosmos“ a, zeszyt IV—V 1899).— Самой глубокой работой Бодуэна слѣдуетъ признать трудъ:

Próba teorji alternacyi fonetycznych" (отд. отт. изъ „Rozpraw Wydž. filol. Akad. Umiej. W Krakowie XX, 1894) и классическую нѣмецкую его переработку: „Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen, Ein Capitel aus der Psychophonetik, Strassburg 1895.—Уже въ прежнихъ своихъ трудахъ Бодуэнъ обнаружилъ глубокое пониманіе психологіи языка съ одной,—и фонетическихъ явленій—съ другой стороны. Въ этомъ же трудѣ онъ показалъ, что его спеціальность именно психофонетика, и въ этой области ему нѣтъ равнаго не только среди русскихъ, но и среди западноевропейскихъ лингвистовъ.

Изъ другихъ статей И. А., относящихся къ наиболѣе замѣчательной эпохѣ его научной дѣятельности, упомянемъ: „Два вопроса изъ ученія о смягченіи или палатализаціи въ славянскихъ языкахъ" Ученыя записки Юрьевскаго универ. 1893, № 2; „Zwei Fragen aus der Lehre über die Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalisation)", Indogermanische Forschungen IV, 1894;—„O psychicznych podstawach zjawisk językowych (Przegląd filologiczny 1903);—Z logiki tłumów („Krytyka" 1904);—„Próba uzasadnienia samoistności zjawisk psychicznych na podstawie faktów językowych" (въ Sprawozdan. Akademii Umiejętności Wydziału filologicznego" z dnia 11 lipca 1903);—статьи „Fonema", „Fonologja", „Fonologja arjo-europejska", „Fonologja słowiańska". „Fonologja polska", „Ięzyk i języki", „Ięzykoznawstwo" и др. (въ „Encyklopedja powszechna ilustrowana"). „W sprawie polskiego słownictwa chemicznego" Kraków 1900;— „Versuch einer Begründung der Unabhängigkeit psychischer Vorgänge auf Grund sprachlicher Thatsachen" („Bulletin de l' Académie des sciences de Crakovie");—„Лингвистическія замѣтки и афоризмы" (Журн. Мин. Нар. Просв. 1903);—„Языкъ и языки", „Языкознаніе" и др. статьи и въ „Энциклопедическомъ словарѣ" Брокгауза и Ефрона.—„Объ одной изъ сторонъ постепеннаго человѣченія языка въ области произношенія, въ связи съ антропологіей" и проч.

Въ то же время Бодуэнъ продолжалъ свои занятія славянскимъ языкознаніемъ. Въ трудахъ: „Кашубскій языкъ, кашубскій народъ и кашубскій вопросъ" СПБ. 1897 (Журн. Мин. Нар. Просв. Апрѣль—Май 1897); и „Kurzes Resumé der kaschubischen Frage" („Archiv für slavische Philologie" Band XXVI, стр. 366—406), онъ обнаруживаетъ хорошее знакомство со славянами въ Западной Пруссіи и восточной Померанія. Какъ продолженіе указанныхъ выше изслѣдованій по южно-славянской діалектологіи И. А. вышли въ свѣтъ: „Ма-

terialien zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie“ I, СПБ. 1893.—Вторичная поѣздка къ славянамъ Италіи доставила ему матеріалы для продолженія этого труда: „Матеріалы по южнославянской діалектологіи и этнографіи“ II, СПБ. 1904.—„Нѣсколько случаевъ психически-морфологическаго уподобленія или уодноображенія въ терско-славянскихъ говорахъ сѣверо-восточной Италіи“ (Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ“ X, кн. 3 стр. 266—283).—Словинскимъ говорамъ уже раньше были посвящены статьи: Der Dialekt von Cirkno (Archiv für slav. Philol. Band VII, 386—404; 575—590; VIII стр. 102—119; 274—290; 432—462);—Celóvec-Klagenfurt (Archiv f. slav. Phil. Band XXVI) и др.

Діалектологическія поѣздки И. А. въ Австрію и Италію дали ему возможность въ точности опредѣлить отношеніе другъ къ другу юго-западно славянскихъ говоровъ: резьянскіе говоры Бодуэнъ отдѣляетъ отъ славянскихъ и разсматриваетъ ихъ какъ разновидности особаго нарѣчія. Кромѣ того въ сѣверо-восточной Италіи имъ отмѣченъ рядъ переходныхъ говоровъ отъ словинской языковой области къ сербо-хорватской; говоры въ окрестностяхъ Cividale ближе всего подходятъ къ словинскому нарѣчію. Болѣе сѣверные говоры терскихъ славянъ болѣе близки къ сербо-хорватскимъ. Родственные терскимъ говорамъ идіомы въ окрестностяхъ С.-Піетро обнаруживаютъ весьма сильное словинское вліяніе.—

Въ діалектологическихъ своихъ работахъ Бодуэнъ обнаружилъ замѣчательныя способности отмѣчать фонетическія особенности и оттѣнки изучаемыхъ имъ говоровъ, въ диссертаціи „О польскомъ языкѣ до XIV столѣтія“ онъ доказалъ, что прекрасно умѣетъ использовать для лингвистическихъ цѣлей памятники, въ замѣткахъ, въ родѣ „Celóvec-Klagenfurt“ проявилъ замѣчательныя этимологическія способности, въ разсужденіи „Einige Fälle der Wirkung der Analogie etc“, а еще болѣе въ „Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen“ обнаружилъ тонкое пониманіе психологической стороны языка, въ „Лекціяхъ по латинской фонетикѣ“ проявилъ поразительную точность при опредѣленіи отдѣльныхъ звукопроизводныхъ работъ,—все же наиболѣе тщательно изслѣдованной имъ областью (особенно за послѣднее время его научной дѣятельности) слѣдуетъ признать именно *психологію языка*. Труды Бодуэна въ этой области такъ глубоко обдуманы, что каждый изъ нихъ для полнаго пониманія требуетъ многолѣтняго внимательнаго изученія.

Достоинствомъ этихъ работъ слѣдуетъ признать глубину мысли и выдержанность взглядовъ,—обстоятельства, на которыя слишкомъ мало обращалось вниманія при оцѣнкѣ трудовъ нашего психофонетика.

Считаю не излишнимъ указать здѣсь нѣкоторыя изъ общихъ положеній, къ которымъ привели Б—а его наблюденія и изслѣдованія явленій языка (см. его автобіографическую записку въ „Критико-біографич. словарѣ“ Венгерова V, 33—35): 1) Нѣтъ никакихъ звуковыхъ законовъ. 2) Причислять языкъ къ организмамъ, языковѣдѣніе же къ естественнымъ наукамъ—абсурдъ. 3) Сущность человѣческаго языка исключительно психическая. Существованіе и развитіе языка обусловлено чисто психическими законами. Нѣтъ и не можетъ быть въ рѣчи человѣческой или въ языкѣ ни одного явленія, которое не было бы вмѣстѣ съ тѣмъ психическимъ. 4) Кромѣ *психической* стороны языка слѣдуетъ отмѣчать и сторону *соціальную*. 5) Законы жизни и развитія языка еще не открыты, и они могутъ быть добыты только путемъ тщательныхъ индуктивныхъ изслѣдованій. 6) Причиной всѣхъ измѣненій языка является стремленіе къ удобству, стремленіе къ облегченію въ трехъ областяхъ языковой дѣятельности: въ области произношенія (*фонаціи*), въ области слушанія и восприниманія (*аудиціи*) и, наконецъ, въ области языкового мышленія (*цербраціи*). 7) Всѣ языки произошли путемъ *смѣшенія*. 8) Въ исторіи языковъ замѣчается фактъ постепеннаго человѣченія рѣчи человѣческой. 9) Историческія эволюціи морфологической стороны языка состоятъ въ поочередномъ перемѣщеніи языкового вниманія съ конца слова или предложенія къ его началу и наоборотъ. Жизнь словъ и предложеній языка—perpetuum mobile, состоящее изъ вѣсовъ, безпрестанно колеблющихся, но вмѣстѣ съ тѣмъ безпрестанно передвигающихся въ извѣстномъ направленіи. 10) Нѣтъ неподвижности въ языкѣ. 11) Въ языкѣ происходитъ вѣчное перемѣщеніе мѣстъ сцѣпленія дальше недѣлимыхъ языковыхъ единицъ. То извѣстная единица языка увеличивается на счетъ другой, то, наоборотъ, извѣстная единица лишается извѣстной части своего состава въ пользу другой. 12) Изреченіе „ex nihilo nil fit“ находитъ себѣ полное подтвержденіе и въ языковѣдѣніи. Происходящія какъ-будто изъ ничего языковыя единицы (фонемы, морфемы и пр.) создаются изъ готоваго уже матеріала и только получаютъ новую форму. 13) Слѣдуетъ брать предметъ изслѣдованія такимъ, каковъ онъ есть, не навязывая ему чуждыхъ ему категорій. 14) Въ языковѣдѣніи, еще болѣе, чѣмъ въ исторіи, слѣдуетъ

держаться требованій географіи и хронологіи. 15) Односложность корней аріо-европейскихъ языковъ ничѣмъ не доказана. 16) Корни существуютъ въ языкѣ всегда. 17) Для языковѣдѣнія, какъ *науки всесторонне обобщающей*, изслѣдованіе существующихъ теперь, *живыхъ* языковъ гораздо важнѣе изученія исчезнувшихъ языковъ, воспроизводимыхъ по письменнымъ памятникамъ. 18) Ребенокъ особенностями своей рѣчи предсказываетъ будущее состояніе племеннаго языка, и только впослѣдствіи пятится, такъ сказать, назадъ, все болѣе и болѣе приноравливаясь къ нормальному языку окружающихъ. 19) Толчки къ существеннымъ измѣненіямъ племенного языка даются, главнымъ образомъ въ языкѣ дѣтей. 20) Начало языка не *моногенетическое*, а *полигенетическое*. 21) Строго слѣдуетъ различать *развитіе* языка, отъ его *исторіи*. Исторія состоитъ въ простой послѣдовательности явленій однородныхъ, но различныхъ. Развитіе же состоитъ въ безпрерывности измѣненій не феноменальныхъ (касающихся только явленія), но существенныхъ. Развитіе свойственно языку индивидуальному, исторія же—языку „племенному (см. Бодуэнъ-де-Куртенэ, въ „Критикобіографич. словарѣ“ Венгерова V, стр. 33—35).

За послѣднее время неутомимый ученый предпринялъ цѣлый рядъ крупныхъ изданій: онъ издаетъ отдѣльный сборникъ своихъ статей, напечатанныхъ ранѣе въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. О цѣнности подобнаго собранія статей нашего ученаго въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, послѣ сказаннаго, нѣтъ надобности распространяться. Въ настоящее время изданъ первый томъ этого собранія подъ заглавіемъ: I. Baudouin de Courtenay, Szkice językoznawcze, I, Warszawa 1904. (особенно интересны здѣсь статьи: „Językoznawstwo czyli lingwistyka w wieku XIX-m, стр. 1—23; O zadaniach językoznawstwa стр. 24—49; O ogólnych przyczynach zmian językowych стр. 50—95; Kilka wypadków działania analogji w deklinacji polskiej стр. 176—248; Z fonetyki międzywyrazowej (äussere Sandhi) sanskritu i języka polskiego стр. 413—423; Интересныя этимологіи стр. 260—263, 431—434 и проч).

Съ 1903 г. Бодуэнъ редактируетъ 3-е изданіе „Толковаго словаря живого великорусскаго языка“ В. И Даля; пока вышло 2 тома, до буквы П. Кромѣ того, нашъ ученый слѣдитъ за этимологической частью и полнотой матеріаловъ въ издаваемомъ въ Варшавѣ, обширномъ „Słownik języka polskiego“.—

Я постарался вкратцѣ охарактеризовать научную дѣятель-

ность И. А. за 40 лѣтъ. Теперь скажу нѣсколько словъ объ университетскомъ преподаваніи профессора: рѣдко мнѣ въ университетѣ приходилось видѣть ученыхъ, такъ любящихъ свой предметъ, такъ глубоко его понимающихъ, такъ страстно имъ увлекающихся, и увлекающихъ другихъ. Достоинство его лекцій прежде всего слѣдуетъ видѣть въ ихъ самостоятельности: И. А. не придерживается ни одного руководства, ни одного готоваго ученія, онъ вполнѣ независимъ отъ современныхъ ученій другихъ изслѣдователей. Этимъ онъ открываетъ своимъ ученикамъ совершенно новыя области лингвистики, пріучаетъ ихъ къ такому же свободному, непредубѣжденному взгляду на предметы и цѣли изслѣдованія и воспитываетъ въ нихъ своимъ примѣромъ уваженіе и стремленіе къ такой же самостоятельности. Такая наука, какъ языковѣдѣніе, особенно нуждается въ столь опытномъ руководителѣ, не только исправляющемъ недостатки гимназическаго образованія, но и направляющемъ своихъ учениковъ въ области лингвистики. Изъ года въ годъ Бодуэнъ въ университетѣ читаетъ одинъ и тотъ же курсъ: „Введеніе въ языковѣдѣніе [1]), но какъ серьезно и добросовѣстно онъ относился къ университетскому преподаванію, явствуетъ изъ того, что ежегодно курсъ этотъ читается въ совершенно измѣненномъ и переработанномъ видѣ [2]). Желательно было бы видѣть изданіе этого курса: безъ сомнѣнія для русской науки онъ имѣлъ бы такое значеніе, какъ для нѣмецкой лигвинстики извѣстные „Grundzüge der Phonetik" Sievers'а. Интересно было бы и изданіе университетскихъ лекцій Бодуэна по „Сравнительной грамматикѣ славянскихъ нарѣчій" [3]). Онѣ были бы полезнымъ дополненіемъ къ общимъ трудамъ по славянскому языкознанію Миклошича и Флоринскаго.—

Въ отвѣтъ на рѣчь своего ученика проф. С. К. Булича, Бодуэнъ въ день своего юбилея, высказалъ мысль, что онъ и послѣ юбилея, на который часто смотрятъ, какъ на предѣлъ научныхъ занятій, надѣется продолжать свою научную дѣя-

---

[1]) Не по своей волѣ, какъ я узналъ отъ него лично.

[2]) См. Н. Крушевскій. Отчетъ о занятіяхъ сравнительнымъ языкознаніемъ за время отъ 15 декабря 1878 г. до 1 октября 1879 г. въ „Извѣстіяхъ Казанскаго Университета" 1882 г.

[3]) Въ настоящее время имѣющихся лишь въ литографированномъ курсѣ: „Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ въ связи съ другими индоевропейскими языками" проф. И. А. Бодуэна де-Куртенэ. Лекціи 1901—1902 гг. Составилъ студ. А. Шиловъ.

тельность, но онъ желаетъ своимъ товарищамъ, если имъ когда-нибудь придется праздновать подобный же юбилей, праздновать его въ болѣе счастливую пору.—Мнѣ кажется къ этимъ двумъ желаніямъ неутомимаго труженика безъ колебанія присоединится всякій; въ настоящее смутное время Россія особенно нуждается въ честныхъ, благородныхъ людяхъ, такъ смѣло ратующихъ за правду и за свободу.

М. Фасмеръ.

2 февраля 1906 г.

Къ изученію русскихъ народныхъ пѣсенъ.

I.

Одна изъ наиболѣе извѣстныхъ русскихъ пѣсенъ—„А мы просо сѣяли"—представляетъ въ своемъ содержаніи значительную неясность. Она постоянно сопровождается „игрою", слѣдовательно, мы въ ней имѣемъ небольшую сцену изъ стараго быта. Но связь между дѣйствіями двухъ являющихся передъ нами сторонъ почти отсутствуетъ.

Обратимся къ пѣснѣ и возьмемъ тотъ ея варіантъ, который находится въ пѣсенникахъ XVIII вѣка и между прочимъ у нѣкогда широко распространеннаго Прача [1]).

1. А мы просу сѣяли.—
2. А мы просу вытопчемъ.—
1. Да чѣмъ-то вамъ вытоптать?—
2. А мы коней выпустимъ.—
1. А мы коней переймемъ.—
2. Да чѣмъ-то вамъ перенять?—
1. Ахъ, шелковымъ неводомъ.—
2. А мы коней выкупимъ. И т. д.

Первая сторона сообщаетъ второй, что она на данной землѣ посѣяла просо. Вторая отвѣчаетъ угрозой вытоптать это просо конями. Первая въ свою очередь заявляетъ, что она не останется въ долгу и захватитъ коней. Вторая сторона смиряется и предлагаетъ выкупъ. Передъ нами вражда и угрозы. Изъ за чего? Что непріятнаго для второй стороны въ сѣяніи проса первою стороною? Какое основаніе имѣетъ она грозить насиліемъ? Почему, наконецъ, она за одну угрозу, не приведенную въ исполненіе, платится выкупомъ? Текстъ этого варіанта не

---

[1]) Мы пользуемся нашимъ изданіемъ: „Великорусскія народныя пѣсни", т. VII, Спб. 1902 г., № 695.

даетъ отвѣта. Очевидно, варіантъ принадлежитъ къ числу искаженныхъ. Очевидно, играющіе подъ этотъ варіантъ не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что поютъ.

Возьмемъ другой варіантъ [1]).

1. Ужъ мы пашню пахали.—
2. А мы просо сѣяли.—
1. А мы просо вытопчемъ. И т. д.

Здѣсь сцена имѣетъ уже иной характеръ. Первая сторона заявляетъ второй, что она на данной землѣ вспахала пашню. Вторая отвѣчаетъ, что она на этой же землѣ посѣяла просо. Передъ нами споръ о правѣ пользованія землею. Угроза вытоптать просо изъ устъ первой стороны—вполнѣ естественна; это—месть за нарушеніе ея права. Но за что именно эта сторона платится выкупомъ? Вѣдь jus primi occupantis на ея сторонѣ? Вѣдь вторая сторона не имѣетъ на землю никакихъ правъ? Очевидно, и этотъ варіантъ принадлежитъ къ числу пострадавшихъ отъ времени.

Возьмемъ еще варіантъ [2]).

1. А мы сѣчу сѣчали.—
2. А мы пашню пахали.—
1. А мы просо сѣяли.—
2. А мы коней... И т. д.

Споръ идетъ о томъ, кому снимать просо. Первая сторона расчистила землю изъ подъ лѣса. Вторая эту расчищенную землю распахала. Право на пользованіе землею принадлежитъ, несомнѣнно, первой сторонѣ. Вторая несетъ, за попытку захватить землю, наказаніе—платитъ штрафъ. Лишь этотъ варіантъ можетъ считаться полнымъ и сохраняющимъ основныя подробности пѣсни-прототипа.

Выжиганіе лѣса подъ пашню на нашемъ сѣверѣ и особенно въ Сибири - всѣмъ извѣстно. О томъ, что оно всего полстолѣтія назадъ практиковалось въ средней Россіи [3]), можно видѣть изъ книги *Есимонтовскаго*, Описаніе Суражскаго уѣзда Черниговской губерніи, Спб. 1846.

---

[1]) См. *тамъ же* № 702. Съ нимъ до извѣстной степени сходенъ № 704.
[2]) *Тамъ же* № 701. Съ нимъ сходенъ въ главномъ № 700.
[3]) Первый посѣвъ былъ всегда—просо.

II.

Всѣмъ извѣстна пѣсня „Ахъ, вы, сѣни мои, сѣни". Всѣ наличныя записи ея (ихъ немного) даютъ очень близкіе тексты. Въ нихъ ясно выдѣляются четыре части.

Первая [1]) вездѣ почти буквально одна и та же:

Ахъ, вы, сѣни мои, сѣни, сѣни новыя мои,
Сѣни новыя, кленовыя, рѣшетчатыя!
Ужъ знать что мнѣ по сѣничкамъ не ха́живати,
Мнѣ мила дружка за рученьку не важивати!

Ясно, что рѣчь ведетъ дѣвушка, просватанная не за милаго дружка, передъ тѣмъ, какъ ей оставить отеческій кровъ.

Вторая часть также вездѣ одна и та же:

Выходила молода за новыя ворота.
За новыя, дубовыя, за рѣшетчатыя;
Выпускала сокола изъ праваго рукава:
Полети ты, мой соколъ, высоко и далеко,
И высоко, и далеко на родиму сторону!
На родимой на сторонкѣ грозенъ батюшка живетъ...

Здѣсь говоритъ уже замужняя, находящаяся на чужой сторонѣ, для которой родимая сторона—далеко.

Третья часть въ разныхъ варіантахъ поется разно. Въ однихъ [2]) рѣчь идетъ о прошломъ:

Онъ грозенъ, сударь, грозенъ, онъ немилостивый:
Не пускаетъ молоду поздно вечеромъ одну!
Я не *слушала* отца, *потѣшала* молодца!

И далѣе [3]):

А затѣмъ его *забавила*, что одинъ сынъ у отца,
Зовутъ Ванюшкою, пивоварушкою...

Въ другихъ [4]):

Я не слушаю отца, а *потѣшу* молодца!
Я за то его *потѣшу*, что одинъ сынъ у отца...

---

1) Пользуемся *тамъ же* № 72.
2) *Тамъ же* № 74.
3) № 76.
4) № 72.

Четвертая часть для насъ наименѣе интересна. Она даетъ характеристику героя пивовара:

Пивоваръ пиво *варитъ*, зелено вино *куритъ*,
Зелено вино куритъ, красныхъ дѣвушекъ манитъ...

Или:

Пивоваръ пиво *варилъ*, зелено вино *курилъ*...

Первая и вторая части настолько разногласятъ между собою, что необходимо одну изъ этихъ частей признать искаженной. Нельзя сомнѣваться, что это—вторая часть. Дѣвушка, просватанная не за милаго, должна посылать вѣсть съ соколомъ не на родимую сторону, гдѣ она еще находится, а на чужую, гдѣ проживаетъ милый. Сравни пѣсню № 287 и сходныя:

. . . .

Полети-ка, сизенькій голубчикъ, въ саму дальную сторонку,
Ты найди-тка, сизенькій голубчикъ, мнѣ-ка милаго дружка,
Ты скажи про несчастье про мое,
Про такое про несчастье: Сашу замужъ отдаютъ,
Отдаютъ-то не за милаго дружка...

Очевидно, произошло смѣшеніе двухъ пѣсенъ, близкихъ по ритму и напѣву, и воздѣйствіе одной (неизвѣстной) на другую, на нашу. Возстановить первоначальный видъ послѣдней мы уже не можемъ.

Третья часть представляетъ лишь незначительное затрудненіе. Выборъ изъ двухъ глагольныхъ формъ—прошедшаго времени и будущаго—не труденъ. Если милый—далеко, значитъ, дѣвушка можетъ лишь вспоминать прошлое, а не мечтать о будущемъ.

Въ четвертой части также двѣ глагольныя формы—настоящаго времени и прошедшаго. Изъ нихъ форма прошедшаго легко могла явиться подъ вліяніемъ однородной формы въ третьей части. Слѣдовательно, форма настоящаго времени заслуживаетъ предпочтенія, тѣмъ болѣе, что она вполнѣ подходяща для характеристики пивовара.

А. Соболевскій.

Къ вопросу о постепенномъ „человѣченіи“ языка.

Языковѣдѣніе вообще и сравнительно-историческое изученіе индо-европейскихъ языковъ въ особенности собрало уже значительное количество разнообразныхъ данныхъ и пришло къ ряду частныхъ выводовъ. Теперь очередь за общими выводами.

Профессоръ И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ недавно издалъ [1]) свой рефератъ, читанный въ Русскомъ Антропологическомъ Обществѣ и озаглавленный: „Объ одной изъ сторонъ постепеннаго человѣченія языка въ области произношенія, въ связи съ антропологіей“. Этотъ рефератъ посвященъ, какъ показываетъ уже заглавіе, вопросу о постепенномъ „человѣченіи“ языка.

Произносятъ, говоритъ авторъ, т. е. производятъ звуки не только человѣкъ, но и животныя: птицы и млекопитающія. Но у животныхъ главный фокусъ фонаціи или звукопроизводства сосредоточивается въ нижнихъ и заднихъ органахъ рѣчи; если животныя и произносятъ ртомъ, то въ ихъ произношеніи участвуетъ вся полость рта, безъ различенія ея отдѣльныхъ частей, безъ частной локализаціи. Въ человѣческомъ же произношеніи замѣчается большое разнообразіе работъ полости рта и локализація въ полости рта составляетъ его главный признакъ.

Если стать на эволюціонную точку зрѣнія, продолжаетъ авторъ, то необходимо будетъ предположить, что переходъ отъ языковаго состоянія животнаго и до-человѣка къ языковому состоянію человѣка состоялъ въ общемъ выходѣ звукопроизводительной дѣятельности изъ полости гортани въ полость рта и въ появленіи настоящей членораздѣльности произношенія.

---

[1]) Ежегодникъ Русскаго Антропологическаго Общества при Имп. Спб. университетѣ, изд. подъ редакціей секретаря Общества *Б. Ф. Адлеръ*. Т. I, 1904 г., стр. 275—288.

2

Если первоначальное очеловѣченіе языка, говоритъ далѣе авторъ, состояло въ выходѣ главной массы произносительной дѣятельности изъ полости гортани въ полость рта, то спрашивается: нѣтъ ли продолженія того же историческаго процесса въ доступный изслѣдованію и гипотетической реконструкціи періодъ жизни извѣстныхъ намъ языковъ?

Какъ на самые существенные факты авторъ указываетъ на противуположности 1) полости гортани и полости рта и 2) въ полости рта—органовъ заднихъ и переднихъ, т. е. съ одной стороны — задней и средней части языка, съ другой же стороны—-передней части языка и губъ.

Чтобъ получить отвѣтъ на поставленный вопросъ, авторъ приводитъ рядъ фактовъ изъ исторіи индо-европейскихъ языковъ и изъ нихъ заключаетъ, что продолженіе человѣченія языка происходитъ.

Заключеніе и интересно, и важно. Но дѣйствительно и факты, на которые опирается авторъ, собраны полно и говорятъ убѣдительно?

Разсмотримъ изъ этихъ фактовъ четыре, одинъ за другимъ, въ томъ порядкѣ, какъ они излагаются авторомъ.

1) „Одна изъ фонаціонныхъ работъ гортани, такъ называемое *придыханіе* (аспирація) постепенно слабѣетъ, или совершенно исчезая, или по крайней мѣрѣ уменьшаясь какъ со стороны частоты появленія, такъ и со стороны каждовременной исполняемости. Это можно замѣтить при переходѣ отъ состоянія языка латинскаго къ состоянію языковъ романскихъ (итальянскаго, французскаго и т. д.), въ исторіи языковъ германскихъ (раньше *hl*, *hr*, впослѣдствіи *l*, *r* и т. п.) и т. д."

Мы очень мало знакомы съ романскою и германскою діалектологіей, и потому вѣримъ автору на слово въ томъ, что касается романской и германской группъ языковъ. Но славянская группа языковъ представляетъ нѣчто противоположное тому, что усматриваетъ авторъ въ группахъ романской и германской. Несомнѣнно, въ общеславянскомъ предкѣ этихъ языковъ не было придыхательнаго *h*, но на почвѣ отдѣльныхъ языковъ онъ появился, въ однихъ получившись изъ древняго задне-небнаго *g*, въ другихъ возникнувъ неорганически. Наши данныя не даютъ намъ возможности отличать придыхательное *h* отъ фрикативнаго γ (наблюдатели ихъ постоянно смѣшиваютъ), но не подлежитъ сомнѣнію, что придыхательное *h* на мѣстѣ древняго *g* существуетъ въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ; возможно, что оно существуетъ также въ говорахъ чешско-сло-

вацкихъ. Что до неорганическаго придыханія, то оно извѣстно какъ въ говорахъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ, такъ въ особенности въ говорахъ чешско-словацкихъ. Изъ послѣднихъ нѣкоторые имѣютъ его передъ каждымъ начальнымъ гласнымъ (**Bartoš**, Dialektologie Moravská, II, 187). Сверхъ того, верхнелужицкій языкъ имѣетъ неорганическое *h* передъ каждымъ начальнымъ *o*.

2) „Въ древнѣйшемъ исторически возсоздаваемомъ состояніи индо-европейскихъ языковъ отличались, по дѣйствію гортани, не только глухіе согласные отъ звонкихъ, но также придыхательные отъ непридыхательныхъ. Впослѣдствіи это второе различіе или исчезаетъ, или же замѣняется другого рода различеніемъ, фонаціонный базисъ котораго—полость рта". Авторъ ссылается на судьбы древнихъ придыхательныхъ согласныхъ въ разныхъ индо-европейскихъ языкахъ.

И здѣсь мы вѣримъ автору, что въ романскихъ и германскихъ говорахъ не возникло новыхъ придыхательныхъ согласныхъ. Но хотя придыхательные согласные не были извѣстны обще-славянскому предку, тѣмъ не менѣе въ одномъ изъ потомковъ—въ верхне-лужицкомъ языкѣ—одинъ такой согласный *kh* появился (на мѣстѣ древняго *x*): *khudy*, *khory*, *khopić*. Т. Д. Флоринскій говоритъ: „*kh* проникло къ Верхнимъ Лужичанамъ *подъ вліяніемъ нѣмецкаго языка* лишь въ концѣ XVII ст." („Лекціи по славянскому языкознанію", II, 621).

3) Исторія языковъ указываетъ на постепенное усиленіе звукопроизводной дѣятельности передней части языка и губъ на счетъ дѣятельности задней части. Въ этомъ направленіи замѣны работъ болѣе заднихъ работами болѣе передними совершилась замѣна прежняго индо-европейскаго *j* согласными передне-язычными въ греческой звуковой области (*dz* и даже простое *d*), въ области романской (итальянское *dž*, французское *ž* и т. п.), въ области индійской (пракритское *dž*).

Несомнѣнно, что въ рядѣ языковъ въ извѣстныхъ случаяхъ *j* перешелъ въ *dz*, *dž*; но мы видимъ и обратное явленіе—переходъ небнаго *d* въ *j*. Такъ, въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ мы слышимъ вмѣсто хо*д*ятъ, гля*д*ятъ и т. п.—хоятъ, глеятъ и т. п. Такъ, хорватскіе и словинскіе говоры въ значительной древности замѣнили древнѣйшую группу *dj* (черезъ небное *d'*?) простымъ *j*: gospoja изъ господja, ц.-сл. госпо*жд*а, meju, ц.-сл. ме*жд*ю.

4) Изъ комбинаторныхъ измѣненій звуковъ языка, приводящихъ въ концѣ концовъ къ замѣнѣ заднихъ звукопроизвод-

ныхъ работъ болѣе передними, И. А. Бодуэнъ указываетъ на замѣну *к'* (*кь*), *g'* (*гь*) въ разныхъ языкахъ или черезъ *ч*, *ж*, или черезъ *ц*, *дз*, или черезъ *t'* (*ть*), *d'* (*дь*). „Въ исторіи языковъ, прибавляетъ онъ, мы замѣчаемъ все новыя отложенія въ этомъ направленіи. Укажемъ, между прочимъ, на русское *ти*, *де* вмѣсто прежнихъ *ки*, *ге* (пау*ти*на, *ти*сть вмѣсто *ки*сть, ан*де*лъ вм. ан*ге*лъ и т. п.“).

И здѣсь мы встрѣчаемся съ обратнымъ явленіемъ. Нѣкоторые малорусскіе говоры (въ Покутьѣ, у Гуцуловъ) послѣдовательно замѣняютъ каждое *т'*, *д'* черезъ *к'*, *г'*: *к*істо—*т*ѣсто, *г*ідъ—*д*ѣдъ. Говоры македонско-болгарскіе, хорватскіе, словинскіе прекрасно знакомы съ тѣмъ же явленіемъ: болг. све*к*я, бра*к*я изъ свѣ*т*ја, бра*ть*я, ме*г*ю, *г*'ете, ви*г*ялъ, изъ ме*д*ју, *д*ѣте, ви*д*ѣлъ. Вульгарный московскій говоръ рядомъ съ ан*де*лъ представляетъ намъ и ор*г*енъ—ор*д*енъ, *к*исемка—тесемка, *К*итъ (собств. имя)—*Т*итъ.

Другіе факты, указанные И. А. Бодуэномъ въ доказательство постепеннаго „человѣченія“ языка, если не возбуждаютъ сомнѣнія въ самомъ своемъ существованіи,—также имѣютъ, почти всѣ, рядомъ съ собою факты прямо противуположные, т. е свидѣтельствующіе скорѣе о „звѣрѣніи“ языка, чѣмъ объ его „человѣченіи“.

Такимъ образомъ, уклонившись отъ односторонняго подбора матерьяла и поставивъ передъ собою все разнообразіе звуковыхъ измѣненій въ индо-европейскихъ языкахъ,—мы должны признать, что о „человѣченіи“ языка въ доступный наукѣ періодъ жизни индо-европейскихъ народовъ мы не имѣемъ права говорить. Весьма возможно, что это „человѣченіе“ въ чемънибудь дѣйствительно выражается, но факты, приведенные И. А. Бодуэномъ, и имъ подобные не свидѣтельствуютъ о немъ.

А. Соболевскій.

По волынскимъ захолустьямъ.

(Эскизы изъ дорожнаго альбома).

I.

На развалинахъ Коростеня.

Начинало смеркаться, когда мы вступили въ березовую аллею, ведущую въ мѣстечко Искорость, расположившееся на полпути изъ Житоміра въ Овручъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, находился нѣкогда Коростень, столица древлянская, сожженная княгиней Ольгой.

Широкая аллея привела насъ прямо въ мѣстечко, раскинувшееся на берегу живописной рѣчки Уши. Скоротавъ ночь подъ гостепріимнымъ кровомъ народной школы, на другой день мы съ товарищемъ принялись немедленно знакомиться съ достопримѣчательностями Искорости. Памятниковъ глубокой старины здѣсь чрезвычайно много; то и дѣло встрѣтишь или древнее городище, или курганъ, или развалины, къ которымъ пріурочена какая-нибудь красивая и наивная народная легенда.

Мы, первымъ дѣломъ, остановили свое вниманіе на знаменитыхъ „Ольгиныхъ купальняхъ“ или „Ольгиныхъ баняхъ“.

Рѣка Ушь, на которой, какъ я уже сказалъ, стоитъ Искорость, пробивъ себѣ путь въ гранитныхъ скалахъ, отрогахъ Карпатскихъ горъ, образуетъ въ своемъ каменномъ ложѣ три котлообразныя углубленія, совершенно круглыя и довольно глубокія. Это и есть „Ольгины купальни“, славящіяся среди крестьянъ своими цѣлебными свойствами.

Надъ котловинами каменное ложе приподнялось уступами и вода, ниспадая съ уступовъ шумнымъ водопадомъ, весело пѣнится и крутится въ каменныхъ ямахъ. Вдоль по теченію, ниже Ольгиныхъ купаленъ, вниманіе наблюдателя приковываютъ къ себѣ высокіе отвѣсные и мрачные берега Уши. Здѣсь гигантскіе камни, громоздясь другъ на друга, образуютъ пещеру —

„Ольгинъ гротъ“. Глубокая, таинственная и вмѣстѣ торжественная тишина вѣчно царитъ въ этомъ изломѣ рѣки. Каменные берега въ нѣсколько саженей высотой охраняютъ теченіе; самый сильный вѣтеръ не проникнетъ сюда и никогда не замутитъ рябью спокойную поверхность воды, которая представляется въ этомъ мѣстѣ черной, какъ чернила.

Это мѣсто называютъ въ народѣ „святье“. Старинное народное преданіе гласитъ, что здѣсь на одномъ изъ уступовъ высокой скалы была выстроена княгиней Ольгой христіанская церковь во имя св. Елены, первая церковь въ древлянской землѣ. Но, разсказываемъ преданіе, однажды въ „великдень“, т. е. на Свѣтлое Христово Воскресеніе, случилось великое чудо,—христіанскій храмъ, вмѣстѣ со священникомъ и молящимися, вмѣстѣ съ иконами и хоругвами, провалился сквозь землю. Такое попущеніе Божеское случилось по винѣ самой матушки-попадьи, которая, будучи обуреваема жадностью, несмотря на праздникъ „великдень“, вздумала было шить мѣшки для обильныхъ пасхальныхъ приношеній, которыя по обычаю ожидались отъ православныхъ христіанъ.

Съ тѣхъ поръ, разсказываетъ наивная народная легенда, если приложить ухо къ каменной скалѣ, то можно услышать по большимъ праздникамъ колокольный перезвонъ.

Противъ „Святья“, на противоположномъ (лѣвомъ) берегу рѣки, видны безпорядочно разбросанныя округленныя глыбы гранита. Ихъ называютъ въ народѣ „чортовы плечи“. Объ этихъ окаменѣлыхъ чортовыхъ плечахъ пастухъ—проводникъ разсказалъ мнѣ слѣдующее.

— Изъ давныхъ-давенъ это было. Захотѣли, значится, черти затопить весь свѣтъ. Вотъ они и думаютъ себѣ: давай-ка мы загородимъ камнями русло рѣки, разольется тогда Ушь и затопитъ весь міръ. И стали черти ждать-поджидать, когда придетъ удобное время. Вотъ и пришла темная осенняя ночь. Собрались тогда черти всѣ вмѣстѣ и что было силы-мочи уперлись плечами въ скалу. Они, стало-быть, желали опрокинуть скалу поперекъ рѣчки. Но не успѣли они окончить злого дѣла; увидѣлъ все это Господь и приказалъ пѣтуху раньше положеннаго времени крикнуть свое ку-ку-реку. Только хлопнулъ пѣтухъ крыльямъ и крикнулъ ку-ку-реку, — стали испуганные черти зарываться въ „багно“, но не успѣли они зарыться и вмигъ окаменѣли. Съ тѣхъ вотъ поръ и виднѣются каменныя плечи окаменѣлыхъ чертей...

Идя дальше по теченію красавицы Уши, мы встрѣтились съ

самой наиглавнѣйшей достопримѣчательностью Искорости,—съ грандіознымъ древнимъ городищемъ, поражающимъ своими необыкновенными размѣрами и чудно сохранившимися гигантскими валами. Эти валы и глубокіе рвы окружаютъ городище съ 3-хъ сторонъ, съ 4-й — его прикрывала рѣка Ушь, въ настоящее время значительно отступившая отъ своего прежняго русла. Много воды утекло въ рѣкѣ Ушѣ съ тѣхъ поръ, какъ устроилось это могучее укрѣпленіе. Возлѣ главнаго городища расположились еще три укрѣпленія, значительно меньшихъ размѣровъ. Одно стоитъ на противоположномъ берегу Уши, другое въ нынѣшнемъ мѣстечкѣ, третье въ помѣщичьей усадьбѣ. Главное городище занимаетъ довольно большое пространство, что то около 9 десятинъ, но эта земля никому не принадлежитъ,—ею пользуется тотъ, кто успѣетъ захватить ее пораньше съ весны. При вспашкѣ, на городищѣ то и дѣло попадается битая посуда, шиферныя пряслицы, старинное металлическое оружіе, ржавое желѣзо; встрѣчаются также мѣдныя складни, кресты-тѣльники и т. п. Особенно много находится шиферныхъ пряслицъ; намъ приносили ихъ цѣлыя сотни, нанизанныя на подобіе сушеныхъ грибовъ на длинную бичеву.

Валъ остается нераспаханнымъ. Онъ заросъ бурьяномъ и кустарникомъ. Чудный видъ на рѣку и луга открывается съ этого вала. Сверкающей лентой извивается голубая рѣка, среди мягкихъ зеленыхъ луговыхъ береговъ, справа подѣленное на правильные четыреугольники озимое поле, слѣва—широкій луговой коверъ, усѣянный пестрыми цвѣтами. Тихо, вездѣ безлюдно. Кое-гдѣ на берегу замѣтны движущіяся темныя точки,— это рыболовы тянутъ свой „волокъ". Все залито волнами золотого свѣта, только изрѣдка быстро скользнетъ по лугу легкая тѣнь отъ набѣжавшаго на солнце бѣлаго, какъ вата, облачка.

За лугами видно урочище „Малины", усѣянное курганами, а еще дальше—темныя пятна деревень, съ черными соломенными стрѣхами, съ зелеными маковками бѣлыхъ церквей.

Странныя ощущенія вызываетъ это мертвое поле, со своими большими и малыми курганами. Что за витязь лежитъ вонъ подъ этимъ самымъ большимъ бугромъ земли?

Какіе свершилъ онъ набѣги,
Какіе онъ жегъ города?

Мнѣ пришлось присутствовать при раскопкахъ этихъ нѣмыхъ памятниковъ былого. Раскопки свидѣтельствуютъ, что мы имѣемъ дѣло съ типомъ обыкновеннаго древлянскаго погребе-

нія. Покойниковъ хоронили въ деревянныхъ гробахъ, гробы ставили прямо на грунтъ, а сверху насыпали курганъ.

Осмотрѣвъ курганы, мы перебрались на противоположный берегъ рѣчки Уши и заглянули въ помѣщичью усадьбу. Здѣсь наше вниманіе невольно обратилось на 2 большихъ шиферныхъ креста, стоящихъ въ помѣщичьемъ саду. Надписей на нихъ мы не нашли. но своей формой, они очень напоминаютъ кресты—тѣльники великокняжеской эпохи.

Въ самомъ мѣстечкѣ насъ заинтересовала очень оригинальная постройка, сравнительно недавняго происхожденія. Надъ заколоченной наглухо дверью прибита доска, на подобіе вывѣски, съ надписью:

„Домъ Стефана Любовидзкаго, генералъ-лейтенанта Россійскихъ Войскъ. Умеръ 12 апрѣля 1807 г.“

Домъ деревянный, на каменномъ фундаментѣ изъ краснаго шифера; фасадъ украшенъ деревянными колонками.

Само по себѣ мѣстечко Искорость имѣетъ обычный видъ бѣдныхъ мѣстечекъ юго-западнаго края; правда, въ немъ нѣтъ традиціонныхъ зловонныхъ лужъ, въ которыхъ обывательскія свиньи такъ любятъ наслаждаться лѣнивымъ кейфомъ. Широкій шляхъ на Овручъ, обсаженный вербами и березами, даетъ характеръ приволья и просторъ всему мѣстечку. Черезъ Искорость недавно проведена новая желѣзная дорога изъ Кіева на Ковель. Съ облегченіемъ путей сообщенія, мы увѣрены, не замедлятъ обратить на себя всеобще вниманіе замѣчательные памятники старины бывшей древлянской столицы, отличающейся къ тому же удивительно живописнымъ мѣстоположеніемъ.

II.

Игорева могила.

Я снова побрелъ дальше по полѣсскимъ шляхамъ и проселкамъ, по лѣсамъ, пескамъ и шаткимъ непрочнымъ настилкамъ черезъ топкія болотныя трясины.

Я минулъ села Немировку и Воронево и набрелъ на огромный разрытый курганъ, окопанный валомъ, который имѣлъ форму четыреугольника, длиной около 60 шаговъ. Присѣлъ отдохнуть на могилѣ.

Ко мнѣ подошелъ старикъ пастухъ, досматривавшій стадо коровъ. Пастухъ былъ очень старъ, лѣтъ 70, если не больше,

босой, съ щетинистой бородой и длинными усами. Одѣтъ онъ былъ, несмотря на жаркую погоду, въ черную свиту изъ толстаго домашняго сукна.

— Не знаете-ли, что это за могила? спросилъ я у него.

— Это Ригорева могила, хлопче, богатыря Ригоря.

Пастухъ полагалъ, что передо мною была знаменитая Игорева могила, гдѣ по преданію былъ погребенъ сынъ Рюрика, убитый древлянами во время сбора дани въ 945 г.

— Какая огромная могила! вырвалось у меня.

— Э, хлопче,—отозвался старикъ,—она была огромная, а теперь она совсѣмъ небольшая, потому, — разорили ее паны. Вотъ оно что. Такая была высокая могила, что какъ былъ я маленькимъ хлопчикомъ, то съ превеликимъ трудомъ на нее я сбирался. Лѣзешь, бывало, лѣзешь *рачки* [1]) ажъ утомишься, пока до вершины доберешься. А какъ глянешь оттуда съ верхушки, такъ ажъ страшно тебѣ сдѣлается. И все тебѣ видать оттеда, безъ конца, безъ краю видать, молявъ, все равно, что на долони.. Геть-геть видно, якъ мріе впереди, якъ хресты на церквахъ мигтять. Эге-жъ. И страшно, страшно бывало мнѣ сдѣлается, ей-же Богу. Отъ я назадъ, назадъ, такъ и скочусь помаленьку...

— Кто же это ее разорилъ?

— Паны розруйновали, хлопче, паны... Э... давно это дѣло было, еще до воли это дѣло было, да и воля еще тогда не хутко [2]) пришла. Я стари-помню.

— Разскажите же, какъ это случилось.

— А такъ случилось. Понаѣзжали якись паны, кто? Откуда? Хиба-жъ мы знаемъ—откуда? Ну добре. Понаѣзжали паны... Нагнали народушка Божого—сила! Отовсюду сгоняли народъ. Были тутъ и изъ нашего Воронева, и изъ Сингаевъ, изъ Беховъ, изъ Бардъ, изъ Татарновичей, изъ Васьковичей, изъ Немирова... да откентелева ихъ тутъ только и не было... Ну хорошо. И приказали паны народу Ригореву могилу заступами копать, а землю, стало быть, кругомъ валомъ ссыпать. Стали заступами землю копать, стали землю въ корзинахъ таскать, да на тачкахъ вывозить... Вотъ и работалъ такъ народушко, долго работалъ, доколѣ какъ кроты, всю могилу, какъ есть, развернули. Такъ вотъ съ тѣхъ поръ и не стало у насъ той дивовижи.

---

1) на четверенькахъ.

2) не скоро.

— Что же нашли въ могилѣ?

— А ничего путного, хлопче, не знайшли. Кости знайшли, черепъ... кой-какое желизячче ржавое... А впрочемъ, поговариваютъ, что денегъ тоже знайшли великую силу, заграбастали паны скарбъ огромаднѣйшій...

Преданіе о томъ, что въ могилѣ Игоря схоронены огромныя сокровища („скарбъ"), заставляетъ крестьянъ рыться въ этомъ мѣстѣ еще и по настоящее время.

Я попробовалъ было поразспросить старичка о личности богатыря „Ригоря", но оказалось, что онъ имѣетъ о немъ самыя странныя понятія; его фантастическій разсказъ о „Ригорѣ" перепутывался съ легендой о какой-то царицѣ „изъ града Искры", которую будто бы „дуже уподобавъ богатырь Ригоръ" и т. п.

— Съ давныхъ давенъ се діялось! — прибавилъ старикъ, какъ бы въ оправданіе сбивчивости и фантастичности своего разсказа.

Въ это время вдали показалась маленькая дѣвочка въ красномъ платкѣ, несшая старику обѣдъ. Онъ поспѣшилъ ей навстрѣчу; а я побрелъ своей дорогой, черезъ село Ходаки, намѣреваясь остановиться на ночлегъ въ с. Татарновичахъ.

Въ Ходакахъ сохранился памятникъ церковнаго искусства, способный заинтересовать археологовъ. Памятникъ этотъ—ветхая деревянная церковь, перестроенная въ послѣдній разъ въ 17 вѣкѣ, всѣмъ своимъ внутреннимъ устройствомъ краснорѣчиво говорящая о временахъ уніи.

На колокольнѣ, на дверномъ косякѣ, сохранилась надпись, гласящая, что колокольня выстроена позже храма „дѣдичами" села Ходаковъ въ 1770 году. Царскія врата Ходаковскаго храма изображаютъ царя Давида, изъ груди котораго произрастаетъ виноградная лоза.

Ходаковскіе жители еще въ очень недавнее время славились своимъ чумацкимъ промысломъ. Любопытно, что чумачество сохранялось здѣсь даже до самаго послѣдняго времени, хотя, разумѣется, уже далеко не въ прежнемъ видѣ. Развитіе, рельсовыхъ путей сократило этотъ стародавній малороссійскій промыселъ, но не убило его совсѣмъ. И теперь еще нѣкоторые ходаковскіе крестьяне продолжаютъ возить въ степь смолу и деготь, забираясь даже въ Екатеринославную губернію. Надо полагать, что ходаковскіе чумаки—послѣдніе чумаки; вскорѣ исчезнетъ чумачество и на Волыни, какъ исчезло оно уже въ лѣвобережной Украйнѣ. Въ Ходакахъ единственнымъ памятни-

комъ чумачества, вѣроятно останется *озеро Крымне*. Объ этомъ озерѣ Крымне, отстоящемъ отъ села на полверсты не болѣе, существуетъ слѣдующее насмѣшливое преданіе.

Издавна отвозили чумаки въ Крымъ смолу и деготь, издавна привозили на возвратномъ пути изъ Крыма рыбу и соль. Далеко было возить чумакамъ соль изъ крымскихъ озеръ и вздумали они возить одну только рыбу, а соль порѣшили развести у себя дома, въ своемъ родномъ озерѣ. Задумано — сдѣлано. Привезли чумаки нѣсколько десятковъ возовъ соли изъ Крыма и *посѣяли* ее въ своемъ озерѣ, сказавши:

— Пусть разводится! Теперь у насъ будетъ свое крымне озеро! Но, увы! соль, потонула, растворилась, исчезла... А вода по прежнему осталась прѣсной. Почесали чумаки свои бритые затылки, вымочили въ дегтѣ свои холщевыя рубахи и шаровары шириною въ черное море, и снова погнали сѣрыхъ воловъ круторогихъ въ „далеку дорогу" за солью...

III.

Вечеръ наканунѣ Ивана Купала.

Былъ вечеръ, наканунѣ Ивана Купала.

Я остановился въ Татарновичахъ, маленькомъ бѣдномъ волынскомъ селѣ, пріютившемся на рѣчкѣ Лозницѣ, притокѣ красавицы Уши.

Я сидѣлъ на крылечкѣ сельской школы и слѣдилъ вмѣстѣ съ учителемъ, какъ постепенно стихала дневная суета.

Солнце заходило. Закатъ пылалъ пожаромъ. Это обѣщало на завтра ясный и жаркій день. Солнце закатилось, но алое сіяніе продолжало бороться съ сумерками, надвигавшимися довольно быстро. Прогнали стадо. Прошли косари, степенно и чинно, съ косами на плечахъ; пробѣжали дѣвушки, убиравшія ленъ и половшія свекловицу, громко смѣясь и переговариваясь.

Сумерки сгустились. Затеплились, замигали звѣзды, „какъ бережно несомыя свѣчи".

Наступила купальная ночь, сказочная ночь, когда разъ въ году разцвѣтаетъ огненнымъ цвѣтомъ папоротникъ, когда вѣдьмы и безобразныя мохнатыя чудища стаями скачутъ по полямъ и лѣсамъ, вылѣзая изъ каждой щели.

Вдругъ стало видно съ крыльца, — тамъ и сямъ по селу засвѣтились и задвигались слабые огоньки. Ужъ не папоротникъ

ли расцвѣлъ въ самомъ дѣлѣ? Свѣтящіяся точки сошлись вмѣстѣ, и въ томъ же мигъ къ намъ донесся отголосокъ звонкихъ купальныхъ пѣсенъ.

Учитель мнѣ объяснилъ, что это дѣвушки и „молодицы" идутъ на выгонъ „палить вѣдьму". Толпа приближалась,—дорога на выгонъ проходила мимо школы.

Купала на Йвана!..
Купався Иванъ
Доведеться и нам...

Явственно донесся къ намъ обрывокъ купальной пѣсни.

Впереди шла стройная дѣвушка съ голубымъ вѣнкомъ на головѣ изъ полевыхъ цвѣтовъ и держала въ рукахъ „*хвою*" или „*вильце*",—сосновую вѣтку, облѣпленную желтыми восковыми свѣчами. Вечерній воздухъ былъ настолько тихъ, что свѣчи горѣли яснымъ, не мигающимъ пламенемъ. Сверху хвои ярко пылалъ факелъ изъ пеньки, пропитанной воскомъ. Процессія направлялась къ великану—дубу, одиноко стоявшему, посреди выгона. Пѣсни не прерывались ни на минуту, въ нихъ больше всего говорилось о вѣдьмахъ—чаровницахъ.

Ой которой дівки відьма мати,
Та не пускае погуляти,
Та не пускае погуляти.
„Не йди, дівко, на юлоньку,
А я пойду на всю ночку
Та по чужу коровочку"...

Я вмѣшался въ толпу, и вмѣстѣ съ другими пошелъ на выгонъ.

Толпа расположилась вокругъ дуба.

Дѣвушки взялись за руки и продолжали пѣть:

А сей ночи съ полуночи
Повиколюю відьми очи,
Шобъ чужихъ коровъ не доїла,
Сиру масла не сбирала,
Шобъ чужихъ коровъ не чаровала!..

Пока дѣвушки распѣвали свои купальныя пѣсни, какой-то проворный паренекъ притащилъ изъ клуни куль соломы, живо вскарабкался на самую верхушку великана—дуба, укрѣпилъ тамъ соломенный снопъ и, зажегши его, нроворно слѣзъ съ дерева.

Куль сухой соломы, долженствовавшій изображать собою богомерзкую вѣдьму, тотчасъ-же затрещалъ, вспыхнулъ и ярко запылалъ, разгоняя кругомъ тьму и озаряя краснымъ трепетнымъ пламенемъ стоявшую подъ развѣсистымъ деревомъ толпу дѣвушекъ, продолжавшихъ пѣть:

Татарновичська відьма
Да на дуба лізла,
Да на дуба лізла
Кору гризла...
А съ дуба упала
Кориння копала,
Кориння копала
Коровъ чаровала!

А снопъ соломы продолжалъ пылать, то ярко вспыхивая, то ослабѣвая; и когда пламя слабѣло, черная ночь надвигалась снова и освѣщенный кругъ суживался; потомъ опять раздавался трескъ горѣвшей соломы, освѣщенный кругъ расширялся и рѣзко чернѣли на освѣщенномъ фонѣ широкіе дубовые листья и переплетъ корявыхъ вѣтвей. Вдругъ пламя вспыхнуло въ послѣдній разъ, горящій снопъ сорвался съ дерева и съ глухимъ стукомъ упалъ на землю. Милліоны искръ взвились къ небу и быстро погасли...

Ночная тьма, стоявшая вокругъ черной стѣной, дрогнула и плотно сомкнулась.

На необъятномъ небесномъ сводѣ, казалось, еще ярче прежняго замигали звѣзды...

Побѣда надъ вѣдьмой, повидимому, ободрила и развеселила толпу. Дѣвушки запѣли шутливыя пѣсни:

Ой чия-жъ то голова
Загоріласея була?
Ѳедорина голова
Загоріласея була...
Стовпомъ дымъ,
Стовпомъ дымъ!..

А Ѳедора съ родощами
Носить воду пригорщами,
Ой носила—не втушила,
По волоссю голосила...

Въ слѣдующей пѣснѣ сильно доставалось „хлопцямъ“ отъ насмѣшливыхъ „дівчатъ“.

Покочу дойницю,
Всі хлопці въ світлицю.
Покочу долото,
Всі дівки въ болото.
Хоть хлопці въ світлиці,
За то вони паршивці,
Хоть дівки въ болоті,
Да всі въ золоті!..

До самой полуночи продолжался торжественный обрядъ сожженія татарновичской вѣдьми, на широкомъ лугу, подъ старымъ развѣсистымъ дубомъ. Видѣлъ этотъ могучій дубъ, думалось мнѣ, глядя на него, видѣлъ не мало на своемъ вѣку, — видѣлъ и чубатыя запорожскія головы, и чалмы хищныхъ татаръ, которые подъ нимъ стояли,

Копитами землю грасовали,
Мечами гилье обтинали,
Ясненькиї огни раскладали,
Криничноï води доставали,
Въ кришталеві пляшки наливали...

Все это видѣлъ старый дубъ, обо всемъ этомъ шумятъ его широкіе листья, но непонятна и загадочна его рѣчь.

Отъ временъ казацкихъ мысль переносилась во времена болѣе глубокія, когда жили, чувствовали и дѣйствовали тѣ покойники, истлѣвшія кости которыхъ мирно покоятся вонъ подъ тѣми безмолвными высокими курганами. И тогда, какъ теперь, тоже собирались парни и дѣвушки на широкій лугъ въ ночь, наканунѣ Ивана Купала, зажигали яркіе костры, прыгали, кружились и пѣли радостныя, веселыя пѣсни могучему богу солнечнаго свѣта и тепла, выѣзжающему на небо на трехъ коняхъ: золотомъ, серебряномъ и бриллiантовомъ и разсыпающему искры по всему необъятному міру...

Иванъ Абрамовъ.

Живая старина [1]).

Замѣтивъ нѣсколько разъ клейма на днищахъ горшковъ, выставленныхъ на рынкѣ въ селѣ „Рогачево," Дмитровскаго уѣзда Московской губ., клейма подобныя древнимъ, находимымъ на горшкахъ въ курганахъ, я разыскалъ мастеровъ, изготовлявшихъ интересующіе меня горшки, осмотрѣлъ ихъ производство, снялъ прилагаемыя фотографіи, взялъ образчики клеймъ, горшки и все это представилъ въ Имп. Арх. Ком. въ 1904 г.

Изъ того, что видѣлъ и узналъ на мѣстѣ, оказалось:

1) Горшки съ клеймами изготовляются около села Куликова Дмитровскаго уѣзда, на ручныхъ гончарныхъ кругахъ самаго примитивнаго устройства; становъ — скамейка, въ которой вертикально укрѣпленъ деревянный колъ конической формы, на этотъ колъ надѣваются круглые куски дерева съ хорошо пригнаннымъ въ колу отверстіемъ. Несмотря на такую простоту станка, горшки на немъ изготовляются и быстро, и чисто. Обжигаются горшки въ печи слабо и не держатъ, какъ слѣдуетъ, воду.

Рис. 1.

Рис. 2.

2) Горшки *снимаются* съ круга прямо руками, а не срѣзываются, какъ это дѣлается теперь.

3) Клейма на днѣ горшковъ получаются потому, что имѣется клеймо на кругѣ (рис. 1 и 2).

4) Производство горшковъ въ такой формѣ сокращается; имъ заняты въ настоящее время уже немногіе, преимущественно старики, и скоро, вѣроятно, прекратится въ указанной мѣстности.

Изъ подробныхъ распросовъ крестьянина Григорія Петрова

---

[1]) Статья эта была напечатана въ „Зап. Отд. р. и сл. арх. И. Р. А. О-ва", т. VII, в. 1. Авторъ нѣсколько переработалъ ее для нашего журнала. За клише редакція приноситъ глубокую благодарность С. Ѳ. Платонову.

(см. рис. 3) и его семьи въ деревнѣ Глазачево близь села Куликова и крестьянъ Быковыхъ въ дер. Клюшниковѣ (тамъ же) выясняется назначеніе клеймъ,—по однимъ, какъ знакъ мастера, по другимъ есть результатъ „баловства“; встрѣчаются иногда у нихъ же и круги, а значитъ и горшки, безъ всякихъ клеймъ. Изготовленіе этого рода горшковъ, повидимому, весьма мало до-

Рис. 3.

ходно: для односельчанъ, по словамъ крестьянина Петрова, онъ работаетъ даромъ, придетъ кто нибудь и говоритъ: „сдѣлай-ка мнѣ горшечекъ“. Видѣнное мною производитъ впечатлѣніе такое, что все производство идетъ чисто традиціонно, оставаясь на все той-же первобытной степени совершенства, мѣсто производства, не смотря на близость Москвы, есть истинно медвѣжій уголъ—достаточно взглянуть на выраженіе лицъ и позы участниковъ группы.

Н. Смирновъ.

Община у зырянъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Требованіе малоземельныхъ, выразившееся въ вышеприведенной фразѣ, не можетъ долго оставаться въ такой неопредѣленной формѣ. Все учащающіяся требованія уравненій вызываютъ необходимость въ установленіи общаго принципа ограниченія безсрочнаго доселѣ владѣнія землею. Съ теченіемъ времени этотъ принципъ получаетъ слѣдующую формулировку, сохраняющуюся и въ настоящее время: *каждый можетъ разработать участокъ земли и пользоваться имъ, пока не окупятся расходы по обработкѣ; послѣ же этого община имѣетъ право отобрать излишнюю противъ другихъ общинниковъ часть и передать ее тѣмъ, у кого земли меньше.* Въ дальнѣйшемъ общинѣ предстоитъ разрѣшить цѣлый рядъ второстепенныхъ, хотя не менѣе важныхъ въ практическомъ отношеніи вопросовъ. На первую очередь выдвигается вопросъ о томъ, какіе участки признавать окупившими произведенныя для ихъ расчистки затраты. Рѣшеніе этого вопроса далеко не сразу получаетъ ясную и опредѣленную формулировку. Земля грубо разбивается на двѣ части: *дѣдовскую* или *старинную* и *новочисти*, или *распашки*. Въ первую входятъ участки, разработанные много лѣтъ тому назадъ, „дѣдами" современнаго поколѣнія; во вторую—участки новѣйшей разработки, расчищенные недавно, на глазахъ общинниковъ. Но такая неопредѣленность одинаково не выгодна, какъ для малоземельныхъ, такъ и для многоземельныхъ, такъ какъ она ведетъ къ тому, что при уравненіяхъ, въ однихъ случаяхъ, болѣе старинныя земли остаются нетронутыми, расчищенныя же сравнительно недавно поступаютъ въ разрядъ земель, предназначаемыхъ для уравненія. Все основывается на памяти населенія и на совѣсти понятыхъ. И то, и другое не всегда можетъ правильно разрѣшить задачу. Дальнѣйшіе шаги общины направлены поэтому къ установленію опредѣленнаго срока, достаточнаго для возвращенія издержекъ по расчисткѣ. Большинство общинъ уста-

навливаетъ сначала одинъ общій для всѣхъ угодій срокъ, но уже вскорѣ выясняется необходимость разнообразить сроки по отношенію къ различнымъ участкамъ, такъ какъ трудность разработки не вездѣ одинакова; въ однихъ случаяхъ она сводится лишь къ уничтоженію мелкаго кустарника, въ другихъ требуетъ значительной работы по вырубкѣ, сжиганію лѣса, выкорчевыванію пней и т. д. Въ зависимости отъ этого устанавливается цѣлый рядъ сроковъ; такъ въ Устькуломской волости сѣнокосы, расчищенные изъ-подъ мелкаго ивняка, поступаютъ въ разверстку чрезъ 2 года, изъ-подъ болѣе крупнаго кустарника или мелкаго лѣса—чрезъ 5—10 лѣтъ и т. д. до 40 лѣтъ для участковъ пашни, разработанныхъ изъ-подъ крупнаго лѣса. Такое разнообразіе встрѣчается впрочемъ далеко не вездѣ, въ большинствѣ общинъ устанавливается одинъ—два срока; для болѣе легкихъ по разработкѣ участковъ *определенныхъ* сроковъ совсѣмъ не устанавливается; все дѣло въ такихъ случаяхъ всецѣло представляется совѣсти понятыхъ, которые, обмѣривая участки, тутъ же опредѣляютъ, какіе изъ нихъ должны быть изъяты изъ индивидуальнаго пользованія. Огромное большинство общинъ установило максимальный срокъ въ 40 лѣтъ; иногда онъ спускается до 20 и только въ Устьнемской волости поднимается до 60 лѣтъ. Въ установленіи величины срока помимо трудности разработки участвуютъ многіе факторы; между ними степень доходности угодій и утѣсненіе въ землѣ играютъ немалую роль. Чѣмъ то и другое выше—тѣмъ сильнѣе сказывается склонность къ уменьшенію срока индивидуальнаго пользованія и къ болѣе энергичному переводу участковъ земли въ общинное владѣніе.

Устанавливаемыми сроками вся земля разбивается на двѣ группы: передѣляемую и непередѣляемую. Первая фигурируетъ подъ самыми разнообразными наименованіями: *дѣдовской*, *старинной*, *мірской*, *душевной*, *общественной* и т. д.; вторая—подъ названіями: *льготной*, *приговорной*, *распашекъ*, *расчистокъ*, *новочистей* и т. д. Подраздѣленіе общей массы земель на двѣ группы не есть подраздѣленіе территоріальное и не носитъ постояннаго характера; величина обѣихъ группъ постоянно мѣняется; участки, отбывшіе срокъ индивидуальнаго пользованія переходятъ въ разрядъ передѣляемыхъ, замѣняясь въ свою очередь вновь расчищенными участками. По мѣрѣ того, какъ сокращается площадь, пригодная для дальнѣйшихъ расчистокъ, количество льготной земли сокращается, взамѣнъ этого растетъ площадь передѣляемыхъ земель. Мы имѣемъ данныя

по четыремъ волостямъ, позволяющія судить объ этомъ соотношеніи; на 100 дес. мірской земли приходится льготной, въ среднемъ, по волостямъ:

въ Помоздинской	61,1	дес.
„ Устькуломской	111,1	„
„ Устьнемской	222,9	„
„ Шиловской	208,0	„

При разсмотрѣніи не поволостныхъ, а пообщинныхъ данныхъ колебанія усиливаются. Maximum'ы и minimum'ы колебаній будутъ для селеній:

Помоздинской волости	max.	129,4	min.	33,2	Количество мірской земли=100.
Устькуломской „	„	201,0	„	86,7	
Устьнемской „	„	567,0	„	127,4	

Въ различныхъ общинахъ въ разрядъ передѣляемыхъ земель перешла далеко не вся земля; въ такихъ общинахъ, какъ Парчевская, едва лишь 1/6 часть всей пахотной земли находится въ общинномъ владѣніи, вся остальная масса находится попрежнему въ рукахъ тѣхъ, кто ее разработалъ. Для обозначенія указанныхъ двухъ группъ земли мы не воспользуемся ни одинмъ изъ мѣстныхъ названій; не желая увеличивать и безъ того достаточное въ нашей литературѣ число терминовъ, мы возьмемъ два изъ нихъ, уже пріобрѣвшіе до нѣкоторой степени право гражданства: *подворныя* или *льготныя* и *общинныя* или *мірскія* земли. Скажемъ прежде нѣсколько словъ о первой группѣ.

Ограничивъ право владѣнія участками, вернувшими благодаря долгой эксплоатаціи затраты по разчисткѣ, община вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не стѣсняетъ своихъ членовъ въ расчисткѣ новыхъ участковъ изъ-подъ лѣса. Основной принципъ зырянскаго воззрѣнія на землю—каждый имѣетъ право трудиться на свободной и незанятой трудомъ другого землѣ—остается не тронутымъ. Крестьянинъ попрежнему захватываетъ нужный ему участокъ и разработываетъ его, не спрашивая разрѣшенія общины. Послѣдняя не считаетъ себя вправѣ вмѣшиваться въ отношенія своихъ членовъ къ свободнымъ землямъ и этимъ лишній разъ подчеркиваетъ, что она не смотритъ на прилегающія къ разработаннымъ участкамъ свободныя земли какъ на свою собственность. Они ничьи и никто не можетъ присваивать себѣ право распоряжаться ими, разрѣшать или запрещать ихъ разработку. Лишь когда положенный на разработку

3*

трудъ выводитъ ихъ изъ положенія „ничьихъ" и отдаетъ, въ силу трудового права, во владѣніе членовъ общины, лишь тогда община считаетъ себя вправѣ въ интересахъ общинниковъ регулировать пользованіе участками. Такой взглядъ не можетъ долго держаться. По мѣрѣ того, какъ утѣсненіе въ землѣ усиливается, становится возможнымъ столкновеніе одновременныхъ притязаній на лучшіе и болѣе легкіе для разработки участки; во избѣжаніе споровъ и пререканій община бываетъ вынуждена иногда взять въ свои руки районъ, который почему либо болѣе другихъ привлекаетъ взоры крестьянъ. Такъ Розь-динская община раздѣлила между домохозяевами прилегающія къ полямъ старыя подсѣки [1]), не заросшія лѣсомъ и не требующія почти никакой предварительной расчистки, кромѣ удаленія сгнившихъ уже пней [2]). Такъ многія другія общины раздѣлили природные сѣнокосы, позволяющіе непосредственную эксплоатацію и составляющіе поэтому предметъ одновременнаго притязанія всѣхъ домохозяевъ. Зачастую выдѣленіемъ такого района и кончается вмѣшательство общины въ захватъ ея членами свободныхъ земель. По отношенію ко всей остальной территоріи, гдѣ нѣтъ мѣста для столкновеній, ссоръ и пререканій, община предпочитаетъ оставаться въ сторонѣ и въ той же Розь-динской общинѣ происходитъ совершенно свободная расчистка участковъ внѣ выдѣленнаго района. Въ послѣдніе годы въ общинахъ замѣчается стремленіе установить регистрацію всѣхъ вновь расчищаемыхъ участковъ. Она сводится къ тому, что каждый домохозяинъ, расчистивъ участокъ, *заявляетъ* объ этомъ сходу; сходъ выдаетъ приговоръ, въ которомъ обозначается: размѣръ, названіе и мѣстоположеніе участка, годъ расчистки, продолжительность срока подворнаго пользованія и годъ предстоящаго перехода участка въ общинное пользованіе. На языкѣ крестьянъ: „взять приговоръ", взять „разрѣшеніе" на расчистку участка — употребляется одно вмѣсто другого; но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло *не съ разрѣшеніемъ*, а *только съ заявкой*. Какъ до введенія регистраціи, такъ и при ея существованіи никакого предварительнаго разрѣшенія на расчистку не бралось и не берется. Всего лучше это доказывается тѣмъ, что крестьянинъ дѣлаетъ заявку иногда спустя нѣсколько

---

[1]) Онѣ служили для выпаса скота, почему и не облѣсились.

[2]) „Означенныя мѣста, нынѣ уже расчищенныя до готовой пашни, оставить намъ самимъ, кто изъ насъ расчистилъ, *а нерасчищенныя мѣста—кому гдѣ достанется изъ насъ*"..... *согласно разверсткѣ, произведенной на томъ же сходѣ*. (Изъ приговора Розь-динской общины отъ 19 авг. 1884 г.).

лѣтъ послѣ разработки. Приговоръ выдается общиннымъ сходомъ и представляетъ документъ, который въ случаѣ притязаній другихъ лицъ можетъ служить доказательствомъ при разборѣ спора. Регистрація вызвана желаніемъ общины имѣть возможность въ каждый данный моментъ произвести учетъ участковъ, находящихся въ подворномъ пользованіи, и тѣмъ избѣжать недоразумѣній, обыкновенно возникающихъ при уравненіяхъ, когда приходится опредѣлять возрастъ расчистки. Участокъ, на который не взятъ приговоръ, можетъ быть при первомъ передѣлѣ изъятъ изъ пользованія расчистившаго его лица и включенъ въ общую массу передѣляемыхъ земель, даже въ томъ случаѣ, если установленный срокъ подворнаго пользованія не окончился. Впрочемъ, установивъ эту конфискацію, община очень часто, руководясь „совѣстью", не отбираетъ незаявленные участки, когда на ихъ разработку затраченъ значительный трудъ. Въ зависимости отъ предварительной выборки приговоровъ, и самые участки во многихъ общинахъ носятъ названіе „приговорныхъ".

Въ теченіе всего времени, пока продолжается срокъ подворнаго пользованія, община гарантируетъ расчистившимъ участки домохозяевамъ неприкосновенность права пользованія. Въ приговорѣ Розь-динской общины по этому поводу говорится: „отнюдь никому изъ насъ не вступаться въ чужія мѣста самовольно въ теченіе сорока лѣтъ и не допускать къ раздѣлу между собою по числу душъ, а въ случаѣ кто изъ насъ самовольно вступится въ чужія расчистки, то съ нимъ можно будетъ поступать какъ за чужую собственность по закону" [1]). Община по прежнему продолжаетъ высоко цѣнить трудовое право и на все установленное время предоставляетъ своимъ членамъ право почти неограниченнаго владѣнія, граничащаго съ правомъ собственности. Подворный участокъ составляетъ предметъ полнаго распоряженія лица, расчистившаго его. Онъ можетъ быть проданъ, отданъ въ приданое за дочерью, вымѣненъ, сданъ въ аренду и т. д. Пріобрѣвшій его получаетъ всѣ тѣ права, которыя принадлежали ранѣе прежнему хозяину участка. Вначалѣ община не обращаетъ вниманія на то, кому отчуждается участокъ, но затѣмъ она начинаетъ слѣдить, чтобы онъ не переходилъ къ членамъ другой общины. Въ этомъ и заключается единственное ограниченіе права отчужденія. Какъ сказано выше, въ подобныхъ случахъ отчуждается не участокъ,

---

[1]) Цитированный выше приговоръ.

а лишь пріобрѣтенное расчисткой право на дальнѣйшее приложеніе эксплоатаціоннаго труда.

Во все время подворнаго пользованія участки освобождаются отъ всякихъ податей и повинностей, почему и называются иногда „льготными". Всѣ сборы, какъ-то:. выкупные платежи, государственный поземельный налогъ, земскій и мірской сборы развёрстываются соотвѣтственно количеству имѣющейся мірской земли. За неплатежъ повинностей крестьяне отвѣчаютъ также только мірской землею; подворная ни въ какомъ случаѣ не отбирается ни въ цѣломъ видѣ, ни по частямъ. Большее или меньшее количество ея не накладываетъ на крестьянина никакихъ правъ кромѣ тѣхъ, какія онъ несетъ какъ владѣлецъ доли мірской земли. Пока домохозяинъ продолжаетъ обработывать свой подворный участокъ, община держится полнаго невмѣшательства. Нѣкоторыя ограниченія вызываются иногда характеромъ практикующейся системы земледѣлія; такъ, напр., хозяинъ подворнаго участка вынужденъ подчиняться обязательному сѣвообороту [1]), если участокъ лежитъ въ одномъ общемъ съ мірскими землями полѣ; главная масса подворныхъ земель находится обыкновенно внѣ полей сѣвооборота, по окраинамъ пахотнаго землепользованія, центръ котораго занимаютъ мірскія земли; поэтому въ большинствѣ случаевъ онѣ выдѣлены особою загородью въ самостоятельные участки. Такъ какъ подворные участки представляютъ не сплошную массу, а разбросаны отдѣльными расчистками по окружающимъ селеніе выгоннымъ землямъ, то въ видахъ предупрежденія отъ потравъ приходится почти каждую отдѣльную полосу огораживать особо; этимъ и объясняется то огромное количество всевозможныхъ плетней и загородокъ, которое такъ поражаетъ наблюдателя. Если участокъ перестаетъ подвергаться эксплоатаціи на болѣе или менѣе опредѣленное время въ силу какихъ либо причинъ хозяйственнаго характера (временное уменьшеніе рабочей силы, потеря части скота), то онъ попрежнему продолжаетъ числиться за домохозяиномъ и только, когда существуютъ очевидныя доказательства, что участокъ брошенъ совсѣмъ, община

---

[1]) Обязательный сѣвооборотъ распространенъ не по всему району: въ сѣверо-восточныхъ волостяхъ устьсольскаго уѣзда домохозяинъ совершенно не стѣсненъ въ этомъ отношеніи, почему на поляхъ можно видѣть рожь рядомъ съ ячменемъ, или овсомъ, тутъ же посаженъ картофель, невдалекѣ ютится полоса клевера (посѣвъ травъ—очень рѣдкое явленіе). О выпасѣ скота на поляхъ послѣ уборки хлѣбовъ—при такомъ пестропольи не можетъ быть и рѣчи.

береть его въ свое вѣдѣніе и присоединяеть къ общей массѣ передѣляемыхъ земель.

По истеченіи срока льготнаго пользованія, участокъ по общему правилу поступаетъ при первомъ же ближайшемъ передѣлѣ въ общую массу передѣляемыхъ земель, но онъ не исчезаетъ въ ней безслѣдно. Если имѣющейся у домохозяина мірской земли оказывается при передѣлѣ недостаточнымъ противъ нормы, то недостающее количество пополняется изъ тѣхъ подворныхъ земель того же домохозяина, которыя, какъ окончившія свой срокъ, должны перейти въ разрядъ передѣляемыхъ; на нихъ домохозяинъ имѣетъ преимущественное предъ другими право.

Община безъ нужды никогда не отбираетъ ихъ, если только они не нарушаютъ необходимаго соотвѣтствія между площадью земли и количествомъ земельныхъ душъ въ семьѣ.

Широкія льготы, представляемыя общиною владѣльцамъ подворныхъ участковъ по отношенію къ отбыванію денежныхъ повинностей несомнѣнно вызываются желаніемъ общины облегчить возвращеніе произведенныхъ при расчисткѣ затратъ. Если принять во вниманіе, что вновь расчищенные участки въ первые годы даютъ незначительные урожаи и только впослѣдствіи, благодаря постоянному и обильному удобренію, улучшаются,— обложеніе ихъ тотчасъ же по расчисткѣ легло бы тяжелымъ бременемъ на крестьянъ. Съ этой точки зрѣнія льготы поддерживаютъ хозяйственную инициативу, поощряя къ дальнѣйшимъ расчисткамъ. Но, съ другой стороны, нельзя не сознаться, что эти льготы въ связи съ значительнымъ срокомъ льготнаго пользованія находятся въ крайнемъ несоотвѣтствіи съ величиной дѣйствительной затраты труда на разработку. Попробуемъ подсчитать приблизительную стоимость производимыхъ на расчистку затратъ въ связи съ доходностью участка.

Допустимъ, что участокъ, предназначенный для обращенія въ пашню, сильно облѣсенъ; въ такомъ случаѣ, если позволяютъ почвенно-топографическія условія, на немъ закладывается подсѣка. Авторъ статьи о полеводствѣ въ „Итогахъ экон. изсл. Устьс. у.“ сообщаетъ, что при средней затратѣ на разработку десятины подсѣки въ 49 р. 10 к. валовая доходность = 90 р., откуда чистая = 40 р. 90 к. Для обращенія бывшей подсѣки въ пашню требуется выкорчевать оставленные пни. Если принять во вниманіе стоимость этой работы, а также и то, что урожайность на пашнѣ въ первые годы ниже чѣмъ въ позднѣйшіе, то мы всетаки вынуждены будемъ признать,

что затраты по окончательной разработкѣ десятины пашни съ избыткомъ покроются совокупностью доходовъ отъ подсѣки и отъ пашни въ первый же или первые два года ея существованія [1]). Участокъ не всегда даетъ возможность заложить на немъ подсѣку, но съ другой стороны далеко не всегда предназначенный для превращенія въ пашню участокъ покрытъ лѣсомъ. Въ большинствѣ случаевъ въ пашню обращаются не лѣсные участки, а прилегающія къ полямъ пустоши, старыя подсѣки, выгоны, иногда слабо облѣсенные, иногда же покрытые лишь одними полусгнившими пнями. Какъ бы то ни было, но въ 5—6 лѣтъ эксплотаціи, даже трудный для расчистки участокъ вполнѣ окупаетъ произведенныя затраты. Если тѣмъ не менѣе населеніе имѣетъ пристрастіе къ установленію значительно большихъ сроковъ (до 40 и даже до 60 л.), то это нужно объяснить съ одной стороны желаніемъ общины предоставить крестьянину не только возможность вернуть затраты, но и попользоваться плодами работы, съ другой—все еще глубоко сидящими въ зырянахъ уваженіемъ къ труду и тѣми понятіями и взглядами, которые вынесены изъ эпохи индивидуальнаго владѣнія. Несомнѣнно, что съ теченіемъ времени, при все возрастающемъ значеніи земледѣлія и увеличивающейся тѣснотѣ, эта оцѣнка значительно падетъ; сроки подворнаго пользованія уменьшатся и общинное пользованіе охватитъ значительно большую часть угодій.

Идея уравненія не только ограничивается участками, прошедшими болѣе или менѣе продолжительный срокъ льготнаго пользованія, но даже и ихъ она охватываетъ далеко не всѣ. Во многихъ случаяхъ уравненію подвергаются угодья только одного какого-нибудь вида — пашни или сѣнокосы. Общину такого рода мы называемъ *неполною*, при чемъ, въ зависимости отъ рода разверстываемаго угодья, она можетъ быть или *пахотною* или *сѣнокосною*. Большинство неполныхъ общинъ относится къ разряду сѣнокосныхъ, что объясняется тѣмъ, что въ районѣ изслѣдованія сѣнокосныя угодья имѣютъ склон-

---

[1]) Для старой пашни, много лѣтъ подрядъ удобряемой, тотъ же авторъ опредѣляетъ чистую доходность съ десятины ячменя 73,25 р. и ржи 80,40 р. Для „распашки", т. е. новой пашни эти цифры должны быть уменьшены; кромѣ того, онѣ вообще страдаютъ нѣкоторымъ несоотвѣтствіемъ дѣйствительности, такъ какъ при выводѣ ихъ не приняты во вниманіе: амортизація капитала, издержки на огораживаніе полей, ремонтъ инвентаря и построекъ удобреніе и проч. Въ нѣкоторой своей части эти замѣчанія относятся и къ цифрѣ 40 р. 10 к.—чистой доходности десятины подсѣки.

ность переходить въ общинное пользованіе ранѣе пахотныхъ. Селенія съ такой формой пользованія входятъ обыкновенно въ составную сѣнокосную общину. При этомъ по отношенію къ пахотнымъ угодьямъ или каждое изъ нихъ представляетъ самостоятельную общину, или они группируются въ рядъ небольшихъ составныхъ общинъ, или же совсѣмъ не уравниваются.

Переходя къ вопросу о простыхъ и составныхъ общинахъ, позволимъ себѣ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе, такъ какъ признаемъ за нимъ важное значеніе въ исторіи зырянской общины. На этомъ вопросѣ лишній разъ подтверждается то положеніе, что общинная жизнь въ районѣ слагается главнымъ образомъ подъ вліяніемъ тѣхъ причинъ, которыя выдвигаются естественно-историческими и хозяйственными условіями, обходя рамки, поставленныя ей другими, стоящими внѣ этихъ условій причинами.

Селенія зырянъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ разбросаны группами, состоящими изъ 5—7, иногда 10 селеній. Такой характеръ разселенія вызванъ неудобствами, какія приходится испытывать селенію, заброшенному среди непроходимыхъ лѣсовъ, изолированному отъ другихъ селеній и отъ всего міра. Группы селеній, или „жила“, занимаютъ склоны и отчасти вершины береговыхъ уваловъ болѣе значительныхъ рѣкъ, въ большинствѣ случаевъ при впаденіи въ нихъ другихъ меньшихъ рѣчекъ. Въ центрѣ группы располагется погостъ, т. е. село съ церковью, домами для причта, волостью, лавками, кабакомъ и нѣсколькими крестьянскими домами, а кругомъ въ разстояніи отъ 3 до 7 верстъ разбросаны другія селенія. Нѣкоторыя изъ нихъ основались почти въ одно время съ погостомъ, другія — позже путемъ выселенія изъ старыхъ деревень. Съ одного высокаго холма иногда можно видѣть сразу чуть не все жило. Теперь, когда земледѣліе играетъ видную роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ и количество угодій, принадлежащихъ селенію, довольно велико, поля отдѣльныхъ селеній почти сливаются, будучи раздѣлены развѣ только логами рѣчекъ и ручьевъ. Но въ то время, когда постоянное земледѣліе въ видѣ трехполья еще только начинало играть роль, пахотные участки располагались у самыхъ дворовъ, вся же остальная площадь, занятая нынѣ пахотными угодьями, пустовала; она была покрыта болѣе или менѣе крупнымъ лѣсомъ, разграничивающимъ такимъ образомъ поля сосѣднихъ селеній. По мѣрѣ того, какъ земледѣліе растетъ и населеніе увеличивается — одинъ лѣсной участокъ за другимъ подвер-

гается разработкѣ. Въ погонѣ за лучшими участками крестьяне удаляются отъ общей массы угодій, разбрасываются заимками по свободной лѣсной площади, и вскорѣ аванпосты отдѣльныхъ селеній встрѣчаются. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе происходитъ сліяніе пахотныхъ угодій; на границѣ сліянія образуется сильная черезполосица; участки одного селенія заходятъ за участки другого. На ряду съ этимъ въ томъ же направленіи дѣйствуютъ: покупка, дареніе и другіе виды отчужденія, всегда имѣвшія и имѣющія право гражданства въ поземельныхъ отношеніяхъ зырянъ. Въ совокупномъ дѣйствіи всѣ эти причины перепутываютъ участки до того, что сплошь и рядомъ крестьянинъ одного селенія имѣетъ участокъ возлѣ самыхъ усадебъ другого. Теряется возможность указать, гдѣ кончается землепользованіе одного селенія и гдѣ начинается землепользованіе другого; поля сливаются въ одну сплошную массу. При достаточной изолированности селенія періодическія разверстки въ немъ земельныхъ угодій могутъ быть выполняемы совершенно свободно и независимо; но нарисованная выше спутанность дѣлаетъ независимость невозможной. Селенія слишкомъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, чтобы передѣлъ и вызываемыя имъ перетасовки полосъ въ одномъ не задѣвали интересовъ другого. Отсюда проистекаетъ стремленіе производить одновременные передѣлы, откуда уже одинъ шагъ до сліянія наиболѣе заинтересованныхъ селеній въ одну *составную* общину для совмѣстной разверстки угодій. Не малымъ толчкомъ къ сліянію простыхъ общинъ служитъ и то неравенство въ величинѣ душевыхъ паевъ, которое всегда наблюдается въ различныхъ общинахъ. Крестьянину, начинающему дорожить каждымъ лишнимъ клочкомъ земли, становится все болѣе труднымъ мириться съ тѣмъ, что его сосѣдъ, живущій за ложкомъ, но уже въ другой деревнѣ, пользуется большимъ количествомъ земли чѣмъ онъ. Даже такія узко-хозяйственнаго характера причины, какъ вопросъ о регулированіи выпуска скота на сѣнокосы, разрѣшаемый всѣми заинтересованными селеніями сообща, заставляетъ одну простую общину сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ другой. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и образованіе новыхъ починковъ путемъ выселенія изъ наиболѣе стѣсненныхъ землею общинъ. Приведемъ здѣсь не лишенное интереса описаніе г. Остроумовымъ причинъ и порядка такого выселенія. „Можетъ быть еще и такой случай, что извѣстная дерюга находится невдалекѣ отъ деревни и у крестьянина въ обыкновенномъ полѣ, передѣляемомъ во время

ревизіи, надѣлъ очень невеликъ, а скота достаточно и если у крестьянина эта дерюга порядочнаго размѣра и, кромѣ того, неподалеку отъ нея находится другая, которая появилась на свѣтъ благодаря его же трудамъ, тогда такой крестьянинъ строитъ около этихъ дерюгъ домъ со всѣми службами, слѣдовательно выселяется изъ деревни, въ которой жилъ ранѣе и основываетъ новую деревню, поселокъ, выставку и пока не наступила ревизія пользуется тѣмъ надѣломъ, который данъ ему, какъ общиннику прежней деревни; при ревизіи же обыкновенно лишается его въ пользу метрополіи общины и надѣляется тѣми дерюгами, которыя лежатъ около его двора. Значить возникаетъ новый зачатокъ общины—выставка, которая можетъ современемъ выслости въ деревню—отдѣльную общину, благодаря размноженію только выселившагося семейства или отъ присоединенія другихъ колонистовъ, вышедшихъ изъ какой нибудь ближайшей деревни. *Если эта выставка находится вблизи какой-нибудь другой деревни, то можетъ впослѣдствіи поступить въ общій передѣлъ съ землею ея*" [1]). (Курсивъ нашъ). Авторъ какъ будто дѣлалъ свое описаніе съ Устьсысольскаго уѣзда. Въ послѣднее время подобныя выселенія особенно участились; почти возлѣ каждой значительной деревни можно найти одинъ—два небольшихъ выселка. Пока „дерюги" въ достаточной степени изолированы отъ пахотныхъ угодій метрополіи, выселокъ сохраняетъ самостоятельное пользованіе ими, но, по мѣрѣ роста выселка и метрополіи, изолированность исчезаетъ, наступаетъ та же спутанность земельныхъ угодій, какая нарисована выше. Результатъ получается тотъ же: сплетающіеся съ каждымъ днемъ интересы заставляютъ выселокъ слиться со своей метрополіей въ одну составную общину. Но едва ли не самое большее вліяніе на ходъ образованія составныхъ общинъ имѣетъ форма пользованія сѣнокосными угодьями. Процессъ индивидуализаціи селеній, совершающійся въ періодъ господства залежной системы и при переходѣ ея въ трехполье, имѣетъ мѣсто главнымъ образомъ по отношенію къ пахотнымъ, но не къ сѣнокоснымъ угодьямъ. Объясненій этому нужно искать въ томъ, что удаленность сѣнокосныхъ участковъ въ несравненно меньшей степени стѣсняетъ свободу ихъ расчистки, чѣмъ констатировано выше по отношенію къ пахотнымъ угодьямъ. Въ

---

[1]) „Наблюденія надъ поземельными отношеніями крестьянъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Устюжскаго и Тотемскаго уѣздовъ Вологодской губ.". Матеріалы для общиннаго землевладѣнія. Молва. 1876 г., № 31.

поискахъ за лучшими и требующими меньше труда для расчистки участками крестьяне разбрасываются по всѣмъ рѣкамъ и рѣчкамъ, уходя отъ селенія за 80 и даже за 100 верстъ. Участки, расположенные вблизи селенія и игнорируемые жителями въ виду трудности разработки, занимаются иногда семьями, хотя живущими и въ болѣе удаленныхъ селеніяхъ, но располагающими достаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ. На протяженіи всей территоріи, тяготѣющей къ жилу, каждый домохозяинъ имѣетъ неограниченное право производить расчистки въ любомъ мѣстѣ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого получается чрезвычайно пестрая картина; участки различныхъ селеній перемѣшиваются самымъ причудливымъ образомъ на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ; образуется та же спутанность землепользованія, чрезполосность, какую мы видѣли въ пахотныхъ угодьяхъ, но только въ значительно большей степени. Переходъ къ совмѣстной разверсткѣ сѣнокосовъ имѣетъ болѣе сильныя основанія и совершается скорѣе, Когда выдвигается вопросъ о совмѣстной разверсткѣ пахотныхъ угодій, то между простыми общинами есть уже точка соприкосновенія, такъ какъ фактически онѣ представляютъ изъ себя одну составную сѣновосную общину. При наличности послѣдней, переходъ къ совмѣстной разверсткѣ пахотныхъ угодій является настоятельною необходимостью, въ виду той неустойчивости, которую получаетъ хозяйство отъ хронологическаго несоотвѣтствія передѣловъ пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій. Чтобы выяснить эту неустойчивость сдѣлаемъ маленькую экскурсію въ область экономики мѣстнаго сельскаго хозяйства. Уже было сказано, что отличительная черта зырянскаго трехпольнаго хозяйства состоитъ въ колоссальномъ удобреніи полей. Не безинтересно привести здѣсь выборку изъ одной таблицы, помѣщенной въ „Итогахъ....“ (см. статью о полеводствѣ стр. 239).

Названія обществъ.	Число пудовъ навоза на 1 д. яров. поля.
Устькуломское	4640,50
Устьнемское	3318,00
Мыелдинское	4930,00
Пожегодское	3235,30
Помоздинское	3289,00
Въ среднемъ.	3842,60

Въ среднемъ количество пудовъ навоза на десятину ярового поля [1]) достигаетъ почти до 4 тысячъ [2]). Авторъ статьи о полеводствѣ заподозриваетъ цѣлесообразность такого огромнаго удобренія, но намъ тѣмъ не менѣе приходится считаться съ существующимъ фактомъ. При такомъ положеніи дѣла необходима громадная масса сѣнокосовъ для содержанія потребнаго количества скота, являющагося въ районѣ единственнымъ производителемъ удобренія. Выборка изъ таблицы, помѣщенной въ той же статьѣ, показываетъ размѣры этой потребности.

Названія обществъ.	На 1 дес. всей пашни приходится: десят. сѣнокоса.	дес. удобряем. пашни.
Устькуломское	4,07	0,49
Устьнемское	4,55	0,74
Мыелдинское	5,01	0,63
Пожегодское	4,80 [3]).	0,51
Помоздинское	3,60 [3]).	0,48
По району	4,88	0,55

„Если принять во вниманіе, пишетъ авторъ, что удобряемыхъ ежегодно пашенъ имѣется около половины всего количества ихъ, то окажется, что *для удобренія въ 1 годъ одной десятины пашни используется около 10 дес. сѣнокоса*". (Курсивъ автора). Наличность потребнаго количества сѣнокосовъ становится необходимымъ условіемъ везможности веденія хозяйства. Всякое колебаніе въ соотношеніи пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій влечетъ измѣненіе въ количествѣ удобренія и дѣлаетъ урожаи неустойчивыми. Неурожай травъ быстро сокращаетъ количество скота у населенія, заставляя его тѣмъ самымъ уменьшать удобреніе. Такъ въ Шиловской волости два

[1]) Въ устьсысольскомъ уѣздѣ удобреніе вывозится исключительно подъ яровое.

[2]) Спѣшимъ предупредить удивленіе и недовѣріе тѣхъ г. г. спеціалистовъ, которые незнакомы съ условіями веденія хозяйства на сѣверѣ. Указанныя цифры получены конкретнымъ путемъ, именно взвѣшиваньемъ вывезеннаго на полосы удобренія, почему вѣрность ихъ находится внѣ сомнѣнія.

[3]) Въ „Итогахъ" вмѣсто 4,88 и 3,60 стоятъ соотвѣтственно 6,13 и 2,88; эти цифры оказались невѣрными, такъ какъ при выводѣ произошло недоразумѣніе: двѣ деревни, при группировкѣ пахотныхъ угодій, попали въ одно общество, при группировкѣ же сѣнокосныхъ—въ другое.

Приводимыя нами цифры исправлены.

неурожайныхъ года уменьшили число лошадей на 7,3 %, коровъ на 25,3 % и мелкаго скота на 46,5 %. Также отражается на скотоводствѣ и всякая другая причина, влекущая уменьшеніе имѣющейся въ домохозяйствѣ площади сѣнокосовъ. Хронологическое несоотвѣтствіе между передѣлами пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій очень часто служитъ такой причиной. Оно влечетъ къ тому, что домохозяинъ, получившій прирѣзку пашни на прибылыя души, не можетъ удобрить ее, такъ какъ неизмѣнившаяся площадь сѣнокосовъ не даетъ возможности соотвѣтственно увеличить количество скота; то же происходитъ и въ томъ случаѣ, когда при передѣлѣ сѣнокосовъ часть ихъ отбирается у домохозяина, а количество пашни остается неизмѣннымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ равновѣсіе нарушается; часть пашенъ, за невозможностью удобрить ихъ, забрасывается, или удобряется за счетъ уменьшенія удобренія остальной массы. Невыгодныя послѣдствія такого порядка усиливаются еще болѣе съ изданіемъ закона, запрещающаго частные передѣлы; при такихъ условіяхъ несоотвѣтствіе между кормовой и посѣвной площадями можетъ продолжаться до 10 лѣтъ, не ослабляясь уже частичными переводами участковъ соотвѣтственно прибыли или убыли числа душъ.

Населеніе ищетъ выхода изъ затруднительнаго положенія и находитъ его въ переходѣ къ совмѣстной одновременной разверсткѣ пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій. Цѣлый рядъ простыхъ или небольшихъ составныхъ пахотныхъ общинъ, входящихъ въ составъ одной большой сѣнокосной общины, соединяются и образуютъ одну полную составную общину. При этомъ бываютъ случаи, что отдѣльныя селенія, входящія въ составную сѣнокосную общину и неразверстывающія свои пахотныя угодья, подъ вліяніемъ общаго перехода приступаютъ къ передѣлу и пашенъ. Сордъ-ивская община въ 1900 году поставила на очередь вопросъ объ уравнительной разверсткѣ пахотныхъ угодій, но благодаря противодѣйствію многоземельныхъ онъ не былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Малоземельные врядъ ли бы добились скоро передѣла, если бы въ 1901 году на общемъ сходѣ Помоздинской составной сѣнокосной общины, въ которую входила и д. Сордъ-ивская, не было рѣшено приступить къ общему разверстанію пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій.

Подъ вліяніемъ указанныхъ причинъ образованіе составныхъ общинъ идетъ впередъ быстрыми шагами. Въ видѣ иллюстраціи укажемъ на ту эволюцію, которую испытали общины

Шиловской волости. Въ 1884 году волостнымъ сходомъ было постановлено: „пахотную землю изъ деревни въ деревню не переводить и дѣлить въ деревнѣ сколько таковой окажется позагонно“, (приговоръ отъ 16 сентября 1884 г.).

Подеревенная разверстка въ результатѣ повлекла къ тому, что на наличную душу м. п. (каковая принята за единицу при разверсткѣ) въ различныхъ деревняхъ приходилось неодинаковое количество угодій.

Въ дер.	Боръ-Надболотинской	1300	кв. с.
„	Тирословской	860	„ „
„	Нѣмцевской	580	„ „
„	Спиринской	460	„ „
„	Пакшинской	360	„ „
	и т. д.		

Такое различіе въ величинѣ паевъ по деревнямъ не могло долго держаться и въ 1900—1901 г. постановлено раздѣлить пахотныя и сѣнокосныя угодья безъ отнесенія ихъ къ отдѣльнымъ деревнямъ, чѣмъ и достигнуть одинаковой величины душевыхъ долей по всей волости. Но уже, при перемѣркѣ земель, выяснилось практическое неудобство этого способа, заключающееся въ томъ, что крестьянинъ, получившій дополнительное количество земли въ другой отдаленной деревнѣ, фактически не могъ воспользоваться имъ за дальностью разстоянія, и какъ видно изъ дополнительнаго приговора шиловскаго волостного схода, крестьяне избрали средній путь; они раздѣлили волость на три части, назвали ихъ „третями“ и произвели уравненіе внутри каждой отдѣльной трети. Хотя между деревнями различныхъ третей и осталась нѣкоторая разница въ величинѣ паевъ, но она значительно менѣе прежней. На ѣдока (за единицу принять ѣдокъ обоего пола) приходится:

Въ Шиловской	трети	291	кв. с.
„ Порубской	„	256,8	„ „
„ Занюльской	„	169,4	„ „

Группа селеній или „жила“, преообразовываются такимъ образомъ съ теченіемъ времени въ составныя полныя общины. Бытовая—административная община становится кромѣ того и земельной. Почти буквально тоже пишетъ и Остроумовъ по отношенію къ устюжскому и тотемскому уѣздамъ: „такъ какъ селенія наши представляются оазисами среди дремучихъ лѣсовъ,

то слѣдовательно и община будетъ этотъ оазисъ" [1]). Иногда одно изъ селеній составной общины настолько удалено отъ остальныхъ, что фактическое уравненіе его съ ними невозможно; въ такихъ случаяхъ, принявши общіе принципы и сроки разверстки, оно устанавливаетъ величину душевой доли самостоятельно; вслѣдствіе этого она можетъ быть не равна таковой же въ другихъ селеніяхъ общины. Въ дер. Ванолдинской, напр., душевая доля пахотныхъ угодій равна 310 кв. с., а въ остальныхъ селеніяхъ составной общины она равна лишь 212 кв. с. Но это нисколько не мѣняетъ хозяйственнаго характера общины, тѣмъ болѣе, что по отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ дер. Ванолдинская пользуется паемъ, одинаковымъ для всѣхъ селеній общины.

Генеральное межеваніе, образовавъ крестьянскія дачи, объявило входящія въ нихъ земли находящимися въ общемъ владѣніи всѣхъ замежеванныхъ въ дачу селеній. Съ юридической точки зрѣнія эти селенія составляютъ одну поземельную составную общину. На дѣлѣ однако этого нѣтъ. Мы видимъ, что отдѣльныя селенія или представляютъ самостоятельныя общины, или сливаются съ другими близлежащими селеніями, образуя болѣе или менѣе значительныя составныя общины; нѣкоторыя селенія совсѣмъ не уравниваются угодьями. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда генеральная дача обнимаетъ землепользованіе „жила", т. е. группы близьлежащихъ селеній, она иногда совпадаетъ съ составной общиной. Но такое совпаденіе далеко не общее правило. Селенія живутъ своей жизнью, совершенно не руководствуясь проведенными границами. Дѣло не обходится безъ столкновенія на этой почвѣ съ мѣстной администраціей, какъ представительницей оффиціальныхъ началъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно дѣло крестьянъ Алексѣя Уляшева и друг. Помоздинско-Модлаповская составная община отказала этимъ крестьянамъ въ надѣленіи землею, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что они переселились изъ селеній, хотя и находящихся въ предѣлахъ той же генеральной дачи, но не входящихъ въ составъ названной общины. Земскій начальникъ и уѣздный съѣздъ, куда перешло дѣло по жалобѣ крестьянъ, признали составленный въ этомъ смыслѣ приговоръ недѣйствительнымъ, какъ постановленный не отъ подлежащаго схода. Пахотная и сѣнокосная земля находится въ общемъ владѣніи всѣхъ 10 селеній дачи села Помоздинскаго,

[1]) Op. cit.

поэтому, по мнѣнію органовъ мѣстной администраціи, приговоръ могъ быть постановленъ только общимъ сходомъ крестьянъ всѣхъ селеній.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи позволимъ себѣ коснуться статьи г. В. Ф. Попова, затрагивающей вопросъ о зырянскомъ землепользованіи вообще и о составныхъ общинахъ въ частности [1]). На десяти страничкахъ, относящихся собственно къ предмету нашего изслѣдованія, авторъ даетъ довольно много фактическаго матеріала, правда теперь немного устарѣвшаго, тѣмъ не менѣе очень цѣннаго, такъ какъ онъ почерпнутъ изъ мірскихъ приговоровъ, этихъ лѣтописей деревенской общественной жизни. Отчасти мы воспользовались имъ для своей работы, исправивъ то, что̀ подверглось измѣненію за послѣдующее десятилѣтіе, поскольку эти измѣненія могли быть нами наблюдаемы. Отдавая дань уваженія почтенному автору, какъ знатоку края и піонеру въ дѣлѣ изслѣдованія существующихъ земельно-правовыхъ нормъ у зырянъ, тѣмъ не менѣе рѣшаемся высказать, что авторъ имѣетъ не достаточно отчетливое и ясное представленіе объ общинѣ—предметѣ своего изслѣдованія. Это влечетъ у него къ большой путаницѣ въ понятіяхъ и терминахъ. Зная, насколько ясная терминологія необходима во всякомъ изслѣдованіи, тѣмъ болѣе объ общинѣ, мы и позволяемъ себѣ попытаться разобрать эту путаницу. „Земельно-хозяйственное дѣленіе уѣзда, пишетъ г. Поповъ, какъ будетъ видно ниже, значительно разнится отъ административнаго, обусловливаясь тѣми теченіями общественно-хозяйственной жизни, которыя имѣли мѣсто совершенно внѣ вліянія административныхъ соображеній и интересовъ и создали эту иную картину распредѣленія уѣзда на хозяйственныя единицы (общины). При этомъ надо замѣтить, что далеко не всѣ *общества* уѣзда успѣли выработать вполнѣ оформившуюся и сложившуюся *хозяйственную общину*; нѣкоторыя изъ сельскихъ обществъ на этомъ пути не сдѣлали ни одного шага и продолжаютъ выражать собою одну *земельную* общину, состоящую изъ слишкомъ отдаленныхъ для этого другъ отъ друга поселеній; другія общества предоставили зародившимся общинамъ право распоряженія только пахотными и не рѣшаются сдѣлать того же по отношенію къ луговымъ землямъ, доминирующее значеніе которыхъ въ сельско-хозяйственной жизни давно понято насе-

---

[1]). Эта статья написана, если не ошибаемся, около 10 лѣтъ тому назадъ но въ печати появилась впервые лишь въ 1902 году въ „Итогахъ....“

леніемъ и *право распорядковъ, надъ которыми сельскія общества стараются удержать за собою*. Въ этихъ послѣднихъ обществахъ хозяйственная община начинаетъ только слагаться, формируясь примѣнительно къ удобствамъ существующаго расположенія земельныхъ угодій и распорядковъ пользованія ими." (Курсивъ вездѣ нашъ). Прежде всего спѣшимъ увѣрить г. Попова, что сельское общество, какъ таковое, въ Устьсысольскомъ уѣздѣ никогда не присваиваетъ себѣ права распорядковъ надъ сѣнокосными и вообще надъ какими бы то ни было угодьями. Если это иногда и бываетъ, то общество дѣйствуетъ здѣсь не какъ общество, а какъ составная община, лишь случайно съ нимъ совпавшая. Анализируя причины и ходъ образованія составныхъ общинъ мы видѣли, что онѣ формируются, говоря словами самого же г. Попова, „совершенно внѣ вліянія административныхъ интересовъ и соображеній". Иногда онѣ менѣе общества, иногда болѣе, „формируясь примѣнительно къ удобствамъ существующаго расположенія земельныхъ угодій." Въ пожегодскую составную сѣнокосную общину входятъ не только селенія пожегодскаго сельскаго общества, но и д. д. Скородумская и Кырнышъ, входящія въ составъ другого общества.

Такихъ примѣровъ можно при желаніи привести не одинъ. Нельзя и вообще говорить о какой бы то ни было роли сельскихъ обществъ, этихъ административныхъ органовъ, въ выработкѣ „вполнѣ оформившихся и сложившихся хозяйственныхъ общинъ", какую роль навязываетъ имъ г. Поповъ. Далѣе авторъ говоритъ о земельной общинѣ. Что онъ разумѣетъ подъ нею—опредѣленно сказать трудно; съ бòльшей вѣроятностью можно предположить, что въ данномъ случаѣ имѣется въ виду юридическая община, т. е. группа домохозяевъ, имѣющихъ общее право на занятыя земли; такъ какъ съ другой стороны авторъ пріурочиваетъ земельную общину къ обществу, то повидимому подъ указаннымъ типомъ общины онъ разумѣетъ общество какъ юридическую единицу. И здѣсь проглядываетъ полное незнакомство автора съ фактическимъ положеніемъ дѣла. Сельское общество у зырянъ не есть юридическая община. Достаточно привести для иллюстраціи одинъ примѣръ. Въ составъ Кочергинскаго и Верхолузскаго обществъ входятъ селенія: 1) замежеванныя въ генеральныя дачи, 2) образованныя на основаніи закона 9 ноября 1870 года [1]), 3) получившія

[1]) Отводъ лѣснымъ вѣдомствомъ въ безсрочную аренду.

владѣнныя записи по закону 1866 года [1]) и 4) селенія самовольнаго типа. О какой юридической общинѣ можно говорить, имѣя на лицо такую пеструю картину юридическихъ правъ на землю? А между тѣмъ почти всѣ общества имѣютъ если не подобную, то развѣ немного меньшую спутанность правъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи у г. Попова общество изъ юридической или по его терминологіи земельной общины превращается въ хозяйственную, а потомъ и въ земельно-хозяйственную. „Также Шиловское и Уркинское общества, какъ уже упоминалось выше, передѣлившія земли по наличнымъ членамъ мужского пола, выражаютъ цѣликомъ и хозяйственныя единицы общины... Затѣмъ сельскія общества: Богоявленское Слободское..... Кочергинское, Верхолузское..... каждое въ то же время представляетъ одну земельно-хозяйственную общину". Г. Поповъ не объясняетъ намъ, что̀ нужно разумѣть подъ терминами „хозяйственная" и земельно-хозяйственная община, да врядъ ли онъ и самъ знаетъ, что̀ это такое. Какой напримѣръ смыслъ можно вложить въ понятіе земельно-хозяйственной общины, когда такимъ терминомъ г. Поповъ называетъ Верхолузское общество? Это общество заключаетъ до десятка мелкихъ починковъ, разбросанныхъ среди малопроходимыхъ лѣсныхъ дебрей и болотъ на площади около $2^1/_2$ тысячъ кв. верстъ. Или какая хозяйственная связь до 1900 года существовала между селеніями Шиловскаго общества, когда эти селенія прямо писали въ приговорѣ: „землю изъ деревни въ деревню не переводить?" Авторъ не могъ не знать этихъ фактовъ Зырянскаго землепользованія, а между тѣмъ они находятся въ самомъ вопіющемъ противорѣчіи со смысломъ употребляемыхъ имъ терминовъ. На протяженіи всей статьи г. Попова термины и понятія, совершенно различныя по своему существу, спутываются невозможнымъ образомъ. Административная единица—общество, смѣшивается съ юридической и обѣ вмѣстѣ—съ хозяйственной. Боимся, но вынуждены допустить, что г. Поповъ совершенно не отличаетъ общества отъ общины. Причина этой путаницы ясна. Авторъ не могъ не замѣтить того поразительно-огромнаго распространенія, какое получили у зырянъ составныя общины. Только тамъ, гдѣ отдаленность мѣшаетъ созданію общности земельныхъ интересовъ, селенія самостоятельно пользуются

---

[1]) При поземельномъ устройствѣ крестьянъ Вятской губ. нѣсколько селеній смежнаго—Устьсысольскаго уѣзда по ошибкѣ были отнесены къ Вятской губ.; вмѣстѣ съ селеніями послѣдней и они получили владѣнныя записи.

своими угодьями; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ они соединяются въ болѣе или менѣе значительныя составныя общины для разверстки одного или всѣхъ угодій. Авторъ видѣлъ также, что въ однихъ случаяхъ составныя общины совпадаютъ съ обществомъ, какъ административной единицей, въ другихъ съ генеральной дачей, какъ оффиціальной юридической земельной единицей. Не попытавшись объяснить себѣ сущность составной общины, г. Поповъ просто отождествилъ ее съ обществомъ, а это послѣднее съ генеральной дачей.

Составныя общины составляютъ характерную особенность зырянскаго землепользованія и дѣятелямъ будущаго поземельнаго устройства несомнѣнно придется не мало посчитаться съ ними. Мы не знаемъ ни одного случая распаденія составной общины; наоборотъ—соединеніе простыхъ общинъ въ одну составную—заурядное явленіе. Намъ кажется, что составныя общины составляютъ отличительную черту не только зырянскаго землепользованія, но и вообще всего сѣвера Европейской Россіи. Если же мы обратимся къ другимъ частямъ ея, напр., къ Московской губ., то найдемъ тамъ совершенно обратное. Составныя общины быстро распадаются и В. Орловъ въ своимъ замѣчательномъ по богатству фактическаго матеріала трудѣ [1]) насчитываетъ во всей Московской губерніи самое ничтожное число ихъ. В. Орловъ указываетъ и на причины этого:

1) „Разложенію составныхъ общинъ на простыя въ значительной мѣрѣ способствовала выдача въ 1866 году государственнымъ крестьянамъ владѣнныхъ записей, гдѣ точно обозначенъ размѣръ земли, поступившей въ надѣлъ каждому селенію“.

2) „Другою причиною, вызывающею разложеніе составныхъ общинъ на простыя, является разница въ платежныхъ способностяхъ различныхъ селеній“, благодаря чему въ силу существующей круговой поруки селенія болѣе зажиточныя должны платить за крестьянъ менѣе зажиточныхъ.

3) Послѣдняя причина кроется въ хозяйственныхъ неудобствахъ составныхъ общинъ. „Если, напр., извѣстныя угодья, находящіяся въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ селеній, различными своими частями прилегаютъ къ различнымъ селеніямъ, то для каждаго селенія выгоднѣе пользоваться той частью, которая лежитъ ближе къ селенію, что̀ и является въ нѣко-

---

[1]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ., т. IV, вып. I. В. И. Орловъ „Формы крестьянскаго землепользованія въ Московской губ.

торыхъ общинахъ основаніемъ для окончательнаго поселеннаго разверстанія всѣхъ или нѣкоторыхъ общихъ угодій“ [1]).

Перечисленіе этихъ причинъ показываетъ, что въ лицѣ зырянсвой и московской общинъ мы имѣемъ дѣло съ двумя различными стадіями развитія. Вторая, осложнившись многими факторами, какихъ еще не испытала первая, ушла значительно дальше впередъ. Уже одна первая причина—пріуроченіе надѣла къ отдѣльнымъ селеніямъ при поземельномъ устройствѣ можетъ само по себѣ служить важнымъ факторомъ въ дѣлѣ разрушенія составной общины. Еще болѣе важной причиной служитъ то общее развитіе хозяйства, которое въ земледѣльческой Россіи явилось слѣдствіемъ коренного измѣненія соціальныхъ и экономическихъ условій; рѣзко измѣнившіяся условія производства хлѣба, открытіе рынковъ, вызвали повышеніе цѣнности земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлали невыгодной спутанность землепользованія, выражавшуюся въ междуселенной чрезполосицѣ. Зырянская община еще не переживала такого важнаго момента, какъ поземельное устройство. Съ другой стороны производство хлѣба, преслѣдующее главнымъ образомъ цѣли потребленія и носящее поэтому натуральный характеръ, мирится съ существующей междуселенной чрезполосицей. Но несомнѣнно, что хозяйственная жизнь въ своемъ неуклонномъ поступательномъ движеніи выработаетъ такія формы, которыя встанутъ въ рѣзкое противорѣчіе съ существующими формами землепользованія и откроютъ возможность дальнѣйшаго развитія общины по пути пройденному уже другими частями Россіи. Характеръ этого измѣненія можно предвидѣть и въ данную минуту. Мы уже видѣли, что лишь при извѣстномъ соотношеніи пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій можно разсчитывать на устойчивое положеніе земледѣлія. Населеніе растетъ, земледѣліе начинаетъ играть все большую роль, площадь пахотныхъ угодій непрерывно увеличивается, вызывая и дальнѣйшія расчистки сѣнокосовъ. При всей обширности территоріи, фондъ земель, пригодныхъ для этой цѣли, не можетъ въ концѣ концовъ не изсякнуть. Кое-гдѣ уже и теперь слышатся жалобы на недостатокъ удобныхъ для сѣнокосовъ мѣстъ, и наступитъ время, когда населеніе при существующей системѣ хозяйства будетъ не въ состояніи сохранять необходимое соотношеніе между двумя видами угодій. Вопросъ о сѣнокосахъ, о тѣхъ способахъ, коими можно будетъ удовле-

[1]) Стр. 258.

творить настойчивыя требованія растущаго земледѣлія, сдѣлается вопросомъ первостепенной важности. Тѣми или другими путями но придется искать выхода изъ затруднительнаго положенія, и этотъ выходъ будетъ заключаться несомнѣнно въ переходѣ къ новымъ системамъ хозяйства. Необходимость введенія въ сѣвооборотъ кормовыхъ травъ сознается не только земствомъ, но и самими крестьянами: отдѣльныя попытки. въ этомъ направленіи уже замѣчаются. Повышеніе общаго уровня сельско-хозяйственной культуры будетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ обостренія сѣнокоснаго вопроса, а это не можетъ не отозваться и на формахъ землепользованія. Г. Рума пишетъ: „населеніе само сознаетъ невыгодность, съ повышеніемъ сельско-хозяйственной культуры, удаленности сѣнокосныхъ угодій, и отъ расширенія ихъ начинаетъ мало по малу переходить къ улучшенію существующихъ, предпринимая на нихъ иногда довольно обширныя меліораціонныя работы (осушеніе, проборaниваніе, посѣвъ тимофѣевки и проч.). Можно указать цѣлый рядъ примѣровъ, когда населеніе забрасываетъ нѣкоторую часть своихъ покосовъ, удовлетворяясь улучшеніями въ другой части" [1]). Въ этомъ направленіи и пойдетъ дальнѣйшее развитіе хозяйства. Съ одной стороны введеніе травопольной и вообще многопольной системы, съ другой—необходимость въ поднятіи производительности угодій, путемъ тѣхъ или другихъ меліораціонныхъ работъ,—поднимутъ хозяйство настолько, что прежняя разбросанность угодій и связанная съ нею огромная непроизводительная затрата времени сдѣлаются существенными тормазами и вопросъ о сконцентрированіи земельныхъ угодій неизбѣжно выступитъ на сцену. Къ этому времени составная община выполнитъ одну изъ своихъ задачъ—уравненіе душевыхъ земельныхъ паевъ въ отдѣльныхъ селеніяхъ,—и разрушеніе ея будетъ неизбѣжнымъ. Вызванная къ жизни особымъ укладомъ естественныхъ и хозяйственныхъ условій, она должна будетъ разложиться по мѣрѣ дальнѣйшаго роста хозяйства и съ обостреніемъ тѣхъ вопросовъ, зачатки которыхъ существуютъ уже и въ настоящее время.

Большаковъ.

---

1) Loc. cit.

ОТДѢЛЪ II.

I. Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Кузьма Семерцянинovичъ.

Собралися на поле Байканово триста богатырей,
Они думали думу крѣпкую,
Крѣпкую думу, заединую:
„Кабы было кольцо кругомъ всей земли,
Кругомъ всей земли, кругомъ всей Орды,
Мы бы всю землю святорусскую внизъ повернули,
Самого бы царя во полонъ взяли.
Кабы была на небо лѣстница,
Мы бы выстали на небо,
Всю небесную силу присѣкли,
Самого бы Христа во полонъ взяли“.
Услышалъ Христосъ рѣчь похвальную,
Похвальную, супротивную,
Спустилъ съ небесъ поляницу удалую.
Прибила поляница всѣхъ сильныхъ могучихъ богатырей,
Оставила только три русскаго могучаго богатыря:
Перваго богатыря Добрынюшку
Другаго Олешеньку,
Третьяго Илью Муромца.
Они со той со страсти, со ужасти
Уѣзжали на поле Байканово
И разставили шатры бѣлополотняные;
Они спали три дня и три ночи,
Не пиваючи и не ѣдаючи.
Добрынюшкѣ въ шатерышкѣ не заспалось;
Выходитъ Добрынюшка на улицу,
Поглянулъ во всѣ четыре стороны;
Поглянулъ въ подвосточную сторону:
Что не туча идетъ передъ дождикомъ,
Не громъ загремѣлъ передъ молоньей,
Идетъ удалый добрый молодецъ—
Подъ имъ былъ конь, какъ лютый звѣрь,
Самъ на конѣ сидитъ, какъ *упанъ* въ добрѣ,
Очи его, какъ у яснаго сокола,
И румянецъ въ лицѣ какъ у алаго;
У коня изъ ушей и ноздрей искры сыплются.

И идетъ онъ мимо эти бѣлы шатры,
Самъ говоритъ таково слово.
„Есть ли у этихъ бѣлыхъ шатровъ
Со мной поединщикъ и супротивщикъ?“
Тутъ Добрынюшкѣ за преку пришло,
За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
Онъ скоро сѣдлалъ, уздалъ своего добра коня,
Поскорѣе того на коня скакалъ,
Настигъ его у рѣки Смородинки,—
Загаркалъ-то онъ по-звѣриному,
Засвисталъ-то онъ по-соловьиному,
Подъ нимъ конь не шарашится,
И самъ на конѣ не оглянется.
Оглянулся удалый добрый молодецъ,
Загаркалъ-то онъ по-звѣриному
И засвисталъ-то онъ по-соловьиному.—
Подъ Добрыней конь на колѣнки палъ;
Тутъ Добрыня и поворотъ держалъ
Ко своимъ ко бѣлымъ шатрамъ.
На ту пору выходитъ Илья Муромецъ на улицу
И самъ говоритъ таково слово:
„Далечо ли ты ѣздилъ Добрыня, куда путь держалъ?“
—Ужъ ты ахъ же ты, дядюшка, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Мнѣ ночесь въ шатерушку не заспалось,
Выходилъ я на улицу, поглянулъ во всѣ четыре стороны,
Поглянулъ въ подвосточную сторону:
И не туча идетъ передъ дождичкомъ,
Не громъ загремѣлъ передъ молоньей,
И идетъ удалый добрый молодецъ:
Подъ нимъ былъ конь, какъ лютый звѣрь,
И самъ сидитъ на конѣ, какъ *упанъ* въ добрѣ,
И очи его, какъ у яснаго сокола,
И румянецъ въ лицѣ какъ у алаго;
У коня изъ ушей и ноздрей искры сыплются,
Изо рта у него полымья машетъ,
И идетъ мимо евти бѣлы шатры
И самъ говоритъ таково слово:
„Есть ли у этихъ бѣлыхъ шатровъ
Со мной поединщикъ и супротивщикъ?“
Тутъ Добрынюшкѣ за преку пришло,
За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
Я и скоро сѣдлалъ, уздалъ добра коня,
Поскорѣе того на коня скакалъ
И настигъ я его у рѣчки у Смородинки—
И загаркалъ-то я по-звѣриному,
И засвисталъ-то я по-соловьиному—
Подъ имъ конь не шарашится,
И самъ онъ на конѣ не оглянется.
А оглянулся удалый добрый молодецъ,

Загаркалъ-то онъ по-звѣриному,
И засвисталъ-то онъ по-соловьиному—
Подо мною конь на колѣнки палъ,
Я на конѣ чуть живъ сидѣлъ.—
Ильѣ Муромцу тутъ за преку пришло,
За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
Онъ скоро сѣдлалъ, уздалъ своего добра коня,
О двѣнадцати подпружинкахъ подпруживалъ,
А тринадцатый клалъ подъ широку грудь,
А четырнадцатый клалъ нахвостничекъ.
Бралъ онъ палицу во сто пудовъ,
Беретъ онъ копьице булатное,
Вострый ножъ беретъ со чинжалищемъ.
Только видѣли молодца на конѣ сядючи
И не видѣли его поѣдучи;
Конь озера и рѣки перескакивалъ,
Темные лѣса между ногъ пускалъ,
И настигъ его на полѣ Байкановѣ.
И прiѣзжаетъ Илья Муромецъ ближе того,
И загаркалъ-то онъ по-звѣриному,
И засвисталъ-то онъ по-соловьиному—
Подъ нимъ конь не шарашится
И самъ на конѣ не оглянется.
Оглянулся удалый добрый молодецъ,
Загаркалъ онъ по-звѣриному,
Засвисталъ то онъ по-соловьиному—
Подъ Ильей конь на колѣнки палъ.
И бьетъ Илья Муромецъ своего добра коня по тучнымъ бедрамъ
„Ужъ ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!
Видно чуешь надо мной невзгодушку!"
Конь и скочилъ, и близко подъѣзжаетъ къ богатырю,
И ударилъ онъ палицей желѣзною по главѣ—
У его старика колпаки не стряхнулися,
Желты кудри на главѣ не сполстилися.
Самъ говоритъ таково слово:
„Есть на Святой Руси комарики,
Больно комарики кусаются!"
И завели они биться палицами желѣзными,
У ихъ палицы приломалися;
И завели они въ копьица булатныя,—
У ихъ копья приломалися;
И завели они биться въ рукопашный бой—
И перебилъ Илью Муромца и поверхъ (такъ!) его.
Илью Муромцу смерть была не писана,
Свернулся—и наверхъ его.
И выдергиваетъ Илья Муромецъ ножъ съ чинжищемъ,
И сдымаетъ ножъ выше головы:
„Скажись молодецъ, не утай меня,
Не утай меня и не съѣшь себя:
Которой земли и которой Орды,

Котораго отца, которой матери?“
—Ужъ ты, старая собака, воръ сѣдатый волкъ!
Кабы былъ на твоихъ грудяхъ черныихъ,
Поролъ бы твои груди черныя,
Рѣчистый языкъ бралъ бы съ тимянемъ,
Отсѣкъ бы твою буйную голову,
Кабы на тебѣ сидѣлъ,—бросалъ бы о сыру землю!—

(Вопросъ и отвѣтъ повторяются трижды)

Не могъ я отъ тебя отперетися,
Отпереться и отказатися—
Есть я Кузьма Семерцяниновъ, богатырь.—
Онъ и скоро скакалъ со бѣлыхъ грудей,
И бралъ его за ручки за бѣлыя,
И цѣловалъ въ уста сахарные,
Называлъ любезнымъ племянникомъ.
Тутъ они съ племянникомъ погостилися,
Тутъ они и распростилися—
Одинъ въ сторону поѣхалъ, другой въ другую.
Илья Муромецъ и разставилъ шатеръ бѣлополотняный
И зауснулъ онъ богатырскимъ сномъ;
И разгорѣлося у племянника сердце богатырское,
Пріѣзжаетъ онъ ко бѣлу шатру
И тюкнулъ Илью Муромца ножемъ въ груди бѣлыя.
Илью Муромцу смерть была не писапа,
На груди у его угодился крестъ.
Онъ скоро скакалъ съ богатырска сна
И бралъ племянника за ручки за бѣлыя,
И бросалъ племянника о сыру землю.
Выкопалъ у племянника глаза и посадилъ на добра коня:
„Повози, добра лошадь, куда знаешь его“.

Сойда Вытегорскаго уѣзда. Записалъ отъ крестьянина Дементія Тимоѳеева учитель *К. Н. Макліоновъ.*

II. Добрыня Никитичъ [1].

Ходилъ, гулялъ Добрынюшка по городу,
Ходилъ, гулялъ Никитичъ по Кіеву,
Добрынюшкѣ-то матушка наказывала:
„Не ходи ты во улочку возвратную,
„Во тѣ ли переулочки Маринкины:
„Тамъ живетъ курва Маринушка Игнатьевна,
„Она зеленщица да и отравщица;
„Она много, много отравила добрыхъ молодцевъ,
„Она сильныхъ могучихъ богатырей".
Ходилъ Добрынюшка по городу по Кіеву
И зашелъ во улочку возвратную,
Во тѣ ли переулочки Маринкины.
Тамъ увидѣла Маринушка Игнатьевна,
Выпущала голубка со голубкою.
Тутъ увидѣлъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
Свой тугой онъ лукъ натягиваетъ,
Калену-то стрѣлочку накладываетъ,
Самъ да ко стрѣлы да приговариваетъ:
„Ты убей да голубка да со голубкою".
Да не убилъ голубка да со голубкою,
Убило у Маринушки околенку,
Да убило у Маринки дружка милаго,
Дружка милаго—Идолища поганаго,
Поганаго да некрещенаго.
Еще тутъ молодецъ да пораздумался:
Не есть слава да молодецкая,
Да не выслуга да богатырская,—
Да не пропасть-то моей каленой стрѣлѣ
Да у той ли у Маринки Игнатьевны.
Заходитъ Добрыня во высокъ теремъ,
Крестъ онъ кладетъ да по писаному,
Да поклоны-то кладетъ да по ученому,
На всѣ стороны Добрыня покланяется.
Да вставала тутъ Маринушка на ноги,
Да Добрыни-то Маринка низко кланялась,
А Добрынюшка Маринушкѣ челомъ не бьетъ.
Бралъ то Добрынюшка калену стрѣлу,
Пошелъ-то Добрыня вонъ изъ терема.
Еще въ ту пору Марины за бѣду пришло,

[1]) Былина эта очень близка къ записанной А. Ѳ. Гильфердингомъ въ д. Полинской на Мошѣ отъ П. С. Малыгина („Сборникъ Отд. р. яз. и слов. И. А. Н.", LXI, вып. 1, стр. 536, № 316—„Добрыня и Маринка"). Но въ предлагаемомъ спискѣ она полнѣе (159 строкъ вмѣсто 137) и цѣльнѣе по содержанію. Очевидно Савина переняла ее точнѣе, чѣмъ Малыгинъ. Кромѣ того это болѣе ранняя запись. *Н. В.*

За досадушку ей за великую.
Вставала тутъ Маринушка на ноги,
Брала она два ножичка булатные,
Добрынины-то слѣдочки подрѣзывала,
Клала она въ печь на дрова на дубовыя,
Сама-то ко слѣдочкамъ приговаривала:
„Шайте и нойте, Добрынюшкины слѣдочки,
Чтобы нояло у Добрынюшки ретиво сердце
По мнѣ ли по Марины по Игнатьевны“.
Приходитъ да Добрыня къ родной матушкѣ.
Говорила тутъ Добрынѣ родна матушка:
„Что ходило мое дитятко—доходило,
„Что гуляло мое дитятко—догуляло?“
Вѣдь не можетъ Добрынюшка ни пить, не ѣсть
И не можетъ вѣдь Добрыня темной ночки спать.
И вставаетъ то Добрынюшка поутру ранешенько,
Умывается Добрынюшка бѣлешенько,
Снаряжается Добрыня хорошохонько
И походитъ-то ко ранней ко заутренькѣ,
И выходитъ-то Добрынюшка на улочку.
Стоючись да тутъ Добрыня пораздумался:
„Да что мнѣ дѣлать у церкви у соборныя,
„У той ли у заутреньки у раннія?—
„Пойду лучше къ Маринкѣ ко Игнатьевны“.
И заходитъ-то Добрыня во высокъ теремъ,
Онъ крестъ кладетъ да по писаному,
Поклоны-те ведетъ да по ученому,
На всѣ стороны Добрыня покланяется,
Добрынюшка Маринкѣ низко кланяется—
Маринушка Добрынюшкѣ челомъ не бьетъ.
Говорила тутъ Маринушка Добрынюшкѣ:
„Вчерась-то какъ былъ, то не то творилъ,
„А сегодня-то ты во моихъ рукахъ,
„Во моихъ рукахъ и подъ моей грозой.
„Возмешь-ли ты, Добрыня, за себя замужъ?“
Говорилъ тутъ Добрынюшка Маринушкѣ:
„Не подобаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣрная,
„Невѣрная да некрещеная“.
Говорила тутъ Маринушка Добрынюшкѣ:
„Оберну тебя жабой подземельною,
„Которой жабы отвороту нѣтъ.
„Ты возмешь-ли, Добрыня, за себя замужъ?“
—Не подабаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣрная,
Невѣрная да некрещеная.—
„Оберну тебя, Добрынюшка, борзымъ кобелемъ,
Спущу я по городу по Кіеву—
Сбирать тебѣ кусочковъ подстольныихъ.“
Ходилъ-то тамъ Добрыня ровно суточки
И приходитъ ко Маринкѣ ко Игнатьевнѣ.
„Находился-ли, Добрынюшка, по городу по Кіеву

И наѣлся-ли кусочковъ подстольныихъ?
Возмешь-ли теперь да за себя замужъ?“
—Не подобаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣрная,
Невѣрная да некрещеная.—
„Оберну Добрынюшку гнѣдымъ туромъ,
Всячиной-то тура да изукрашу я:
Одна щетинка золота, друга серебряна,
Носъ да бока да рыту бархату,
Рожка-то у тура да позолочены.
Я спущу тебя, Добрыня, во чисто поле,
Поѣшь-ка ты, Добрынюшка, ковыль травы
И попей-ка ты, Добрынюшка, водушки болотныя.
У того-ли было Князя у Владиміра,
Сдѣлался у него да почестный пиръ.
Всѣ-ли на пиру да напивалися,
Да всѣ-ли на честномъ да наѣдалися,
Да всѣ-ли на пиру да порасхвастались—
Кто вѣдь хвасталъ добрымъ конемъ,
Иной хвасталъ молодой женой.
Похвастала Маринушка Игнатьевна:
„Ужъ какъ есть у меня да во чистомъ полѣ
Девять туровъ да девять гнѣдыихъ,
Десято-етъ туръ онъ хорошъ красивъ,
Одна шерстинка золота, друга серебряна,
Носъ да бока рыту бархату,
Рожка-те у тура позолочены.
Вставала Катерина Никитична на ноги
И брала она Маринку рукой за воротъ,
А другой била по бѣлу лицу:
„Ужъ ты, вѣдьма, ты, Маринушка Игнатьевна,
Какъ не отвернешь ты моего братца милаго Добрынюшку Никитича,
Оберну тебя саму жабой подземельною,
Которой жабы отвороту нѣтъ!“
И обернулася Маринушка сорокою,
И полетѣла-то Маринка во чисто поле.
Нашла она Добрынюшку во чистомъ полѣ
И садилася она Добрынюшкѣ на златой рожокъ,
Говорила тутъ Маринушка Добрынюшкѣ:
„Ты возмешь-ли теперь да за себя замужъ?“
— Отверни ты всѣхъ этихъ добрыхъ молодцевъ,
Сильныхъ могучихъ богатырей,
Я втупорь-то тогда тебя взамужъ возьму.—
Приходитъ тутъ Добрынюшка къ матушкѣ
И разсказываетъ Добрынюшка тутъ матушкѣ,
Что далъ заповѣдь великую, взять Маринушку Игнатьевну.
Тутъ-то они да обручалися,
Тутъ да они да обвѣнчалися.
Приходитъ-то Добрыня съ молодой женой·
„Слуги мои да слуги вѣрные!

Ужъ вы дайте-ка мнѣ чару оправшую,
Чтобъ мнѣ поправитьсь съ Маринкой Игнатьевной.“
Слуги у него были сдогадливые,
Дали-то ему да саблю вострую.
Срубилъ-то Добрыня у Марины буйну голову
И клалъ да на дрова на дубовыя,
И пепелъ разсѣялъ по чисту полю.
Тутъ вставаетъ-то Добрынюшка ранешенько,
Умывается Добрынюшка бѣлешенько,
Снаряжается Добрыня хорошехонько
И приходитъ-то Добрыня ко ранней ко заутренькѣ.
Тутъ-то его встрѣчаютъ, тутъ его поздравляютъ:
„Здравствуй ты, Добрынюшка Никитичъ младъ,
Поздравляемъ мы тебя да съ молодой женой,
Сó своей да со княгиней сообручною,
Да со той-ли со Мариной со Игнатьевной!“
Говорилъ тутъ Добрыпюшка Никитичъ младъ:
— Ужъ вы, други мои да вы пріятели,
Всякой-то на семъ да свѣтѣ женится,
Да не всякому женитьба удавается.
Вчерась-то я такъ подъ вѣнцомъ стоялъ,
Сегодня-то я ужъ вдовой хожу.—

Записано учит. *Громовымъ* въ Мошинскомъ приходѣ, Каргопольскаго уѣзда, со словъ дѣвицы Ѳеклы Степановны Савиной.

Пословицы, поговорки, крылатыя слова, примѣты и повѣрья, собранныя въ слободѣ Сагунахъ Острогожскаго уѣзда.

Къ этому сборнику пословицъ и примѣтъ, не повторяя того, что̀ было сказано къ первому [1]), считаю нужнымъ предпослать описаніе слободы Сагуновъ.

Названіе „Сагуны", по сказанію однихъ, происходитъ отъ имени перваго поселенца въ здѣшнихъ мѣстахъ; по сказанію другихъ — отъ слова „сага", „сажки" (мочевины, болотистыя мѣста). Если теперь этихъ мочевинъ нѣтъ, то лѣтъ 30 тому назадъ онѣ находились въ изобиліи даже въ населенныхъ мѣстахъ слободы. Я лично склоняюсь въ пользу перваго толкованія.

Сагуны населили выходцы съ запада, главнымъ образомъ изъ Курской и Харьковской губерній. Къ сожалѣнію, о времени заселенія и первыхъ поселенцахъ данной мѣстности я не располагаю необходимыми матеріалами и поэтому я оставляю этотъ пунктъ въ сторонѣ. Скажу только, что въ половинѣ XVIII вѣка, какъ значится въ росписаніи церквей того времени, Сагуны имѣли свою церковь, т. е. объединились въ церковно-юридическую общину.

Сагуновцы происходятъ изъ казаковъ. Тому непреложнымъ свидѣтельствомъ, помимо того что Воронежская губернія заселялась казаками, являются нѣкоторыя реченія, сохранившіяся въ языкѣ сагуновца и заимствованныя изъ казачьяго обихода. Такъ „атаманъ" вмѣсто старосты. Это названіе административнаго лица сохранялось до 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ языкѣ сагуновцевъ. Послѣдніе до 30-хъ годовъ XIX вѣка считались войсковыми обывателями, послѣ стали считаться государственными крестьянами. Крѣпостныхъ здѣсь не было, какъ о томъ свидѣтельствуютъ метрическія книги съ 1780 г. и исповѣдныя росписи съ 1807 года, хранящіяся въ церковномъ

---

[1]) См. „Жив. Ст.", годъ XIV, в. 1—2, стр. 141—180.

архивѣ, за исключеніемъ 4 дѣвокъ, принадлежавшихъ священнику на правѣ крѣпостномъ. Эти крѣпостныя дѣвки упоминаются въ исповѣдныхъ росписяхъ только въ одномъ году. Помѣстный элементъ также отсутствуетъ. Объ одномъ помѣщикѣ сохранилось только названіе мѣстности „Сюрьмивщины", гдѣ онъ жилъ и которую купили въ собственность, какъ гласитъ документъ, сагуновцы при Екатеринѣ II. Другого засталъ XIX вѣкъ, но онъ, видимо, жилъ самъ по себѣ, а сагуновцы сами по себѣ; взаимно-обязательныхъ отношеній, какъ передаютъ старожилы, не было. Словомъ, насколько память старожиловъ сохраняетъ, сагуновцы были вольными людьми, зависимыми только отъ государевыхъ чиновниковъ, а не отъ помѣщиковъ, управлялись общиннымъ порядкомъ.

Школа въ Сагунахъ существуетъ непрерывно съ 1842 г., въ настоящее время имѣются двѣ земскихъ и одна церковно-приходская. Грамотѣ охотно обучаются: уже теперь не слышно нареканій на грамотность со стороны ихъ, въ родѣ того: „на что̀ грамота, наши дѣды жили безъ грамоты". Къ сожалѣнію, курсъ, какъ земской, такъ и церковно-приходской, очень невеликъ и уже не удовлетворяетъ запросамъ на этотъ счетъ нашихъ крестьянъ. Они желали бы отъ школы получить большаго: жизнь въ этомъ направленіи воздѣйствуетъ на нихъ довольно значительно. Но бѣда въ томъ, что сами они не оформятъ свои желанія, а со стороны никто не приходитъ къ нимъ на помощь. Была при земской школѣ довольно приличная библіотека, она организовалась въ 1886 году, но, къ сожалѣнію, она теперь очень плохо функціонируетъ, и не столько „правила о библіотекахъ" привели къ этому, сколько по своей культурной неподготовленности къ воздѣйствію на окружающую среду виноватъ самъ учительскій персоналъ, который не въ силахъ былъ встать на должной высотѣ: онъ шелъ не впереди, а сзади своего времени.

Сагуны въ настоящее время имѣютъ жителей 3 тысячи[1]) (географическій атласъ, изд. Брокгауза и Ефрона). Коренное занятіе—земледѣліе, хотя въ послѣднее время оно падаетъ. Сагуны становятся бойкимъ, торговымъ центромъ по закупкѣ яицъ и куръ. Эта торговля возникла не далѣе, какъ 25 лѣтъ тому назадъ, развилась и приняла въ послѣднее время довольно крупный характеръ: на нѣсколько десятковъ тысячъ ведется торговля. Благодаря этой торговлѣ, нашъ сагуновецъ

[1]) По переписи 1897 г.—3.323 д. муж. п.

за сборомъ куръ и яицъ забирается далеко, въ другія губерніи: Харьковскую, Екатеринославскую и Область Войска-Донского, знакомится съ разными сторонами жизни и волей-неволей развивается.

Подъ вліяніемъ школы и книги, а главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ разъѣздовъ по дѣламъ торговли, нашъ крестьянинъ сталъ культурнѣе окружающихъ: сагуновца сразу можно узнать и по одеждѣ, и по манерамъ, и по рѣчи. Посмотрите на одежду: свитка и прочія мужицкія принадлежности выводятся и замѣняются уже нѣмецкимъ платьемъ. Самотканаго почти нѣтъ, все купленое въ лавкѣ: сорочки, штаны и пиджакъ. Даже сапоги—„рантови" съ дудками. Бабы также одѣваются не трудами рукъ своихъ, а изъ лавки. Духи и мыла въ большомъ употребленіи, особенно среди прекраснаго пола. Словомъ,—въ миніатюрѣ обыватель маленькаго захолустнаго городка, Сагуновецъ также внесъ много новаго въ свою домашнюю обстановку, въ свое жилье. Достаточно взглянуть на хаты ихъ. Вы увидите, что здѣсь уже культура приложила свою руку: хаты строятся по особому плану, на манеръ маленькихъ домиковъ о двухъ-трехъ комнатахъ. Внутри чистенько, уютно, встрѣчаются картины, книжки и пр. украшенія. Похоже на манеръ фермера, хотя бѣдно обставленнаго. Положимъ, такъ не у всѣхъ, но у многихъ.

Впрочемъ, все это болѣе касается внѣшности, лоска, духовный міръ его мало измѣняется. Сѣрая будничная жизнь деревенская все-таки не выпускаетъ изъ когтей своихъ сагуновца, онъ активной роли въ переизмѣненіи своего духовнаго міра не проявляетъ. Поэтому жизнь идетъ медленнымъ темпомъ и реформируется медленно. Не столько онъ, сагуновецъ, сколько сама жизнь лѣпитъ его по своему образу и подобію. Изъ его умственнаго капитала и житейскаго обихода исчезаетъ лишь то, что жизнь въ силу своего историческаго хода вытравляетъ или забраковываетъ, какъ излишнее, и сохраняется и имѣетъ законную силу все то, что̀ не уносится медленно-текущимъ потокомъ жизни и не стирается безпощаднымъ временемъ. Эта „неспѣшка" (медлительность) смѣны явленій, въ свою очередь является тормазомъ къ проникновенію и воспріятію новыхъ культурныхъ и общественно-экономическихъ идей. Помимо авторитетности сѣдой старины, отсутствіе активности, сѣрая безцвѣтная жизнь, ручейки вмѣсто ключей живой воды даютъ въ результатѣ то, что сагуновецъ даже въ лицѣ своихъ командующихъ элементовъ, остается все же мужикомъ въ душѣ, т. е.

малокультурнымъ. Въ подтвержденіе послѣдняго положенія я сдѣлаю небольшую экскурсію въ область искусства, куда направляются попытки сагуновцевъ, особенно изъ молодежи, въ другія сферы умственной дѣятельности я не войду, ибо онѣ лежатъ для насъ за семьюдесятью печатями.

Въ Сагунахъ поютъ и играютъ на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ такъ же, какъ и повсюду. Положимъ, старинныя пѣсни выводятся и замѣняются новыми, частью нашихъ лучшихъ поэтовъ, проникшихъ путемъ „куцой“ библіотеки въ среду сагуновцевъ, бо́льшею же частью уличнаго характера. Голоса также встрѣчаются хорошіе, но они не обработаны. Есть охота, есть природное умѣнье, но нѣтъ школы, нѣтъ руководительства,—и дары Божьи пропадаютъ зря: улица вступаетъ въ свои права и культура отодвигается на задній планъ. Относительно музыкальныхъ инструментовъ и музыки я долженъ сказать, что многіе проявляютъ музыкальную даровитость, таланты in spe, но опять отсутствіе школы, отсутствіе правильнаго образованія заставляетъ эти таланты быть простыми смертными, блестѣть малозамѣтными искорками. Мнѣ лично пришлось встрѣчаться со многими доморощенными музыкантами и убѣдиться во-очію въ ихъ талантливости, но человѣкъ предоставленъ самому себѣ, онъ долженъ открывать Америку, которую давно уже открыли. Малокультурность сагуновца въ этомъ отношеніи заставляетъ его строить ба́лалайки да цимбалы и бренчать на нихъ, дальше онъ нейдетъ, а казалось бы, при страстной охотѣ и знакомствѣ съ послѣдними усовершенствованіями въ этой сферѣ, онъ могъ бы пойти дальше. Къ сожалѣнію онъ не знаетъ, гдѣ и откуда позаимствовать, научиться.

Съ поэтическимъ творчествомъ дѣло тоже обстоитъ не лучше. Знакомство съ книгой, знакомство съ нашими лучшими поэтами вызвало и вызываетъ массу подражаній, по крайней мѣрѣ мнѣ лично приходилось имѣть въ своихъ рукахъ много подражаній и самостоятельныхъ стихотвореній.

Но эти стихотворенія жалки по конструкціи и по сюжету, они представляютъ ни больше, ни меньше, какъ рифмованную прозу. Ясно, эти стихотворенія лишь обнаруживаютъ охоту смертную, а участь горькую. Незнакомство съ теоріей словесности ведетъ къ тому, что не умѣютъ даже конструировать свое произведеніе, а бѣдность сюжета прямо-таки свидѣтельствуетъ о маломъ умственномъ кругозорѣ. Правда, на фонѣ сѣрой будничной жизни не выведешь затѣйливые узоры. Само

собой разумѣется, гдѣ жизнь не бьетъ ключемъ, тамъ, не можетъ быть яркихъ и цвѣтныхъ впечатлѣній, слѣдовательно не можетъ быть красивыхъ по формѣ и сильныхъ по духу продуктовъ творчества[1]).

Не могу умолчать и о нашихъ корреспондентахъ изъ народа. Они у насъ существуютъ, печатаются въ газетахъ, какъ мѣстныхъ, такъ и столичныхъ. Но возьмите эти корреспонденціи и просмотрите. Вы сразу убѣдитесь въ томъ, что это не корреспонденціи, а просто репортерскія замѣтки. Узнаетъ корреспондентъ про какой-нибудь фактъ такъ или иначе интересный, опишетъ его—и дѣлу конецъ. Нѣтъ ничего обобщающаго, нѣтъ широкаго горизонта, выдвинутъ лишь голый фактъ и поставленъ одиноко, безъ связи съ другими, безъ освѣщенія съ болѣе общей точки зрѣнія. А, казалось, деревенская жизнь, хотя будничная, могла бы дать цѣнный матеріалъ для серьезныхъ выводовъ и широкихъ обобщеній, если только глубже вникнуть, пристальнѣе присмотрѣться къ ней.

Тоже и наше духовенство. Оно не вноситъ въ окружающую жизнь ничего цѣннаго и значительнаго. Не жизнь, а схоластика руководитъ имъ. Оно не является активною силою, не вноситъ просвѣтительныхъ началъ въ деревенскій укладъ, а ограничивается лишь стариною, давно изжитымъ. Не оно культивируетъ жизнь, а жизнь заставляетъ ихъ приспособляться

---

[1]) Для примѣра привожу два стихотворенія одного крестьянина въ томъ видѣ, какъ они мнѣ доставлены, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей подлинника.

Россія сномъ великимъ спала,
Обманъ царилъ везде кругомъ,
И ложь все больше возростала
До безъ конечности во всемъ.
Мракомъ все было покрыто
И мгла висела надъ землей,
А то, что надо, позабыто
Для жизни будущей своей.
Но вижу: лучъ во тьмѣ сіяетъ
И свѣтъ тотъ ярче все горитъ,
Къ себѣ онъ будто призываетъ,
Свободой будущей даритъ.
Довольно тьмы! желаемъ свѣта
И жизнь тогда пойдетъ живей.
Опостылила жизнь эта:
Свободы дайте же скорѣй!
Она ужъ двери отворила,
Давно желаетъ выйти въ свѣтъ,
А чемъ жизнь стара посулила—
Терпеть намъ больше силы нетъ.

Кладбище.

Тишь на кладбище немая,
Глазъ нейдетъ отъ техъ людей,
Гдѣ прикрыла гробовая
Доска въ кельи, подъ землей.
Они спокойно отдыхаютъ
Отъ житейской суеты
Про ту участь каждый знаетъ—
Не минуешь смертный часъ.
Жилъ на свѣтѣ веселился,
Управлялъ кругомъ собой.
Померъ, прахомъ превратился.
Всѣ простилися съ тобой.
Только крестъ воспоминаньемъ
Возвышается надъ нимъ,
Да вѣтеръ дуетъ съ завываньемъ
Какъ бы вѣчно споря съ нимъ.

Знаки препинанія разставлены мною. *Авт.*

къ окружающему. Если у насъ [1]) духовенство становилось иногда во главѣ просвѣтительныхъ учрежденій, то не ради принципа, а ради минутныхъ соображеній, не для дѣла, а ради личнаго интереса—и эти просвѣтительныя учрежденія долго не удерживались и погибали: вспыхнетъ, словно огонекъ, и замретъ. Само собой, нѣтъ систематически и строго проведеннаго принципа, работа не даетъ желанныхъ результатовъ—и дѣло гибнетъ. Если духовенство, какъ культурный элементъ, не вноситъ въ деревенскую жизнь просвѣтительныхъ началъ, напротивъ, само находится подъ воздѣйствіемъ этой самой жизни (деревенской), то что же можно сказать и требовать отъ мужика?

Набросавъ въ самыхъ общихъ чертахъ характеристику сагуновцевъ, я тѣмъ самымъ показалъ, въ какой средѣ собирался мною предлагаемый матеріалъ, который и передается буквально, за исключеніемъ нѣкоторыхъ поправокъ въ грамматическомъ отношеніи.

Пословицы, поговорки и крылатыя слова.

А вы думаете лыкомъ шиты. Ажъ небу будетъ жарко. Алеша—три гроша, а шейка — копейка (Дикаревъ — два гроша). Анисья, стерва, не гонися. Антикъ съ печеричкой. А сколько тебѣ въ земли? Столько, какъ наружи? (значеніе—не страшенъ). Атанде—лепранде. Ахъ, вы, мои комашечки. Ахъ, ты, гáбло. Ахъ, ты сукинъ котъ. Ахъ, ты халепа. Ахъ, шобъ тоби дождь намочилъ.

Бабушка на двое сказала. Богацько дила, а ума мало. Богацько просе, бильше бросе. Балакае казно що. Баранъ бараномъ, а деньги дуромъ. Ботько подивился омелькомъ (?). Безъ бабы, какъ безъ кошки. Безъ его батька это знаю. Безъ рукъ, безъ ногъ на гору дерется (загадка: дымъ). Безъ церемоніи (безъ сахару) пьемъ чай. Бійся кулака, а то языкъ пиде въ дило. Бильше копы лиха не будетъ. Бисово падло. Бисово хамлó. Биться—не годится, а лаяться—грихъ. Блигамый свѣтъ племзать. Богъ ему ума надбавывъ, лысины прибавывъ. Бодяри (голову), хоть не бодяри,. а въ оглобли иди. Болитъ сердце и печенка, далеко живетъ дѣвчонка. Большей бѣды не будетъ. Борщъ горячій?—Подъ припичкомъ варился. Бранятъ, но не бьютъ. Бреши кобелемъ, продавать поведемъ. Бреши, сердце, бреши, я посли выбрышу. Брешишь—скрешишь. Брешишь.—Сучку почешишь.—Я пятакомъ, а ты языкомъ; ты зубами, а я граблями. Бросился въ омутъ головой. Брошу вареное и печеное, а поѣду. Будьте покойны, какъ на саняхъ. Будь казакъ гладокъ, напился, наѣлся, да на бокъ. Была сила, когда мать срать носила. Было у

---

[1]) Разумѣются исключительно Сагуны.

Мокея два локея, а теперь Мокей самъ локей (Дикаревъ—3 лакея). Былъ когда-то рыжикъ, а теперь ничто. (Był kiedys rydz, a teraz nic). Було-бъ порадиться. Бѣгаетъ, какъ сучка. Бѣда бѣду родитъ. Бѣда на Божьемъ свѣтѣ ведется: одинъ Богу молится, другой бьется. Бѣда не дуда, идетъ и грѣется. Бѣлый, какъ кипень.

Вали подъ гужъ. Ваша гармонія растроилась. Ваши спятъ, а нашимъ спать хочется. Весна на все красна. Весною щепка на щепку лезитъ. Виситъ, телепается, нихто не хватается. Вінъ за хмару заходе. Водой не разольешь. Вокругъ да обаполо. Волочится, якъ собака. Вольному воля, спасенному рай, а бѣшеному круча. Воля птичкѣ лучше золотой клѣтки. Воронѣ гдѣ не летать, такъ гавно клевать. Воръ у вора не украдетъ палки. Воры на себя, а пьяницы съ себя. Вотъ жисть на свѣтѣ, кабель на повѣти. Вотъ, право!—По сухому берегу не плавай. Вотъ теперь я понимаю, что я юнкера жена. Вотъ то горе, что нѣтъ ничего на запорѣ. Вояки на Руси минули, остались лишь карманники (венгерецъ по поводу русско-японской войны). Враги его батька. Времья—цило оберемья, да ще съ прибавкой. Все буде, все—а сего не буде. Всему свиту мила. Все на свитѣ кочерижка, только уксусъ кислота. Все писне, да писне, чертъ его засне. Все пишетъ да пишетъ, а похвалъ себѣ не слышетъ [1]). Все полезно, что въ ротъ полѣзло. Все равно.—Лазили въ окно, а то ходятъ въ двери. Все рушь, тилько мене не рушь. Все хамелю да хамелю. Все это одно кодло. Всталъ, еще черти на кулачки не дрались. Встанешь рано, сведешь на позднее. Всѣ печенки мнѣ переѣло. Всѣмъ по семь, а кому такъ восемъ. Всякое дыханіе любитъ попиханіе. Въ городѣ не безъ оказіи, а въ болотѣ не безъ черта. Въ горячей купанный (полск. примѣт. (sic!). Въ гостяхъ не перди, а то дома захочешь. Въ гузнѣ вода не удержится. Въ гуртѣ и каша исца (ѣстся). Въ дорози и батько товарищъ. Въ дракѣ волосъ не жалѣютъ. Въ жопу, какъ навѣдаются тебѣ. Въ кабинетъ задумчивости, куда и царь пѣшкомъ ходитъ. Въ лѣсу не безъ травы, а въ головѣ не безъ вши. Въ первый и въ послѣдній чтобъ было. Въ печенкахъ сидитъ. Въ ротѣ обулся и выѣхалъ. Въ своей хатѣ, да не могу скакать. Въ ссорѣ человѣкъ правду скажетъ. Въ твои года (лѣта) кони дохнутъ. Въ томъ то дѣло, что на семи сидѣла, а девятерыхъ вывела. Въ 1901 году мѣщанка приняла Глоду на велику бѣду. Въ четвергъ послѣ дождика (случится). Въ чужое счастье всѣмъ не вкачаться. Вы забулы то, что я ставъ знать. Вылупивъ глаза, какъ баранъ яйца. Вы не касайтесь меня, я васъ не коснусь. Выпилъ и не въ одномъ глазѣ. Выросъ подъ небо, дурный якъ треба. Вы теперь хорошо идите, а мы клочья да вовна, лишь бы кишка повна. Вы туда ѣдите, намъ туда дорога. Вѣдать не вѣдаю, знать не знаю. Вѣрно—не лицемѣрно.

Газеты, что хохлы Мазепы. Гдѣ здалъ экзаменъ?—Въ одной вдовы. Гдѣ каша, тамъ мать наша. Гдѣ кружка, пошла въ дружки. Гдѣ не копнессия, тамъ и воды напьешься. Главная вещь—не робѣй, хлѣба нѣтъ до звѣзды говѣй. Гладокъ побираться, можешь украсть

---

[1]) Сравн. „...все пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ ни имъ похвалъ не слышимъ“.
Дмитріевъ. „Чужой Толкъ“. *Н. В.*

Глядь на видъ, спрашивай здоровья. Глупъ, какъ осиновый колъ. Говорила Настья, какъ удастся. Голодной кумѣ не хлѣбъ на умѣ, а все паляницы. Голому разбой не страшенъ. Голъ, какъ бубенъ. Голый идетъ, у пазуси сорочку несетъ (загадка: свѣча). Горе съ нами, горе намъ. Городъ наберется, а деревня не разорвется. Горькое проклянутъ, сладкое проглотятъ. Горя́че. — Постуди, дураче. Господи Исусе, впередъ батька на висилицу не суйся. Господи Исусе, на бабины гуси. Господи Исусе—не въ свое дило не суйся. Грай музыка якъ знаешь, а я маю свою миру въ ногахъ. Грихъ въ михъ, а спасенье въ торбу, а тебя кизякомъ въ морду. Гроши е, да для нихъ дило е. Гроши есть, да это не деньги. Грѣшнымъ дѣломъ, это не минуло рукъ твоихъ. Грязь не сало, потерло и отстало. Гусь хорошъ.

Да вамъ вслѣдъ кричатъ, чуть не въ жопу. Далеко лежало, мало болѣло. (Daleko leżalo, malo bolalo). Далъ хнитью годовую. Да не дождетъ твой родъ. Дбалъ другимъ, а самому пришлось нюхать. Дви козы на одной нози. Двѣсти не въ одномъ мѣстѣ. День торгую, недѣлю ворую, а семь лѣтъ въ острогѣ сижу. Деревня Лыкова барина дикаго, плевкомъ умывается, рукавомъ утирается. Держи Муся, я на дворъ боюся. Держи ухо остро. Дивчачій батько. Для него молодую запряжетъ. До́бра душа, а кисель не ѣстъ. Добро буде, добре буде. Добро, какъ мачихино гавно. До бѣды ще три дня. Договоръ (уговоръ) лучше денегъ. Докажу гусара. Долго ждать — не устать. До пичинокъ не доходило. До пьятъ задеру. Дорога ложка до обѣда, а послѣ обѣда хоть закинь. Дружись съ огнемъ около воды—не будетъ бѣды. До свадьбы загоится (заживетъ). Думаешь о небесныхъ миндаляхъ (польск. поговорка). Думалъ лучше, а вышло хуже. Думаютъ одни только индюки (да царскіе пѣтухи, да ты съ ними). Думаютъ дураки да индюки. Дура—жалко что не отдула. Дура казала, дура записала. Дураку двѣ обѣдни не служатъ. Дуракъ, а себѣ на умѣ. Дуракъ—родомъ такъ. Дуракъ самъ за себя не отвѣчаетъ, за него все умные. Дурне, ажъ крутитца. Дурной поступокъ, за который меня бьютъ, а хорошій поступокъ, за который меня ласкаютъ. Душою клянусь. Дьявонъ по собачьи вякалъ. Дѣла, дѣла, какъ сажа бѣла. Дѣла дѣлорумъ. Дѣла, какъ палки, не гнутся, не ломаются. Дѣло ваше, а жеребята наши. Дѣловъ не куча. Дѣтишкамъ все-жъ на молочишко. Дядько, дядько, не съ того конца свинью смалишь—хвистъ палышь, п..ду оставляешь.

Его возгремъ убить. Его (ее) объ дорогу не расшибешь. Его слѣдъ простылъ. Ему божиться, что съ горы катиться. Ему кажешь, а онъ еще огрызается. Ему только подъ дорогой стоять. Еслибъ знато да вѣдано. Если въ шуткахъ не жить, такъ и дѣла не имѣть. Если нечего сказать, то и „да“ хорошо. Если не возьме, то такъ отдасть. Если упала, то съ хорошаго коня (польск. погов.). Естественный дуракъ. Еще не вышелъ рыченецъ. Еще не сидаютъ, уже катаются. Еще хуже хочется. Еще черти на кулачки не дрались.

Жаркомъ меня обдало. Жди, дядько, порядку. Ждалъ, ждалъ и всѣ жданки переждалъ. Жеребята наши, кобыла ваша. Живемъ—хлѣбъ жуемъ. Живьемъ жаль. Живой живое гадаетъ. Жидъ—свиное ухо. Жила въ горѣ, не жила вдвое. Жизнь моя нелегкая,

только пуда полтора. Жизнь не въ радость, счастье не въ сладость. Жизнь хуже, а платье уже. Жинки правды не кажи, а съ полицiей знакомства не воды. Жить — не страшиться, любить — побояться. Жить — не тужить.

За водой (по воду) пойдешь—не прiйдешь. Завязать ихъ всѣхъ на кнутъ да забросить къ чорту (о теперешнихъ военачальникахъ). Загорѣлось въ кошкѣ подъ хвостомъ. Загорѣлось кози смерть, она ходитъ все пердь. Задолдонить свое, хоть святыхъ выноси (хоть колъ теши). Задалъ стрекача. За деньги при здоровьи жирно побираться. За дурною головою и ногамъ бываетъ лыхо. Закололо въ сраци. Закривилось на барышню. Заляжете спать—забудете встать. За однимъ заходомъ. За панибрата нельзя За потылячку да въ нахилячку. За правое ухо не оттянешь. Запретить свое, хоть колъ ему теши на головѣ. Зарекалась свинья гавно ѣсть, а добралась до парного да нажралась. За свой грошъ вездѣ хорошъ. За тришечки не зiшлось дило. За хвостъ да на луну. За хорошимъ мужикомъ и свинка—господинка. За чѣмъ поѣдешь, съ тѣмъ прiѣдешь. За царя Анохи, когда людей было трохи. Здравствуй да пожалуйста не застуй, а то и такъ темно. Здравствуй—здорово живешь. Здравствуйте, гуси, я вашъ дядько. Здоровье таке, якъ рѣшето цыганске. Здоровый болванъ. Зерно до зерна, будетъ мѣра. (Ziarnko do ziarnka to będzie miarka). Зло забисованное. Злыдень тебя взялъ. Знай себе, дай буде съ тебе. Знай честь, да утирай бороду. Знайка бѣжитъ, а незнайка лежитъ. Знала кобыла, на что оглобли била. Знатье, такъ кумъ въ питье. Золотая клѣть, да не виденъ свѣтъ. Зробылося лыхо. Зъ витру злучилось.

Иванъ Ивановичъ, снимай штаны на ночь. И въ Парижѣ не сдѣлаютъ съ овса рису. (J w Paryżu nie zrobisz z owsa rysu). Идетъ дождь, идетъ сильный, а онъ все спѣшитъ къ Марьѣ Васильевнѣ. И жилъ—не любила, и умеръ—не тужила. И крошки хлѣба не ѣлъ, а заставили ругаться. И подъ дубомъ рай, коли хлѣба край. И Хома человѣкъ. Изъ-за угла мѣшкомъ прибитъ. Изъ нашего полку не было толку. Изъ нудьги бѣгалъ. Изъ одного дерева бываетъ и крестъ, и лопата. Изъ подъ смѣху люди бываютъ подъ стрѣху. Изъ подъ субботы пятницу видно. Изъ простоты веревки вьютъ. Изъ села на село, шобъ было весело. Изъ 75 печей хлѣбъ ѣдалъ. Изъ хама никогда не будетъ пана. Икали справляешь. Индыкъ скрыгоче, умникомъ будь хоче. Исправникъ ѣздитъ по уѣзду собакъ дразнить, а укусить не можетъ. Истина идетъ между двухъ огней. И такъ горячо, и такъ болячо. Ишь дурака валяетъ, п..ду въ лапти обуваетъ.

Каждое лыко въ строку. Какъ есть, какъ батька въ лобъ. Какъ живете?—Лучше всѣхъ. Какъ на старость, а теперь слава Богу: куда не пиду, безъ куска не выпустятъ. Какъ не споткнешься, такъ не научишься. Какъ ни виляй, а треба идти (ѣхать). Какъ ни толкуй, а Богъ больше всѣхъ. Какъ ножомъ по живому. Какъ поживаете?— Благодарю васъ. Какъ родится, то и безъ чаю годится. Какъ съ гуся вода. Кать его знаетъ. Кеди ни кеди (не спѣша, медленно). Кидается въ омутъ головой. Киця пошла по водицю. Князь,—что̀ за глупая связь. Кобыла наша, а жеребята ваши. Коммерческiй оборотъ: два пальца въ ротъ, а третiй въ ж..у. Кому, кому,—а

купему не минется. Кончилъ дѣло, гуляй смѣло. Конца краю нема. Короче воробьинаго носа. Косая сандала въ рюмочку насцала, съ рюмочки льется, съ косой смѣются. Крестная сила—съ нами Богъ. Крестъ честной. Крѣпокъ на уторы. Кто куритъ, тотъ и людей дуритъ. Кто на комъ помѣшанъ, тотъ на томъ будетъ повѣшенъ. Кто на морѣ не бывалъ, тотъ и горя не видалъ. Колыбъ не губка, то бы была золотая шубка. Кто новины не знавъ, тотъ и ветоши радъ. Кто отозвался, тотъ усрался. Кто по шеи, тотъ и носе. Кто рано встаетъ, тотъ не будетъ раскаиваться. Кто рано встаетъ, тому Богъ даетъ (Kto rano wstaje, temu Bóg daje). Кто рано женится, тотъ не будетъ раскаиваться. Кто чего зна, сроду не забуде. Куда воно дилось, видкеля оно взялось. Куды глянь, туда грань (Каменецъ-Подол. г.). Кулакомъ не доймешь, дакъ языкомъ проймешь. Кулькомъ обдеру. Кумачу не хочу, китайки не надо. Купецъ торгомъ, мужикъ горбомъ, а попъ горбомъ[1]). Куплю, яки на меня дивится. Курка въ дубѣ, яйцо въ дуплѣ, а они съ добной носятся. Кутья—Дурень безъ путя. Кушай на здоровье. Къ загону борозна. Къ нашему возу лекше.

Латка-битка—шелковая нитка. Легко сказать. Липовымъ ножомъ рѣжетъ. Лишь бы дирки не было. Лишь бы кости были, кожа наростетъ. Лишь бы отбыть свою чергу. Лучше быть плотникомъ въ искусствѣ, чѣмъ мастеромъ въ ростовничествѣ (въ картахъ). Лучше ѣсть хлѣбъ съ водою, нежели пирогъ съ бѣдою. Люби за привѣтъ, денегъ у меня нѣтъ. Любо дорого смотрѣть. Любовь не орихъ, не выкинишь за поригъ. Лѣзетъ настырь гузномъ. Лѣтомъ ногою копнешь, а зимою рукою возьмешь.

Мазница, давай дразница. Маковой росинки во рту не было. Мале спасибо. Маленькій, да удаленькій. Мало хорошаго. Мамаша-анафима приворожила. Матушка, двѣ дыры вмѣстѣ, да и то въ тѣстѣ. Матери нема, сами дити собрались. Мати Василиха зародила на все лихо. Мать твою подъ чепелку. Мели, бабо, оно все къ дилу будетъ. Мерзни волчій хвостъ. Милости просимъ, копѣекъ на восемъ. Мини осточертило это. Міромъ-соборомъ. Мое слово олово. Можно выпить рюмку водки, двѣ, четыре, пять, но діэту наблюдать. Мокрый, какъ мышь. Молоде, а е.., якъ старе. Молодо—забывчиво. Молочай, ѣшь п..ду да вмочай. Молчать, пока зубы торчать, а то всѣ повыбью. Морона за три гроша. Мораль сего разсказа такова. Моя легкая рука. Мутитъ, какъ цыганъ свитомъ. Мылось, якъ крыстилось. Мягко стелетъ, да колко спать.

Набалакавъ три мѣшки гриченой вовны. На батька на пса, шобъ наився овса, да не выспався. На всѣхъ семитическихъ языкахъ говоритъ (сказано). Наврядъ въ Кузьмѣ гроши. Надворъ можно за три копѣйки нажить. Надо отряся ножку ходить. На добрый совѣтъ и въ постъ мясоѣдъ. На дуракахъ ѣздятъ. Надулся, какъ сычъ на крупы. На его кажи но, а винъ каже тпру. Нажрался до усеру. На исходѣ да годи. Найди кобылячу голову и ту зануздай. На каждомъ бываетъ переходы. На какомъ возѣ сидишь, тѣ и пѣсни поешь. Наклалъ по самое девятое (десятое) число. Нализался, какъ Ливоновъ щенокъ. Налопался (нажрался), якъ дурень на обиди.

---

[1]) М. б. *горломъ? Н. В.*

Налупился, какъ дурень на обѣдѣ. На мандѣ шерсть перебивать. На нихъ падаетъ линія. Нанялъ по три за разъ. Наобумъ Лазаря. На одно ухо не дочуваю. На пельку сидаютъ. Наплевать, ѣхать въ Уразову ночевать. На пузатую (корявую) спину дубину. Наровисты люди. Нарядыла, якъ квитку. На сердцѣ кошки скрибутъ. Насеры своему батьку. На сивомъ меринѣ не подъѣдешь къ нему. Насильно копать колодезь, воды не пить. Насколько пани, настолько гарни, хай имъ хрѣнъ приснится. На словахъ голову оторвать, на дѣлѣ ничего не сдѣлать. Насрать тебѣ. На сухихъ поѣхалъ. Насчетъ прости Господи. На тоби дули подъ нісъ. На той же ж..ѣ сидишь (поѣдешъ). На тотъ годъ, въ эту пору, послѣ дождика въ четвергъ. На улицѣ развѣ долго время идетъ. Начальству мы уважимъ; скипидарцемъ ж..у смажемъ. На чертей оно здалось. На что?—На пты, чтобъ дивувались такіе дураки, какъ ты. На чужой сторонкѣ поклонишься воронкѣ. На це наплевать. На це насрать. Наше дѣло маленькое: выпилъ да еще. Наше дѣло не попретъ. Наѣлась, напилась, надулась—и выскочило. Наѣлся (налупился), какъ дурень на обѣдѣ. На языкѣ медъ, подъ языкомъ ледъ. На этомъ дѣлѣ онъ здорово насобачился. Не бери чужого, такъ не бойся никого. Не было ума смолоду, не будетъ его и подъ старость. Не быть тебѣ молодцомъ, а быть тебѣ подлецомъ. Не бѣда, что во ржѣ лебеда. Не въ Кузьми гроши. Не въ похвальбу, да въ добрый часъ сказать. Не выпьешь, не разскажешь. Не даромъ пропыто, много добыто. Не до горячего, лишь бы ротъ попарить. Не долго музыка гремѣла, какъ барабанъ началъ стучать. Не дурю—я къ обѣдни иду. Не живешь, а доживаешь. Не живутъ въ одной берлогѣ два медвѣдя. Не знаю, не вѣдаю, сиру не вѣшаю. Нельзя коммиссару безъ штановъ. Не коваль, такъ клищивъ не погань. Не крути, а то перекрутишь. Не маіорская честь по собачьи въ окно лѣзть. Не мытьемъ, такъ катаньемъ. Не надѣйся дѣдъ на чужой обѣдъ. Не нужна соловью золотая клѣтка, а нужна зеленая вѣтка. Не отсохнетъ голова, выроститъ борода. Не пады пороше на мое хороше (Nie padaj prochu na mój pizknisie). Не пеняй на зеркало, коли рожа крива. Не пій половинку, очи позападають. Не пропали въ пелюшкахъ, не пропадемъ въ подушкахъ. Не свищи, лучше визьми. Не своимъ хоботомъ дышетъ. Не святые горшки лѣпятъ, а такіе жъ смертные. Не Сибирь, а каторга. Не старѣютъ годы, а хлопоты (жизнь). (Nie starzeją lata, ale tarapata). Не стоитъ благодарности за такія малости. Не судить по милости, а судить по щедрости. Не съ того конца свинью смалышь. Не твое дѣло.—Тебѣ въ ротъ набздѣло. Не терпи горя, пей медъ. Не такихъ бивавъ, да на кого наткнешься. Не только говорить, но надо дѣла творить. Не тронь говна, оно не будетъ вонять. Не тотъ воръ, кто укралъ, а тотъ воръ, кто поймался. Не туда оглобли вернешь. Не туды мы затесались. Не удавится—явится. Не уздришь, какъ улепетнетъ. Не уличенъ—не воръ. Нечего въ кулакъ шептать. Нечего дѣлать, такъ чертей стѣнить. Нечего толковать—ночевать,—лучше дневать. Не чѣмъ срать, такъ лыками. Не хочешь говна на лопати? Не хочешь—кто тебя насялуетъ. Ни Богу свѣчку, ни черту блузка. Ни выкликай волка изъ лѣсу. (Nie wywołaj wilka z lasu). Ни зыку, ни крику. Никакъ ны вытанцовывается. Ни на кошку, ни на собаку. Ни свѣтъ—ни зоря.

Ни сѣла, ни пала. Ни спереди, ни сзади, ни кругомъ. Ни хера, ваше благородіе. Ничего, вѣдь, не подѣлаешь. Ничего—все ребята съ квасомъ (съ сокомъ) поѣдятъ. Ничего не боюсь, кромѣ людей. Ничь—цѣлый годъ. Нужда научитъ калачи печь. Нуженъ, какъ вчерашній день. Ну-ну!.. По маленьку на гору. Ну тебя къ черту. Ну, Федюшка, постой, чи маленькій, чи большой. Ны втаиться тэ кохання, якъ у мишку шило; всякъ про себя добре знае, що для кого мыло. Нѣтъ барыша, за то слава хороша. Нѣтъ, батиньки мои. Нѣтъ ни гроша, за то слава хороша. Нѣтъ у меня копѣйки размѣнной.

Область возможнаго слишкомъ широка. Обреки своей сракѣ дристать да не переставать. Обрубокъ изъ подъ топорнаго долота. О-вва! нема уже. Одинъ съ сошкою, а восемь съ ложкою. Одно за одно зайшло у нихъ. Ой, баринъ, да чудакъ. Ой, бидна моя головонька. Ой, ворожка, хлѣбъ да ложка. Ой, головочка моя бидная (гришная). Ой, Господи! до обѣда проспали. Ой, люли малина. Ой, суббота—не работа. Онъ думаетъ, что это ему хахоньки. Онъ за копейку въ церкви перднетъ. Онъ изъ-за дому. Онъ умнѣй умнаго. Оса безъ жала: жужжитъ, а не кусаетъ. Ослабѣла Изабелла. Остались сами казаками. Осталось, на чемъ моталось. Остался одинъ, какъ дуракъ. Останется говна шматъ. Остобисѣла. Отъ дурака далеко не уѣхалъ. Откуда оно въ биса взялось. Отмочилъ кошку съ рагожкой. Отмочилъ пулю. Отъ нидили до нидили все въ одномъ дили. Отодралъ же штучку. Отъ работы съ ума сойдешь. Оттаке-то лихо! Оттакихъ не ма не де. Оце саме то, що мыши съили долото, а на те погляде, шо свердельца не мае. Оце такъ, да балакався. Ошибся: я не духъ-святъ. Охъ, старый слохъ, молоденькій народился, да той исказился.

Паганая овца все стадо портитъ. Перди не перди, а не бойся орды. Передай поклонъ.—Сто х..въ съ хохломъ. Переломленной палки не дамъ. Перекрестились да перевертились. Перо пише, якъ муха дыше. Пиде ажъ засюрчитъ. Пикéна мать (солдатская поговорка). Пій да ишь, пока живъ да свижъ, а якъ завьяне, то муха не загляне. Пичь ни пушитъ, а сушитъ. По барину свитка, по казаку шапка. Побилило личико въ тимноти. Побье тебе лиха годына. По всѣмъ по тремъ, коренную не тронь. По головци да въ борщъ. По дѣломъ ему. Погонишься за длинными рублями, потеряешь короткіе. По Господнему это. Подорунъ безъ портокъ ходитъ. Подивись въ воду на свою уроду. Подложитъ свинью. Подъ микитки не бейся. Подпустить гусара. Подпустить свинью Подставить скамеечку. Подъѣхала на одной. Постъ задралъ хвостъ. Пожалуй, чего доброго. Поживемъ—заслужимъ. Поживемъ, побудемъ, ничего не сдѣлаемъ, заслужимъ. Поживешь—всего наживешь. Поживешь—ума наживешь. По закону нельзя, по закончику можно. Пой пѣсни, пока пупъ треснитъ, а ѣсть не проси. Пой пѣсни, хоть тресни, только ѣсть не проси. Пой, хоть тресни, а ѣсть не проси. Пока дождется баба книша, такъ вылезетъ и душа. Пока судъ да дѣло. Покуда солнце зайдетъ, роса очи выѣстъ. Полотномъ рубаха сдѣлалась. Получишь фигу съ макомъ (польская). Полюбилъ меня слипой ради пятницы святой. Поменьши, да побольши въ мѣшки. Понюхай, чѣмъ пахнетъ. По одной вздохнешь, а всѣхъ жалко. Попадья вмѣшалась, попъ не мѣшайся. Попадутъ правду, да и брешутъ (въ Россіи).

Попалъ пальцемъ, ковыряй дальше. По нути и витеръ. Породила мама, да не приняла сырая яма. По-секрету, чтобъ было извѣстно всему свѣту. Послѣ скобеля топоромъ. Послѣднее-ли доѣдаю. Потерялъ—не тужи, нашелъ—не радуйся. Потомъ—хлопъ окномъ. Почему?—черезъ потому. Пошла Марья по масло и въ печи погасло. Пошли дурного, а за нимъ другого. Пошло да поѣхало. Пошло ...дѣ на лихо и старцы ...бутъ. Пошелъ турманомъ. Пошелъ ты къ чертямъ на кулички. Правда, раки лизьлы въ торбу. Правду казать—дружбу терять. Привелъ узолъ къ гузну. Привязался, какъ цыганъ къ солнцу. Прыгаешь, какъ стоялый жеребецъ. Приде коза до воза. Прилѣпилъ къ стѣнѣ горбатаго. Присохло, какъ на собаци. Приходить въ свинячій завтракъ. Приходитъ ему край (конецъ). Продать, ажъ плакать. Проживемъ—не увидимъ, прослывемъ—не услышимъ. Прольешь—не соберешь. Промѣнялъ кукушку на ястреба. Пропадаетъ безданно, безпошлинно. Пропадешь не за цапову душу. Про се була балачка. Прошу [1]) честью, а теперь прошу нечестью. Просто, дешево, сердито. Простота хуже воровства. Противъ лита и маленьке нужно. Прошелъ, глянулъ—и квитъ. Прошло—проѣхало. Пустишь — упустишь. Пустяки—вареники, борщъ поганый, да богацько. Пьемъ и водку, пьемъ и ромъ, завтра по міру пойдемъ. Пьемъ сегодня водку—ромъ, завтра по міру пойдемъ. Пьяница направитця, дуракъ никогда. Пьянъ, да не упрямъ. Пьяный свѣчки не поставитъ, а людей насмѣшитъ.

Работай до поту, поѣшь въ охоту. Работаетъ отсохлыми руками. Рабъ Божій обшитъ рогожей. Разъ наклюнулось, такъ и вылупится. Разъ ума нима, такъ не берись писню спивать. Разщедрилась мать до пасанокъ, на заговины наварила борщу. Рано всталъ, да на позднее свелъ. Разсказалъ я сказочку до конца, дайте мнѣ рюмочку винца. Разсказываешь небылицы въ трехъ лицахъ. Распускаешь кабацкое горло. Рветъ и мечетъ. Рехубы не дамъ. Родымицъ тебя взялъ бы. Ротъ до ушей, хоть завязки пришей. Ротъ разинулъ, хвостъ поднялъ—насквозь видно. Рыбки, становись дыбки.

Сватъ, сватъ, голубиныя яйца. Собака собаку займетъ. Самовольно—такъ шкоды наробышь. Сбился съ панталику. Сволочь—царю помочь. Свисти Макаръ на всѣ четыре стороны. Своего по горло, оно тащитъ. Свое хоть криво, да мило. Свои рѣчи, да чужимъ въ плечи. Свинья не съѣстъ, не повалявши. Сдѣлалъ на чертовъ клинъ. Сегодня день не простой, найдется холостой. Се дило треба разживать. Село вижу, ниякъ не движу. Семь пядей во лбу. Сиди дома, да стружи веретена. Сиди, пиши, да не рыпайся. Сидитъ елопъ на дубу. Сидитъ и молчитъ, какъ проклятый. Сирота обосрала ворота. Скажи мнѣ, съ какого края солнце свѣтитъ? Скажи своему диду. Скажите пожалуйста. Сказала тпрюсь, а оно сѣло на брусъ. Сказано—жулье поповское. Скаснула да звязнула, тоди змельнула, глытнула, да нема. Слеза слезу догоняетъ. Слигались ладно. Смотри въ оба. Сначала спросишь у головы, а затѣмъ лѣзь до сраки. Сова не выведетъ сокола. Сойдетъ дѣвка за парня. Созвалъ пиръ на весь міръ; ставъ гостить, анъ х.. свиститъ.

---

[1]) М. б. *просимъ* *Н. В.*

Соли да подсаливай. Сорока на хвостѣ принесла. Со ступеньки на ступеньку. Спасибо Богу, наѣлся ей-Богу, нагодувала Явдошка, а живитъ, якъ дошка. Спасибо за хлѣбъ за соль.—Не стоитъ, или—незашто. Спасибо твоему батьку. Спитъ праведнымъ сномъ. Сравнялся медвѣдь съ пятіалтыннымъ. Старому, якъ малому—все равно. Старость не радость, а смерть не сладка. Сторублевая голова за три копѣйки не пропадетъ. Сто рублей взять, да на пузо только стать. Стоитъ расторопша, одна нога довша, а другая коротка (загадка: цѣпъ). Стоитъ три огляда. Стѣны то крѣпки, да столбы ветхи. Стыдъ—не дымъ, не выѣстъ глаза. Стыдно говорить, а грѣхъ таить. Суббота—не работа. Судиться—не смѣяться. Сука, брешишь.—Ж..у почешешь. Сухо, по самое ухо. Счастливые часовъ не наблюдаютъ, а за минутами слѣдятъ. Съ дуракомъ сядешь, дуракомъ станешь. Сдуру, какъ съ дубу. Съ каждымъ чертомъ спорь—не хочется робыть. Съ малыми, хуже чѣмъ съ дурными. Съ нимъ одинъ на одинъ встрѣтиться страшно. Съ нами крестная сила. Съ пива не богацько дива. Съ позволенія сказать. Съ прохвала дѣлаешь. Съ самого пупьюшку чужіе работники. Съ свинымъ рыломъ, да въ птичій рядъ. Сѣю-вѣю матовѣю.

Такого заведенія не было и нѣтъ. Такъ воно—такъ, да тришечки не такъ. Такъ дѣло указало. Такъ ему, сукину сыну, и надо. Такъ напугали: иду, а ноги у меня сзади остаются. Такъ не пройдетъ нашему Иванькѣ. Тамъ, гдѣ сорокъ ямъ. Тамъ тебѣ серицу вымнутъ. Тара-бара рубля полтора. Твоимъ саломъ, да тебя по мусаламъ. Ткнулъ купцему подъ хвостъ. Тогда учи, когда поперекъ лавки лежитъ. То ей не минется, якъ бабѣ жнива. Тоже—гуси хорошіе. Толкачъ ты ясеновый. Толкуй больной съ подлекаремъ. Только и нашего. Только молоньемъ живъ человѣкъ. Только собакъ бьетъ. Только что кандычетъ (еле не умираетъ). Трясьця тоби. Три денежки въ день, куда хочешь дѣнь. Три дня съ двора, а мужа нима. Трудно на свѣтѣ стало жить. Турки летятъ, какъ чурки. Тутъ могила. То носъ широкъ, то брови густы, то карманы пусты. Торгуйте безъ лишняго. Ты деревяка хуже осиновой (ясеновой). Ты его крести, онъ говоритъ пусти. Ты за кусокъ, а онъ тебя за горло. Ты не болтайся. Тысячи сучишь. Ты хошь намъ не вози, да дворъ краси. Ты хочешь на гору, а чертъ тебя за ногу. Тюрьмы да сумы не касайся никогда. Тѣмъ же саломъ, да по тѣмъ же мусаламъ.

У васъ душа не изъ прядива, да и у насъ не изъ рогожи. У васъ креста нѣтъ. Удивилъ солдатъ старуху, не пошелъ обѣдать. Удивительно, Марья Андревна, и чай пилъ, а пузо холодное. Удралъ галочки. Уже пальца, короче его. Уже сбрендилъ съ ума. Ужъ была-бъ тебѣ заядла, да заядлѣй всѣхъ. У калмыка подъ сидломъ. У лѣсу не безъ крывули, а въ слободѣ не безъ дури. У лѣсу не безъ пенька, въ слободѣ не безъ дурака. Ума дастъ. Ума у тебя палата. Умница, хвалила вся улица, да дрисливая курица. У насъ такой моды нѣту. У него чертова (волчья) думка. Унеси ты мое горе на гороховое поле. Усцялась баба на печи, да кричитъ: ой, батечку, рятуйте! у мори тону. Учился, да ничему не научился.

Фиги-миги.

Хай его грецъ вызьметъ. Хай ему чуръ-пеки. Хай съистъ, да не знама вошь. Хай тоби абыщо. Хвалила вся улица, да дресливая

курица. Хвали руку товаръ видно. Хватился монахъ, анъ штаны въ головахъ. Хенди-менди съ бандурою. Хиба-жъ такъ роблятъ. Хиба намъ до смаку, лишь бы хляболо. Хиба ни на моихъ воротахъ солнце взыйде. Хлопчику, треба тришки пидождаты. Хлѣбъ на хлѣбъ не вреденъ. Ходи съ краю, да не падай въ яму. Ходымъ рындэ!— Куда пидэ?—Тамъ насъ не знали, рындой назвали. Холодно-студено, на комъ платье одно. Хома всего добра не покажить. Хорошо гуртомъ батька бить. Хорошо-то—хорошо, если... Хорошая славка въ сундукѣ лежитъ, а плохая по дорожкѣ бѣжитъ. Хорошаго никто не дасть. Хоть побожиться. Хоть волкъ травы не толки (не ѣшь). Хоть въ попелъ кусокъ умочишь, да въ двухъ. Хоть глазъ выколи—темно. Хоть за шутки пріймалы, такъ моли Бога. Хоть кожу мять, абы не гулять. Хоть крикомъ кричи. Хоть къ бабушкѣ не ходи. Хоть лапшу изъ нея покрошу. Хоть лопни, Ваше Благородіе. Хоть нѣтъ барыша, зато слава хороша. Хоть нѣтъ ничего, да зато назади двѣ. Хоть поганый, да я. Хоть подъ хату дурного. Хоть раздѣнусь, а выбалакаю. Хоть разъ, да въ пику. Хоть съ краечку, да въ городочку. Хоть умереть—не знаю. Хоть черту голову оторви, не выходитъ. Хоть шматки, абы бублики. Хотѣлось сдѣлать лучше, а оно сказало—ноги круче. Хочется пирога, да мука дорога. Хочется сладкаго съѣсть, да не знаешь, какъ подлѣзть. Хуже сего дила нима.

Це не батько, да то не матка. Це тотъ халатъ, шо сто латъ, еще бъ латать, да ни за што хватать. Цуги-цуги, нема дуги. Цыцъ, каторжный. Цѣлковой пѣшкомъ не ходитъ. Цѣлая исторія съ географіей.

Чай, и мы не лыкомъ шиты. Чай—это не хмѣльное. Чего гира хоче?—кисникивъ. Чего дурна журилася. Чего молчишь—ай корова языкъ отжевала. Чего не пить, коли наша доля не спитъ. Человѣкъ безъ задней мысли. Человѣкъ Божій обшитъ рогожей. Чему-нибудь остаться, лучше пузу раздаться. Чепуха, какихъ мало на Божьемъ свѣтѣ. Черезъ себя не сдѣлаешься дуракомъ, а черезъ людей. Черная матушка забыла. Черта рытава. Чертямъ рога вставлю. Чертова пропасть. Чикъ-брикъ вареники. Чиръ да нема. Что ни дѣлается, все къ лучшему. Что потопаешь, то полопаешь. Что съ молоду было, то въ старости отзовется. Что смѣешься съ грибовъ, ихъ ѣдятъ. Что смѣшно, то не опасно. Что ты бѣлены объѣлся. Что укоротишь, того не воротишь. Чудакъ! сѣлъ на чурбакъ, да кричитъ: пожаръ. Чудакъ, а баринъ, безъ портокъ въ халатѣ (а пляшетъ). Чудо Тимофеево. Чужая копейка мнѣ спать не даетъ. Чужая жена лебедушка, а своя полынь горькая. Чужая хата дороже своей. Чуже не дюже нужно. Чужій хлибъ пуше, свій суше. Чужому чужое, а своему свое. Чужое горе за сахаръ.

Шарикъ работаетъ (указаніе на лобъ). Шибко дюже, какъ бы не утонуть. Шельма изъ-подъ темной звѣзды. Шо будетъ, то будетъ нашему Иваньки. Шобъ тоби не вкисло. Шобъ ты ему сдохъ. Шо будетъ нашему Иваньки. Шобъ тоби всраться на томъ свити. Шобъ тоби галушкой подавиться. Шо панъ въ карманѣ носе, то мужикъ на землю бросе. Шо робыть?—Разбить да закинуть. Шо ты дурню робишь?—Воду миряю. Шутки до добра не доведутъ. Шутки-то шутки, а хвостъ на бокъ (хвостъ держи на бокъ).

Ще дила такого не було. Ще матырино молоко на губахъ не обсохло. Ще тришки пидождать.

Ѣшь не соля, соль не своя. Ѣшь на здоровье. Ѣшь пока ѣстся, придетъ пора, не будешь ѣсть тогда.

Эй, ребята, рожь не жата, овесъ не поспѣлъ. Это, батеньки, ни фунтъ изюму. Это было въ старину, когда ѣздили на стригуну. Это было, когда ты подъ столъ пѣшкомъ ходилъ. Это гавно собачее. Это дѣло (дѣльце) подходящее. Это золотое дно. Это какъ слѣдуетъ, по совѣсти. Это Китай моя церемонія. Это каторжная работа. Это намъ не по двору. Это не въ диковину. Это не говорить, а пердѣть. Это не нашей парафіи. Это не работа, а Сибирь. Это по семейному. Это сдѣлано, это сдѣлано, а это вотъ не сдѣлано. Это хуже, чѣмъ на каторгѣ. Этому сто лѣтъ въ обѣдъ. Эхъ, забубенная голова. Эхъ ма! кабы денегъ тьма,—купилъ бы село, да денегъ голо.

Явится—не удавится. Я вступилъ въ хорошую должность—за рубль въ годъ. Я говорю тебѣ русскимъ языкомъ. Я знать ничего не хочу. Я ихъ забью, какъ вошь. Я съ тобой, какъ рыба съ водой—рыба на дно, а ты въ гавно. Яке сробе, таке и буде. Якъ Божій быкъ. Якъ брехать, не выкажешь правды. Якъ коржа, якъ коржа! спичимо, такъ два дамо. Якъ ни було снигу, такъ ни було слиду. Якъ ни пьявся, а пердѣть пришлось. Якъ пишло съ ранку, то до самого вичеру. Якъ словечко скажетъ, узольчикъ завяжетъ. Якъ у ступи дуры. Якъ чухну, такъ не знатемешь, гдѣ засвирбе. Якъ хто скаче, то всякъ баче, а хто плаче, нихто ни баче. Я на шикъ, а они на пшикъ. Я не знаю, сколько ты въ землѣ. Я не такой дуракъ, чтобы этому повѣрить. Я не боюся ни биса. Я паньского роду, пью горилочку, якъ воду. Я.—Попова свинья. Я по тебѣ соскучился, хоть вѣкъ тебе не будь. Я прошелъ Крымъ и Римъ. Я такъ полагаю: гарненькій совитъ и въ постъ мясоидъ. Я ще съ сего выплыгаю.

Яковлевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Міросозерцаніе нашихъ простолюдиновъ-малороссовъ.

(Записано въ с. Соловьевкѣ Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи).

Небо.

Простолюдинъ вѣритъ, что въ Божьемъ мірѣ существуетъ *семь небесъ*: первое, которое мы видимъ, *голубое небо*, это, такъ сказать, только чехолъ небесъ; далѣе слѣдуетъ *зеленое небо*, какъ бы преддверіе неба, потомъ выше *фіолетовое*, еще выше *желтое*, дальше *бѣлое*, еще дальше *розовое*, и наконецъ самое *настоящее небо—красно-огненнаго цвѣта*, на которомъ стоитъ престолъ Божій. Семь небесъ, это та лѣствица, которую видѣлъ во снѣ праотецъ Іаковъ; ангелы Божіи размѣщены по всѣмъ небесамъ для того, чтобы не допускать діаволовъ до престола Божія. Настоящее красно-огненное небо можно иногда видѣть ночью, когда *растворяєцьця нѣбо* (это необычайный свѣтъ при паденіи болида). Другія небеса: зеленое, фіолетовое, желтое, бѣлое и розовое можно видѣть во время грозы, тогда тоже *небо растворяется* (это различные цвѣта молніи). Всѣ святые живутъ на небесахъ, на самомъ седмомъ небѣ находится Пресвятая Богородица, престолъ которой стоитъ по правую сторону престола Божія, тамъ же находится и св. Іоаннъ Креститель, а также святители и апостолы; другіе святые пророки, преподобные и мученики размѣщены на другихъ небесахъ. Пророкъ Илія живетъ на одномъ небѣ съ архангеломъ Гавріиломъ, возлѣ самаго престола Божія.

Звѣзды („Зірки").

Звѣзды—это *ангелы-хранители людей*, надзирающіе, какъ живутъ люди на землѣ. Если человѣкъ умираетъ, такъ его ангелъ-хранитель сейчасъ же летитъ къ Богу докладывать о смерти человѣка, поэтому мы и видимъ, какъ летитъ звѣзда. У Бога есть такая книга, въ которую вписываютъ живыхъ, которые нарождаются, и другая, въ которую вписываютъ умершихъ. Звѣзды, которыя не падаютъ, такъ это ангелы хранители тѣхъ людей, которые уже умерли. Млечный путь, это *дорога въ небесный Іерусалимъ*. Кометы—это *ангелы-вѣстники грядущихъ бѣдъ на землѣ*. Созвѣздіе Большой Медвѣдицы называютъ *возомъ;* это возъ — на которомъ пророкъ Илія поѣхалъ на небо и которымъ онъ ѣздитъ по голубому небу во время грозы; стукъ колесъ этого воза и производитъ громъ. Созвѣздіе

Плеядъ называютъ *квочкою*; квочка эта водитъ тѣхъ цыплятъ, которые выростаютъ и дѣлаются большими курицами, несущими *золотыя яйца*, для христосованья ангеловъ со святыми на небѣ во время свѣтлаго праздника. Планету Венеру называютъ *зорныця*—это Ангелъ Хранитель Божіей Матери.

Солнце.

Солнце—это *образъ славы Божіей*; какъ на солнце нельзя смотрѣть, такъ нельзя грѣшному человѣку видѣть славы Божіей. Солнце то „*Бóжэ дзэ̀ркало*", въ которомъ Богъ видитъ, что̀ дѣлается на землѣ днемъ. Для того Богъ и выставляетъ на день это круглое зеркало, чтобы видѣть всѣ дѣла человѣческія, которыя въ теченіе цѣлаго дня отражаются въ этомъ *небесномъ зеркалѣ*. Затменіе солнца бываетъ, когда Господь приказываетъ пообчистить это зеркало, осквернившееся черезъ отраженіе къ немъ скверныхъ дѣлъ человѣческихъ. Про затмѣніе солнца простолюдины такъ и выражаются: „пэрэчыща̀ецьця сòнцэ".

Луна („Мѝсяць").

Луну простолюдины называютъ „мисяцомъ", который при новолуніи называется „Молодыкъ", первая четверть,—„Первая кватыра", полнолуніе „Пыдповна", послѣдняя четверть—„остáня кватѝра". Темныя пятны на лунѣ народъ считаетъ за изображеніе братоубійцы Каина, который закололъ вилами своего брата Авеля въ то время, когда накладывалъ снопы на возъ, поэтому указывая на темныя пятна на лунѣ, крестьяне говорятъ: „отъ бра̀тъ бра̀та на вы̀ла взя̀въ". Мѣсяцъ это *Божье зеркало ночи*, въ которомъ отражаются всѣ дѣла человѣческія, которыя совершаются ночью. Затменіе луны—это перечистка *зеркала ночи*, осквернившагося черезъ отраженіе блудодѣяній рода человѣческаго, совершаемыхъ по ночамъ. При появленіи „молодыка" крестьяне молятся „Отче нашъ" и „Богородице Дѣво". Молитву эту они творятъ для того, чтобы Господь не допустилъ ихъ до грѣховъ, которые могли бы отражаться въ *зеркалѣ ночи*. У кого болятъ зубы, тотъ при появленіи „молодыка", обращается къ нему съ такою мольбою: „Мѝсяцю Ада̀ме, молоды̀къ, подывы̀сь ты на мэ̀ртвыхъ и живы̀хъ, якъ у мэ̀ртвого кòсти нэ болѧ̀ть, такъ нэхай у мэ̀нэ раба Божого, хрэщэ̀ного, молы̀твяного N нэ болѧ̀ть зу̀бы" Или же произноситъ такое заклинаніе: „Мѝсяць на нэ̀бі, рыба въ морі, чэрвякъ у дубі, якъ ці тры бра̀ты зийдуцьця до ку̀пы, тадi въ мэнэ бу̀дуть болить зу̀бы". Крестьяне вѣрятъ, что послѣ такихъ молитвъ зубы перестаютъ болѣть.

Облака („Хма̀ры").

Крестьяне вѣрятъ, что облака похожи на студень; говорятъ что куски „хмары" находили послѣ дождя. Если „хмарою" „загодува̀ть" (передъ тѣмъ, когда начинать откармливать) кабана, то будетъ необыкновенно жирный; какъ „хмара" жирна дождемъ, такъ кабанъ будетъ жиренъ саломъ.

Вѣтеръ.

Простолюдины представляютъ вѣтра человѣкомъ-великаномъ съ огромными толстыми губами; когда этотъ великанъ дуетъ, тогда и вѣтеръ; если дуетъ слегка, то вѣтеръ слабый, а подуетъ сильно, такъ и вѣтеръ сильный, а коли разсердится, да подуетъ очень сильно, тогда дѣлается буря.

Громъ.

Громъ происходитъ отъ стука колесъ того воза, которымъ Илія ѣздитъ по небу. Онъ обыкновенно ѣздитъ по небу для того, чтобы распорядиться дождемъ. Громъ также происходитъ отъ того, что Архангелъ Михаилъ бросаетъ камнемъ въ діавола, который хочетъ пробраться на небо. Кромѣ камня Михаилъ бросаетъ на діавола и огненныя стрѣлы; куда діаволъ спрячется, туда Михаилъ и пуститъ огненную стрѣлу и убьетъ то животное, или человѣка, возлѣ котораго спрячется діаволъ.

Молнія.

Молнія, это маханіе архангеломъ Гавріиломъ райскою вѣтвію, которая несказанно сіяетъ. Маханіемъ означенною вѣтвію, Гавріилъ ослѣпляетъ діаволовъ, которые хотятъ пробраться на небо.

Радуга („Вэсэлка").

По мнѣнію простолюдиновъ „Вэсэлка" тянетъ воду изъ рѣчекъ и морей. Это *Божій цмокъ* (насосъ), которымъ Господь набираетъ воду изъ моря и рѣчекъ для того, чтобы образовать дождь.

Метеоры („Змій огняный").

Когда пролетаетъ огненный метеоръ, то простолюдины крестятся и произносятъ заклятіе: „áминь, áминь, розсыпься!" По вѣрованію народа, это летитъ нечистая сила въ видѣ огненнаго змѣя. Когда умретъ человѣкъ и жена начнетъ о немъ сильно скорбѣть, то нечистая сила является къ ней во образѣ умершаго ея мужа и входитъ съ нею въ плотскія сношенія, вслѣдствіе чего женщина эта начинаетъ болѣть и чахнуть и затѣмъ умираетъ. Къ такой скучающей женщинѣ нечистая сила всегда летитъ въ образѣ огненнаго змѣя и только въ хатѣ у этой женщины діаволъ является въ видѣ ея мужа съ супружескими ласками. При видѣ метеора, пролетающаго уже на разсвѣтѣ дня, крестьяне восклицаютъ: „Опизнúвся пугáный!. Аминь, áминь, разсыпся!..."

Земля.

Земля—по вѣрованію крестьянъ, представляетъ громадныхъ размѣровъ тарелку, которую поддерживаютъ двѣ большія рыбы, лежащія крестообразно одна на другой; рыбы эти конечно лежатъ

въ водѣ, такъ что кругомъ земли находится вода. Когда эти рыбы совершаютъ движеніе, тогда земля движется и происходитъ землетрясеніе. Горы на землѣ образовались отъ того, что когда Богъ создавалъ землю, то діаволъ укралъ у Бога немножко земли и спряталъ въ ротъ, тогда Богъ приказалъ архангелу Михаилу, чтобы отнялъ отъ діавола эту землю. Михаилъ не могъ вынуть земли изъ рта у діавола, поэтому началъ бить его кулакомъ въ спину, вслѣдствіе чего діаволъ началъ „блювать“ (рвать) землéю, гдѣ „блюнетъ“ тамъ и образуется гора.

Первые люди.

Когда Богъ вылѣпилъ перваго человѣка изъ земли и поставилъ его для просушки, то діаволъ и себѣ вылѣпилъ человѣка изъ тѣста, сдѣланнаго изъ пшеничной муки, и также выставилъ для просушки. Этого дьявольскаго человѣка схватила собака и съѣла, что видя діаволъ разсердился на собаку, схватилъ ее за хвостъ и началъ ударять ею во что попало: ударилъ объ пень дерева, такъ у собаки изъ подъ хвоста вылетѣлъ панъ Пеньковскій, ударитъ объ дубъ, вылетаетъ панъ Дубицкій и такъ дальше; долго діаволъ ударялъ такъ собакою объ различные предметы, поэтому и явилось на землѣ *много пановъ*: Березницкіе, Каменскіе, Мостицкіе и т. п.

Животныя.

Вòвкъ (волкъ). Про волка простолюдины разсказываютъ, что онъ не будетъ трогать скотины въ той мѣстности, гдѣ волчица наплодитъ дѣтей. Напротивъ, если забрать волченятъ, то волки отомстятъ за это тѣмъ, что задушатъ много скотины въ той мѣстности, гдѣ находились волченята. Крестьяне вѣрятъ, что колдуны могутъ превратить людей въ волковъ; такіе люди уже называются „вовкулáками“ и также душатъ скотину, какъ и волки.

Мурàшки (муравьи). Крестьяне разсказываютъ про *муравьиное масло*, которое можно иногда „до сходъ сонця“ найти въ муравьиной кучѣ; отъ солнца же оно таетъ. Масло это желтое, густое, похожее на коровье масло, его покупаютъ въ аптеку на лекарство. Крестьянскіе мальчики обмакиваютъ слюною палочки и таковые кладутъ на муравьиную кучу; черезъ нѣсколько минутъ палочки эти берутъ обратно и облизываютъ, такъ какъ на этихъ палочкахъ находится муравьиная кислота.

Со словъ старухи Оксаны Стебчихи записалъ

Иванъ Савченко.

С. Соловьевка
Радомысльскаго уѣзда,
Кіевской губ.

Бѣлорусскій нищенскій „Лазарь".

Помѣщаемый ниже бѣлорусскій „Лазарь" записанъ нами отъ хромца-„лирника" Осипа Адамацкаго 52 л., крестьянина дер. Лоцвины, Талядовичской волости, Слуцкаго уѣзда, Минской губ., перенявшаго, въ свою очередь, эту пѣсню отъ такого же нищаго слѣпца изъ дер. Васильчицы, Тимковской вол., у котораго въ дѣтствѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ онъ былъ поводыремъ.

Бѣлорусскіе „лирники" составляютъ особый классъ профессіональныхъ нищихъ—бродячихъ пѣвцовъ, распѣвающихъ подъ аккомпаниментъ своей „лиры" обыкновенно духовно-религіозные стихи. Въ большинствѣ случаевъ—это люди, отъ природы страдающіе какимъ-либо органическимъ недостаткомъ (слѣпота, хромота, различные дефекты рукъ и т. п.), который мѣшаетъ имъ быть полезными членами трудовой крестьянской семьи и принуждаетъ ихъ искать себѣ пропитаніе на другомъ поприщѣ. Калѣка-мальчикъ, особенно въ бѣдныхъ бѣлорусскихъ семействахъ, чаще всего, какъ лишній и обременительный ротъ въ хатѣ, отдается на выучку почтенному и опытному нищему пѣвцу въ качествѣ поводыря и помощника въ его странствованіяхъ съ неизмѣнною „лирою". Изучивъ приблизительно года въ 2 — 3 всю эту несложную пѣвческую науку и, достигнувъ болѣе зрѣлаго возраста, онъ пріобрѣтаетъ на скопленные гроши уже собственную „лиру" и, обзаведясь точно такъ же собственнымъ поводыремъ, начинаетъ свое самостоятельное путешествіе убогаго „лирника" по роднымъ захолустьямъ.

„Лира"—это струнный средняго лада инструментъ, состоящій изъ деревяннаго продолговато-овальнаго корпуса, на подобіе скрипичнаго, пустого внутри, вдоль котораго на верхней декѣ натянуты три кишечныя струны, закрѣпленныя въ одномъ концѣ, на широкомъ и короткомъ грифѣ, колками; на первую струну (скрипичная квинта) сбоку, подъ давленіемъ пальцевъ, непосредственно упадаютъ 4—5 деревянныхъ палочекъ-клавишей, которыя и регулируютъ измѣненіе звуковой ея гаммы, при чемъ остальныя двѣ струны постоянно выдерживаютъ неизмѣнный унисонъ. Звукъ производится треніемъ гладкаго плоскаго колесика, установленнаго подлѣ кобылки и касающагося всѣхъ трехъ струнъ снизу при движеніи его желѣзной ручкой. Такимъ образомъ получается нѣкоторая своеобразная гармонія, меланхолически-монотонная и заунывная, придающая грубому и часто гнусавому голосу пѣвца какую-то особую торжественность религіознаго пѣснопѣнія.

Въ темномъ крестьянскомъ быту заброшенной Бѣлоруссіи пѣніе „лирниковъ" приноситъ деревенскому населенію большое духовное и эстетическое наслажденіе, самое же ремесло этихъ пѣвцовъ

считается почетнымъ занятіемъ и всегда награждается со стороны неприхотливыхъ слушателей глубокимъ уваженіемъ къ его исполнителямъ и щедрыми подачами. Благодаря такому обстоятельству этотъ промыселъ пустилъ въ народѣ глубокіе корни, такъ что даже нѣкоторыя бѣлорусскія селенія съ давнихъ поръ занимаются спеціальнымъ изготовленіемъ нищенскихъ „лиръ“ (напр., с. Талядовичи, Слуцкаго уѣзда), а другія (какъ м. Ляховичи, того же у.) славятся еще особыми „лирниками“, прекрасными пѣвцами-исполнителями историческихъ и нравоучительно-бытовыхъ пѣсенъ (нѣкій „лирникъ“ Флёрикъ).

Приводимаго ниже бѣлорусскаго „Лазаря“ мы старались передать возможно точно фонетически, сохраняя въ неприкосновенности какъ типичныя черты собственно мѣстнаго чистаго произношенія, такъ и замѣтные слѣды постороннихъ историческихъ и церковно-книжныхъ вліяній (полонизмы, славянизмы и др.). Для большого успѣха нашей записи исполнитель „Лазаря“ долженъ былъ воспроизводить пѣсню „на разсказъ“, при чемъ нерѣдко сбивался и принужденъ былъ неоднократно прибѣгать къ обычному пѣнію, чтобы возстановить въ памяти забытое и пропущенное въ ней мѣсто.

Настоящій „Лазарь“, очень любимый и столь популярный во всей Минской губерніи, начинается обыкновенно вступительными пѣснями о тайной вечери и предательствѣ Іуды („Ца́рэ Хры́сьце“...), а также о крестныхъ страданіяхъ, смерти и погребеніи І. Христа („У слаўнамъ гра́дьзѣ“...), затѣмъ слѣдуетъ самый „Лазарь“, состоящій изъ двухъ отдѣльныхъ пѣсенныхъ частей,—„про багача“ и „про Лазаря“, а заканчивается чаще всего молитвеннымъ речитативомъ, въ которомъ „лирникъ“ обращается къ домохозяевамъ съ добрыми пожеланіями и съ просьбой о милостынѣ и который вообще ни у одного изъ нихъ не имѣетъ строго опредѣленныхъ словъ.

Ца́рэ Хры́сьце, па́ня° милы,
Нашъ бара́накъ (барашекъ) вазлатли́вы!
Чацьвартокъ ве́чару быўшу,
Се жидо́мъ саві́е́тъ сатварыўшу,
Стали жыдо́ва° ублага́ць:
— Ягъ бы намъ Хрыста́ спайма́ць?—
А Іюда-јихъ праце́ча:
— Што мні́е́ дасьце́ — прадамъ Яго,
Бо я јесьць ву́чань Яго.—
— Да мы ве́ле срэ́бникаў дамо́,
Тольки намъ прадай Яго.—
Прадаў Юда Хрыста за срэ́бники,
И, ў до́ми јихъ ня° быўшы,
Сазнаў Хрыстосъ сваé мо́цы,

Што Юда жидо́мъ да памо́цы.
Хрыстосъ, хліе́ба праламá̆ушы,
Ды ву́̆чни даваў,
Мачыўшы ў субль, Іюдьзи даў,—
Што ёнъ Мяне адъ васъ прадаў.
Прышло ўрэмя, прышоў часъ,
Аставайця°ся усіе́ віе́рны — иду́ адъ васъ!

У слаўнамъ гра́дьзѣ Іерусалимѣ,
Тамъ Исусъ Назара́нски,
Се то били, слупава́ли
За міръ храсьціянски,
Се то били, слупавали
Бога нашаго,
Царно́вы вяне́цъ на главу слажы́ли,
А Прасьвятая жа Дзіе́ва Марыя
Жъ жа́лю вамлява́ла:
— Ахъ сыня° муо́й, сыня°,
Божа пралюбезны,
На красьціе́ памираяшъ,
Ціе́ло Сваё прасьвятоя°
Самъ да гро́бу аддае́шъ.—
Усіе́ сьвятыя апасто́лы
Славу яму чынили,
Зьня́ли ціе́ло съ краста, — ў плащаницу,
Ва грубо́пъ палажыли.
Жа́дна (ни одна) віе́ра таго ня° дазна́ла,
Тольки надъ гробамъ камянь...
Слава Хры́сту па ўсяму́ сьвіе́ту
Ва віе́ки вя°коў. Аминъ!

Ня адьзи́нъ чалавіе́къ бага́ты быў,
Каторы ў раско́ши пиваў и јядаў,
У дарагомъ садьзя°я́нни за́ўжды прахаждá̆у,
На Гу́оспада Бога ёнъ ницъ ня ўпава́ў,
На сьватыя° царквя́ Божыя ня саздава́ў,
Нищыхъ, каліе́къ ёнъ ня падара́ў,
Брата свайго Лазара за брата не міе́ў.
Прыходьзиць святы Лазаръ да багача:
— Ой, браця° муо́й, браця°, силны, багаты,

Адна насъ матка съ табою радьзила,
Да ня адну долю намъ давала:—
Табіе́, брацяᵉ, Бубхъ даў сильне багацство,
А мніе́ Бубхъ даў, бра́цяᵉ, калѣцство, убубсство,
Ня прашу, брацяᵉ, срэбра ни злота,
Столько прашу трубхъ рачэ́й зяᵉмли́,
Першай зяᵉмли—хліе́ба и со́ли,
Альбо ха̊ця̊, брацяᵉ, зи́мнае вады.—
— А ни јестъ жа шъ ты мубй братъ,
Јестъ ты гнилы́ песъ,
Іе́сьць у маёмъ дварыэ псы—то тва́е браты́,
А ты мяне бра́тамъ няᵉ называй
Да ты мніе́ сты́ду няᵉ задавай.—
Плюнуўшы силны багачъ до дво́ру пашоў
Вяліе́ць чэлядьзи бра́му замкнуць,
Штопъ сьвято́го Лазара гла́су няᵉ чуць.
Якъ пашоў, пашоў сьвяты Лазаръ ва гнаю ляжаць,
Ляжаў Лазаръ ва гнай, трыццаць тры гады́,
Трыццаць тры гады́, такъ акъ тры часы́,
Ня было́ ў багатаго ни аднае́ душы,
Ни аднае́ душы—сей набу́джнае,
Штопъ сьвятому Лазару хліе́ба й соли даць,
Тольки было́ ў багача два лютыяᵉ псы,
Што багачъ казаў на Лазара—то тва́е браты́,
За́ўжды яны́ ў багача падъ сталомъ жыли́,
Друбмныя крубшки сей пазьби́рывали,
Сьвятому Лазару ва гнубй насили,
Сьвятого Лазара сей васьпи́тывали,
Смяртэ́льныя раны зализывали,
Палягчэ́ння душы й ціе́ла яму давали.
Якъ пачаў силны багачъ то́яᵉ узнаваць,
Вяліе́ў саба́ки на ланцу́хъ брацъ,
Штопъ сьвятого Лазара да ня жыви́ли,
Палягчэ́ння душы й ціе́ла ня давали.
Якъ пачаў сьвяты Лазаръ малитвы тварыць,
Госпада Бога миласьци прасиць:
— Ой, Госпадьзи Божа прамиласьливы,
Прыми маю душу й ціе́ло да хва́лы Сва́е,
Ба ўжэ шъ мая душа й ціе́ло настрадалася;
Холаду й голаду нацярпѣлася,
Смяртэ́льныхъ ранаў набалѣлася.—
Отъ саслаў жа Губспадъ два а́нгялы:

— Ляціе́ця, а́нгелы, зъ неба на землю
Па Ла́зараву душу й на ціе́ло яго,
Вазьміе́ця° Лазара памалю́сяньку,
Нясіе́ця° Лазара пацихусяньку,
Пасадьзиця° Лазара у прасьвіе́тламъ рай,
У сьвятого Абрагама на правамъ ланіе́.

Часъ, ўрэмя пагадьзиўшы,
Збира́яцца силны багачъ за варо́та,
Збира́яцца силны багачъ на палява́ння°,
У чыстае поля на пагуля́ння°,
Надьзіе́ў сабіе́ шапачку, якъ біе́лъ-мацицэ (перламутръ),
Надьзіе́ў сабіе́ су́кеньку, якъ віе́цяръ шумиць,
Припаса́ў ёнъ сабіе́ ша́бяльку, якъ агу́бнь гарыць,
Якъ выходьзиць силны багачъ прэдъ-за варо́та,
За багачомъ—силна пяхо́та, пракрасна рота.
— Жаднаго прыпа́дку (случайность) ницъ ня° баюся,—
Адъ лихого чалавіе́ка войскамъ адабьюся,
Адъ лютаго звіе́ра псами аттраўлюся,
Жаднаго прыпа́дка ницъ ни баюся,—
Я атъ сьмерци злотамъ аткуплюся.—
Якъ ўсхадьзилася злая пя°хви́ля,
Якъ хвацила багача нагла хвароба,
Якъ уды́рыла багача абъ сыру́ землю,
Ляжыць багачъ гадьзину, ляжыць другую,
На трэцюй гадьзи́ни ёнъ Бога познаў
Ды Госпадамъ Богамъ назваў:
— Ой, Госпадьзи Божа прамиласливы,
Прыми маю душу й ціе́ло да хва́лы Сва́е,
Ба ўжэ мая душа и ціе́ло сьпило́ и зьзіе́ло,
У дарагомъ садьзя°я́нни нахадьзилася,
Зъ рубэныхъ людьзей наглумилася,
Зъ рубэ́ныхъ людьзей насьмя°ялася.—
Отъ, саслаў жа Гаспу́дь ўсё злыхъ-пя°кельныхъ:
— Ляціе́ця°, пя°кельныя, зъ неба на землю
Па багачову душу й па ціе́ло яго,
Вырваця° душу съ ціе́ла празъ ліе́во рабро́
И ўкиньця° багача ў піе́кло на дно!
Плавай, плавай, силны багачъ на ўвесь широкой (?),
А видьзишъ на Бога, якъ Бубхъ высо́ко.—
Ящэ силны багачъ у піе́кли ня°много пабываў,

Брата свайго Лазара у царстви видаў:
— Ой, бра́цяᵉ мубй, бра́цяᵉ, сьвяты Лазаръ,
Адна насъ матка съ табою радьзила
Да ня адну долю намъ падавала:—
Табіе́, бра́цяᵉ, Бубхъ даў калѣцство,
А мніе́ Бубхъ даў, брацяᵉ, сильне багацство,
Ты прасъ сваё калѣцство ў прасьвіе́тлумъ рай,
А я прасъ сильне багацство у піе́кли ў смаліе́,
У старшаго дъявала ў мбцахъ яго.
Ой, бра́цяᵉ мубй, бра́цяᵉ, сьвяты Лазаръ,
Што я цябе, бра́цяᵉ, буду прасиць,
Ци ня мубгъ бы, брацяᵉ, таго ўчыниць:
Памачы, бра́цяᵉ, ме́зяны паляцъ ў Арда́нску воду,
Залей жа на мніе́ пяᵉкельны агубнь,
Штобъ гэтакъ мяне ня палйў,
Душы й ціе́ла гэтакъ ня сма́жыў.—
— Ой, бра́цяᵉ мубй, бра́цяᵉ, силны, багаты,
Радъ бы табіе́, бра́цяᵉ, тояᵉ учынйць,
Да баюся Бога, штобъ ня ўгнявиць,—
Хоць я табіе́, бра́цяᵉ, ўсё мора спущу,
То пяᵉке́льна агню на віе́къ няᵉ ўгашу,
Кӑлй ма́яшъ срэбро-злото, то аткупляйся,
Да Госпада Бога самъ даступайся.—
Няᵉ много силны багачъ у піе́кляᵉ бываў
Ды Госпада Бога—Богамъ называў:
— Ой, Госпадьзи Божа прамиласливы,
Пусьци мяне, Госпадьзи, съ піе́кла на зямлю́,
То я буду на земли́ жывымъ прарокамъ,
Тоя буду прарбкаваць—грыэшнымъ людьямъ прапавѣдаваць,
Нарубдъ грыэшны буду навуча́ць.—
— Нима ў Мяне на зямли́ жывыхъ прарокаў,
Столько ў Мяне на зямли́ письмо святояᵉ.—
Аминъ, аминъ таму слову! Такъ намъ, Божа, дай,
Кали бъ мы пашли усіе́ ў прасвіе́тлы рай.

Записалъ *С. Малевичъ.*

Бурятская сказка о томъ, какъ русскій Ѳомка надулъ двухъ поповъ [1]).

Записана изъ устъ бурята Петхов-Нахувва, въ улусѣ Турапкинскомъ, рода Алагуй, уѣзда Верхоленскаго, Иркутской губерніи).

Однажды въ нѣкоемъ селѣ жилъ бѣдный Ѳомка-мангадъ [2]). Онъ имѣлъ одну кобылу и одного бычка двухлѣтка, да одинъ пустой коробъ на телѣжкѣ да волшебную палочку „һабā" [3]), гладкую, прегладкую.

Какъ-то разъ этотъ Ѳомка-мангадъ настряпалъ двадцать двѣ ковриги, положилъ ихъ въ свой единственный коробъ, запрягъ свою кобылу въ телѣжку и повезъ ковриги за село; попряталъ подъ каждый пень по одной ковригѣ и снѣгомъ засыпалъ: зима была. Вернулся домой. На другой день онъ запрягъ свою кобылу въ телѣжку съ пустымъ коробомъ взявши свою волшебную палочку „һабā" и лопатку деревянную, поѣхалъ на вчерашнее мѣсто... А въ селѣ томъ жили два попа, двое русскихъ ламъ, хорошіе друзья. Они вышли за село и видятъ: подъѣзжаетъ Ѳомка къ одному пню, ударяетъ въ него гладенькой палочкой—и достаетъ изъ подъ пня ковригу, отъ пня къ пню такъ и ходитъ, лопаточкой ковриги подбираетъ, свой коробъ наполняетъ. Удивились два попа, посмотрѣли другъ на друга, подбѣжали къ Ѳомкѣ и стали распрашивать Ѳомку,—чтó онъ дѣлаетъ.

— Да вотъ я хлѣбы собираю: бѣдный человѣкъ. Только благодаря вотъ этой палочкѣ и живъ: она достаетъ мнѣ пропитаніе.

Попы стали умолять Ѳомку, чтобы онъ продалъ имъ свою волшебную палочку. Ѳомка покуражился немного и уступилъ палочку за двѣсти рублей.

Попы отправились домой, каждый запрягъ свою кобылу въ коробъ, и поѣхали къ пнямъ добывать хлѣбы. Ударили палочкой по первому пню, ковырнули лопаткой—нѣтъ хлѣба, попробовали другой пень—нѣтъ хлѣба. Разсердились попы, хватили палочкой посильнѣе, а она сломалась на кусочки. Разозлились два папа на бѣднаго Ѳомку и пошли къ нему требовать отвѣта.

А Ѳомка размѣнялъ двѣсти рублей въ лавочкѣ—на серебро и мѣдь—и разбросалъ монеты по своему двору. А самъ привязалъ на шею мѣшокъ и собираетъ деньги, такъ и наполняетъ мѣшокъ, еле-еле тащитъ. Какъ увидали это попы, такъ и стали отъ удивленья. Начали разспрашивать. А Ѳомка въ отвѣтъ: „да вотъ у меня кобыла. Она—если съѣстъ овса—даритъ серебромъ, если съѣстъ зерна—даритъ мѣдью. Вотъ я и собираю". Приступили попы къ Ѳомкѣ: „продай, пожалуйста, продай кобылу!" А о палочкѣ даже не упомянули. Покуражился Ѳомка, но въ концѣ концовъ уступилъ свою единственную кобылу за триста рублей.

---

1) варіантъ басни „Балан Сенге". Прим. собирателя.

2) „мангад"—значитъ „русскій".

3) „һабā"—гладкая, прямая палка, служащая для выколачиванія шерсти, обозначаетъ долгій звукъ *а*.

Обрадовались попы, побѣжали домой, привязали кобылу къ пряслам, накормили овсомъ, подвѣсѣли мѣшокъ къ хвосту, а сами легли возлѣ, обнявшись вмѣстѣ: это они отъ радости... Такъ и заснули. Поспавши немного, одинъ изъ нихъ пробудился, всталъ по тихоньку, пошарилъ въ мѣшкѣ,—а тамъ одна гуща! Заскрежеталъ попъ отъ досады, но легъ рядомъ съ товарищемъ, не сталъ будить. Притворился спящимъ. Пробудился его товарищъ, тоже всталъ потихоньку, подошелъ къ кобылѣ и пошарилъ въ мѣшкѣ, но, схвативъ одну гущу, разбудилъ спящаго товарища и разсказалъ, какова Ѳомкина кобыла. И товарищъ разсказалъ о своей неудачѣ. Попы озлились уже не на шутку и порѣшили убить Ѳомку. Пошли къ нему.

А Ѳомка, предугадавъ такой случай, закололъ своего бычка-двухлѣтка, налилъ крови въ желудокъ (сычугъ), а желудокъ съ кровью положилъ за пазуху своей жены. Потомъ разукрасилъ кнутикъ и ножъ, большой и широкій, и повѣсилъ ихъ на стѣну, словно бурхановъ. Пришли попы. — „А-га! попался теперь, Ѳомка!“ — говорятъ они: „насъ два раза обманулъ, а третій разъ ужъ не обманешь! Убьемъ тебя, мошенника!“... А Ѳомка какъ крикнетъ на нихъ: „Ахъ, вы! попы этакіе! сами не сумѣли, да меня обвинять!“—разобидѣлся Ѳомка, да какъ вскочитъ, да схватитъ ножъ со стѣны—и пырнулъ свою жену прямо въ сердце. Та растянулась и, обливаясь кровью, умерла.

Попы перетрусили, стоятъ ни живы ни мертвы, не шевелятся вовсе. Но опомнился Ѳомка, схватилъ со стѣны кнутикъ, ударилъ жену нѣсколько разъ. Она встала, какъ ни въ чемъ не бывало. Попы удивились такому чуду, у нихъ и злость вся прошла.

Пристали они къ Ѳомкѣ: „какъ же ты воскресилъ свою жену? скажи, скажи!“... Ѳомка отвѣчалъ сердито: „Изъ-за васъ чуть не убилъ своей жены. Я ужасно сердитъ: я въ пылу гнѣва убиваю свою жену по три раза въ день... Если бы у меня не этотъ кнутикъ, я давно былъ бы безъ жены“!

— Ну, Ѳомка, не сердись, голубчикъ; продай намъ свой кнутикъ. Забудь прошлое,—говорятъ попы.

— „Да, какъ бы не такъ! я вамъ все продалъ! этотъ кнутикъ мое послѣднее богатство. Не продамъ его ни за что!“—отвѣчалъ Ѳомка.

Но попы настояли на своемъ и купили кнутикъ за триста рублей. Побѣжали они къ себѣ. Одинъ пырнулъ жену другого въ брюхо, и побѣжалъ домой,—прокричавъ товарищу: „воскреси свою да прійди ко мнѣ поскорѣе. А я бѣгу колоть свою жену!“ Пострадавшій товарищъ приступилъ къ воскрешенію своей жены: бьетъ волшебнымъ кнутикомъ и такъ, и сякъ, но попадья и не думаетъ встать; она даже не шевельнулась. Побѣжалъ попъ за товарищемъ, а тотъ уже закололъ свою супругу и ждетъ его. Попробовали воскресить эту, но ничего не вышло.

Попы уже взбѣсились, побѣжали къ Ѳомкѣ, поклявшись убить его, не входя ни въ какіе переговоры.

А Ѳомка предупредилъ ихъ: вырылъ въ сторонѣ яму, велѣлъ въ нее зарыть себя, да сверху оставилъ щель, а въ рукахъ держитъ желѣзный крюкъ. Пришли два разъяренные попа въ домъ Ѳомки, и спросили: гдѣ Ѳомка?! Но жена отвѣтила, что Ѳомка уже умеръ и похороненъ; и могилу показала.

— Вотъ только-то! но осквернимъ могилу злодѣя! — сказали попы и пошли туда, гдѣ Ѳомка лежалъ. Одинъ попъ спустилъ штаны и сѣлъ на самую щель, а Ѳомка хвать попа крюкомъ: попъ вскочилъ, какъ мячъ, но промолчалъ. Сѣлъ его товарищъ, и съ нимъ случилось тоже самое.

— Чтожъ ты не сказалъ мнѣ?—говоритъ второй попъ.

— Да я хотѣлъ, чтобъ мы были одинаковы,—былъ отвѣтъ.

Но попы не отступились, они раскопали яму, вытащили Ѳомку, связали его калачикомъ и потащили въ прорубь: утопить хотѣли. Но прорубь—оказалось — замерзла, а прорубить нечѣмъ; надо итти за пѣшней.

Никто изъ поповъ не соглашается итти одинъ. Оставили Ѳомку и пошли вдвоемъ за пѣшней.

Въ это время подъѣхалъ къ проруби табунщикъ Хартаганâн Хâн'а поить восемь вороныхъ лошадей. Прорубилъ онъ своей пѣшнею прорубь и сталъ поить лошадей. Ѳомка сталъ просить табунщика, чтобъ онъ его развязалъ. Табунщикъ развязалъ Ѳомку.

Тогда Ѳомка схватилъ избавителя, связалъ его калачикомъ, руки и ноги скрутилъ и оставилъ, сказавъ ему: „не бойся, когда прійдутъ попы, ты скажи имъ: я не Ѳомка, а другой,—и разскажи имъ всю исторію; тогда они тебя отпустятъ". А самъ Ѳомка сѣлъ на коня табунщика царя Хартаганâн и увелъ восемь вороныхъ лошадей.

Пришли попы и, не обращая никакого вниманія на всѣ увѣренія и крики табунщика, спустили его въ прорубь. Несчастный пофыркалъ и скрылся подъ льдомъ.

Вернулись попы домой и разговариваютъ между собою, какъ Ѳомку ловко утопили, и чаюютъ [1]) за столомъ. Вдругъ слышатъ: на дворѣ кто-то кричитъ. Посмотрѣли въ окно —самъ Ѳомка, сидитъ на чудо-конѣ, да за собой ведетъ восемь вороныхъ.

— Какъ же ты это изъ подъ воды-то?!—спрашиваютъ попы въ удивленіи.

— Да очень просто. Подъ водой у Водяного царя [2]) лошадей безъ счету. Къ сожалѣнію, у меня не хватило уздъ: сколько хватило веревки, которою вы связали меня,— столько и изловилъ лошадей, и вышелъ съ ними изъ воды.

Позарились попы на такое даровое богатство, стали просить Ѳомку связать ихъ и спустить въ прорубь. Ѳомка поворчалъ за безпокойство, но согласился.

Поѣхали на прорубь, Ѳомка связалъ каждаго попа калачикомъ и бросилъ сперва одного въ прорубь. Тотъ сталъ бурлить, захлебываться, махать руками, и исчезъ подъ льдомъ. Второй попъ, видя, какъ его товарищъ возился съ лошадьми и какъ тпрукаетъ, — заторопился, дабы побольше лошадей поимать, и самъ скатился въ прорубь.

Такъ погибли два русскихъ попа. Ѳомка вернулся домой и зажилъ богато

Ц. Ж. Шараид.

---

[1]) Пьютъ чай.
[2]) Лусуд хан.

ЧАЧАХАН.

Якутская дѣтская сказка

Предлагаемая сказка записана въ переводѣ на русскій языкъ (безъ якутскаго текста), судя по почерку и стертой кѣмъ то подписи, инородцемъ Дюпсюнскаго улуса Якутскаго округа, якутомъ Иннокентіемъ Степановичемъ *Говоровымъ*, еще 4 ноября 1890 г., какъ это помѣчено имъ самимъ. По словамъ г. Говорова, „эта сказка—самая извѣстная въ средѣ якутовъ: нѣтъ того якута, который бы ея не зналъ". Варіантъ настоящей сказки помѣщенъ подъ заглавіемъ „Чарчаханъ" въ извѣстномъ „Верхоянскомъ Сборникѣ" *И. А. Хýдякова* (Иркутскъ. 1890, стр. 234—239). Оригиналъ попалъ ко мнѣ въ числѣ другого фольклорнаго матеріала, который грамотные инородцы охотно предоставляли въ мое распоряженіе какъ члена Якутской Экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова и дѣйствовавшей три года (1894—1896 гг.). Приводя здѣсь записанную г. Говоровымъ сказку безъ всякихъ измѣненій, я долженъ оговориться, что мною сдѣланы нѣкоторыя исправленія лишь со стороны слога.

Эд. Пекарскій.

Въ которомъ-то году—давно минувшемъ, на какомъ-то мѣстѣ—забытомъ, жилъ-былъ, говорятъ, *Чачахан* съ женою *Чабычахан*. У нихъ было семеро дѣтей: четыре сына и три дочери. Ихъ звали: одного—Соломенная Ножка, другого—Длинное Бедро, третьяго—Листва Грудь, четвертаго — Пузыреголовъ; старшую дочь звали — Длинная Коса, другую—Нѣжная Глотка и третью—Жирная Пахà [1]). У Чачахан'а былъ пѣгій быкъ — „непомѣщающійся въ елани" [2]). Въ одну прекрасную осень *Чачахан* порѣшилъ всей семьей зарѣзать этого быка. Всякій знаетъ, какое это важное событіе въ семьѣ... И вотъ семья *Чачахан*'а встрепенулась, и пошла бѣготня по всей

[1]) Было бы вѣрнѣе сказать „Жирный Пахъ", но я оставляю безъ измѣненія стоящее въ оригиналѣ „Жирная Паха" въ виду наличности въ западномъ (смоленскомъ) нарѣчіи русскаго языка слова *пахá*=мышка, подмышка (Даль, I, 19, 1-ое изд.).

[2]) Для сравненія позволяю себѣ привести здѣсь начало сказки, какъ оно записано Худяковымъ: „Есть, говорятъ, *Чарчахан*; у него человѣкъ Волосяное Горло, да человѣкъ Древесно-листковая Грудь, да Вонючій Бокъ, да Пузырь Голова. И имѣетъ онъ вшиваго быка, достигающаго до облака, блеклаго быка, достигающаго дó-неба; а сосѣдями у него три Ѣдуна (*Маныс*)!" Далѣе въ сказкѣ Худякова фигурируютъ еще „люди": человѣкъ Травяная Нога, соотвѣтствующій Соломенной Ножкѣ нашего варіанта, и человѣкъ Травяные Штаны, аналога которому въ нашей сказкѣ нѣтъ.

юртѣ. Соломенная Ножка бѣгомъ пошелъ доставать воды изъ озера для предстоящаго случая — убоя быка. Придя къ озеру, онъ прорубилъ ледъ, начерпалъ въ берестяныя ведра воды, поставилъ ихъ на льду, а самъ пошелъ скакать по льду: первый пушистый снѣгъ на гладкой поверхности льда манилъ его своею прелестью, а предстоящее радостное событіе еще болѣе подстрекало къ тому... Наскакавшись вдоволь, Соломенная Ножка подошелъ къ ведрамъ, хотѣлъ поднять ихъ, но ведра примерзли. Онъ дернулъ ведра изо всей силы и — сломалъ руки, хватилъ ногами — переломилъ ноги, бацъ головою и — растянулся. Домашніе, не дождавшись его, послали за нимъ Длинную Косу, а она, въ поискахъ брата, забрела въ рощу, зацѣпилась тамъ за деревья косою и — умерла. Ихъ едва нашли остальныя дѣти и принесли домой уже мертвыхъ...

Чачахан не смутился этимъ — рѣжетъ быка. Начали быка потрошить. Тогда Нѣжная Глотка и Жирная Паха, доставъ жиру-рубашки, изжарили на рожнахъ у камелька и обожглись до-смерти горячимъ жиромъ. *Чачахан* велѣлъ дочерей убрать на лавку, а самъ продолжаетъ потрошить быка и даетъ женѣ *Чабычахан* желудокъ (книгу) — вынести на дворъ и вытрясти. *Чабычахан*, собравъ всѣ свои силы, поднимаетъ и, подойдя къ порогу юрты, падаетъ, а желудокъ своею тяжестью раздавливаетъ ее до-смерти. *Чачахан* велѣлъ присоединить жену къ дѣтямъ, а мясо быка вынести въ амбаръ. Тогда сыновья *Чачахан*'а стали поднимать мясо быка: Длинное Бедро беретъ стегно, а Листва Грудь—грудину, пыхтя и кряхтя несутъ... У порога — лужа бычьей крови и пролитой воды... Они падаютъ и ушибаются до-смерти. Тогда Пузыреголовъ съ горя сталъ отчаянно царапать себѣ голову и острыми ногтями процарапалъ свой черепъ до того, что тутъ же умеръ.

Чачахан остался одинокимъ. Сталъ онъ думать, какъ быть, куда покойниковъ дѣвать. Вотъ онъ, наконецъ, додумался. По сосѣдству съ нимъ, въ дремучихъ лѣсахъ, жили три брата *Моїус*'ы [1]),—авось они ему помогутъ... Идетъ *Чачахан* къ старшему *Моїус*'у и, разсказавъ о случившемся, говоритъ:

— Дѣдушка, иди ко мнѣ покушать!

— Я не могу итти — гнуситъ *Моїус*. У меня животъ давно изсохъ. Ступай къ среднему брату *Моїус*'у.

Чачахан приходитъ къ среднему *Моїус*'у, разсказываетъ про случившееся и говоритъ:

— Дѣдушка, иди ко мнѣ покушать!

— Я не могу итти, у меня желудокъ изсохъ... Ступай къ младшему брату!—прогнусилъ *Моїус*.

Чачахан идетъ къ младшему *Моїус*'у, разсказываетъ все о томъ же и говоритъ:

— Дѣдушка, иди ко мнѣ покушать!

Моїус отвѣчаетъ:

— Ладно, *Чачахан*, пойду!

Моїус былъ роста исполинскаго, на видъ страшный, какъ уголь

---

1) *Моїус (мотус)* = *маїыс (маныс)* значитъ по-якутски обжорливый, ненасытный, ѣдунъ, обжора.

черный... У него были: жена, девять плѣшивыхъ мальчиковъ-сыновей и девять плѣшивыхъ дочерей. *Моїус* говоритъ женѣ:

— Подавай, жена, мою одежду!

А жена ему изъ сырого подвала выбрасываетъ: шаровары, сшитые изъ тридцати воловьихъ черевинъ, торбаса—изъ тридцати воловьихъ заднихъ лапъ (ножныхъ шкурокъ), рукавицы—изъ тридцати переднихъ лапъ, поясъ—изъ тридцати воловьихъ хвостовъ, шапку—изъ тридцати воловьихъ головныхъ шкуръ и шубу—изъ тридцати воловьихъ шкуръ. *Моїус* принарядился въ эту одежду, взялъ свою неразлучную сумку и пошелъ съ *Чачахан*'омъ.

Приходятъ они къ *Чачахан*'у. *Моїус* сперва убралъ покойниковъ, потомъ убитаго быка, затѣмъ проглотилъ сколько было скота—пять дойныхъ коровъ, пять телокъ, пять телятъ—и пищи—пять ушатовъ гнилой рыбы [1]), пять ушатовъ кислаго молока, пять ушатовъ травы и кореньевъ и пять ушатовъ лиственничной заболони. Послѣ того, обратившись къ *Чачахан*'у, и говоритъ:

— Парень, еще нѣтъ ли у тебя чего?

— Дѣдушка, даже ни куска, ни капельки не осталось!—едва могъ выговорить *Чачахан*.

— Ахъ, ты, бездѣльникъ! — прогремѣлъ *Моїус*. По такимъ то пустякамъ ты меня безпокоилъ?! .. А что я унесу домой женѣ и дѣткамъ въ гостинцы?

И кинулся на *Чачахан*'а. Тотъ, давай Богъ ноги, бѣжать прочь отъ него, кругомъ комелька, а *Моїус* за нимъ. Обошли они комелекъ нѣсколько разъ да у *Чачахан*'а, на бѣду, развязались ремни у торбасовъ [2]): запутавшись, онъ упалъ, а *Моїус* цапъ *Чачахан*'а въ сумку.

Чачахан не шевелится и не дышитъ, лежитъ въ сумкѣ, а *Моїус* идетъ себѣ домой. Вдругъ—о счастье!—*Чачахан* нащупалъ у себя за голенищами ножъ — благо, что онъ самъ такъ возился съ быкомъ—досталъ ножъ и, прорѣзавъ сумку, тихо упалъ и скатился, какъ жукъ, подъ валежину...

Моїус, прійдя домой, сумку оставилъ въ сѣняхъ. Войдя въ домъ говоритъ женѣ и дѣтямъ:

— У бѣдняка *Чачахан*'а ничего не было... Только его самого цѣликомъ принесъ для васъ.

Жена его что-то вышивала. При этихъ словахъ она ахнула отъ радости, проглотила иголку и наперстокъ, выбѣжала на дворъ, заглянула въ пустую сумку, воротилась въ избу и, дрожа какъ осиновый листъ, объявила мужу, что въ сумкѣ ничего нѣтъ. *Моїус* вскипѣлъ, топнулъ ногой, ругательски обругалъ жену, говоря:

— Ты сама одна съѣла!—и, выхвативъ свой мечъ, разрубилъ ее пополамъ. При этомъ изъ нея выпали (только) иголка и напер-

---

[1]) Мелкую рыбу *мунду* (Phoxinus perenurus, наз. въ Якутской области по-русски *мундушка*) якуты квасятъ въ ушатахъ, гдѣ она пріобрѣтаетъ противный гнилостный запахъ отъ разложенія; такая рыба называется по-якутски *сыма* (ср. у *Маака*, *Приклонскаго* и *Шиманскаго*).

[2]) *Торбасы*, *торбаса* (по-якут. *ăтăрбăс*)—обувь верхняя, мужская и женская, зимняя и лѣтняя, кожаная.

стокъ и, ударившись о желѣзный полъ, зазвенѣли. *Моїус* заомерячилъ [1]):

— *О, бабат* [2])!—и истопталъ ее.

Затѣмъ *Моїус*, увидавъ, что *Чачахан* убѣжалъ отъ него, пошелъ и даже шагу лишняго не сдѣлалъ—притащилъ его домой и приготовился дѣлить между дѣтьми.

— Дѣдушка!—говоритъ *Чачахан*.—Во мнѣ теперь нѣтъ ни жиру, ни мяса—однѣ кости да кожа... Повремени немножко, я пожирѣю, а теперь ребятамъ нечего будетъ и поѣсть.

— И то правда!—прогнусилъ *Моїус* гробовымъ голосомъ и, связавъ, поставилъ *Чачахан*'а на грядкахъ [3]), а самъ пошелъ песокъ толочь [4]).

Чачахан лежитъ связанный на грядкахъ, слезы и слюни текутъ у него обильно... *Моїус*'овы дѣти подходятъ и говорятъ:

— Ай, ай! У *Чачахан*'а течетъ уже жиръ!

И отнимаются [5]), кому стать поближе къ нему. Тогда *Чачахан* говоритъ:

— Ой, вы, милые ребятушки! Я вамъ надѣлаю невиданныхъ игрушекъ—спустите меня!

Ребятамъ, хоть какимъ, дороже игрушекъ нѣтъ ничего, и *Моїус*'овы дѣти спустили *Чачахан*'а. Тотъ имъ говоритъ:

— Друзья! У меня нѣтъ ножа. Дайте отцовскій мечъ!

Ребята даютъ ему длинный мечъ. *Чачахан* сдѣлалъ изъ дерева узорчатую ложечку и говоритъ дѣтямъ:

— Ребята! Рядышкомъ садитесь: я самому красивому изъ васъ дамъ мою ложечку.

Девять плѣшивыхъ сыновей и девять плѣшивыхъ дочерей, *Моїус*'овы исчадія, садятся рядышкомъ. *Чачахан* хватилъ по ихъ шеямъ длиннымъ острымъ мечемъ и отрубилъ всѣмъ головы. Головы дѣтей, собравъ, завернулъ въ одѣяло, а самихъ сварилъ въ горшкахъ.

Затѣмъ *Чачахан* вырылъ подъ крѣпкими стѣнами *Моїус*'ова жилища проходную норку и притаился.

Входитъ въ домъ *Моїус*, пыхтя и кряхтя. Озирается кругомъ: дѣти спятъ, горшки варятся... *Моїус*, ухмыляясь, говоритъ:

---

1) „Омерячить" (=якут. *ӧмюр*)—слово употребительное въ литературѣ (см. „Герои и толпа" *Н. К. Михайловскаго*), произведенное отъ слова омерякъ (=якут. *ӧмурӓх*)—человѣкъ, подверженный нервной болѣзни chorea imitatoria, „при которой онъ, будучи приведенъ въ испугъ какимъ нибудь внезапнымъ крикомъ, звукомъ, даже быстрымъ движеніемъ руками, начинаетъ кривляться и подражать всѣмъ движеніямъ находящихся передъ его глазами людей и животныхъ, хотя бы эти движенія были неприличны, и повторяетъ слова даже скабрезнаго содержанія" (*Приклонскій* и *Маакъ*).

2) При неожиданномъ стукѣ *ӧмурӓх* всегда непроизвольно вскрикиваетъ: *бабат*! ой! охъ!

3) Рѣшетчатая полка подъ потолкомъ, называемая у якутовъ *ырӓкка* (рус. *грядка*)=*кырӓда* (рус. *гряда*), а также *чӱс мас*.

4) Въ оригиналѣ: „а самъ пошелъ песку толочь"—выраженіе непонятное; у *Худякова* (стр. 237) въ этомъ мѣстѣ сказки *Чарчахан* говоритъ: „Ужо, принесу я на спинѣ сухой мелкой (какъ песокъ) рыбы".

5) Буквальной переводъ якутскаго слова *быјас*=отнимать другъ у друга. „Отниматься"—общеупотребительное у якутянъ-русскихъ слово.

— Орлята мои успѣли уже *Чачахан*'а спотрошить!

И, подойдя къ горшкамъ, пьетъ супъ, фыркаетъ:

— Фи, родною кровью отзывается... Ужъ какая мнѣ родня *Чачахан*!...

Затѣмъ, *Моїус*, подойдя къ лавкѣ дѣтей, сдернулъ одѣяло, а изъ-подъ него съ шумомъ скатились плѣшивыя головы дѣтей и разбились о желѣзный полъ. *Моїус* заомерячилъ: *„о, бабат“*!... и истопталъ ихъ. Онъ догадался, что это пакости *Чачахан*'а и давай звать его:

— *Чачахан*! *Чачахан*!..

Чачахан на дворѣ откликается:

— *Опп*!...

Моїус выскакиваетъ и кричитъ:

— *Чачахан*! *Чачахан*!..

А тотъ въ избѣ:

— *Опп*!...

Моїус—въ избу, а *Чачахан*, черезъ норку,—на дворъ!

Моїус, промаявшись такъ довольно долго, едва нашелъ норку *Чачахан*'а; полѣзъ онъ по ней, да тамъ и застрялъ... *Моїус* кряхтитъ и пыхтитъ—ни туда, ни сюда...

Тѣмъ временемъ *Чачахан* поползъ за нимъ, пронзилъ его мечемъ, убилъ. Тутъ прилетѣла пташечка и чирикаетъ:

— Мизинчикъ, мизинчикъ!

Тогда *Чачахан* разрѣзалъ у *Моїус'а* лѣвый мизинецъ, а оттуда вышли живы и здоровы вся его семья, скотъ и даже пища!

Вотъ *Чачахан* сталъ жить да поживать и другого такого случая съ нимъ до самой его смерти не было. Конецъ.

Э. П.

Спб.
28 января
1906 г.

ОТДѢЛЪ III.

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины“ (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензіи“), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи.

Научные труды А. А. Спицына.

(По поводу 25-лѣтія его научной дѣятельности).

Мы ничуть не принадлежимъ къ числу любителей ученыхъ юбилеевъ, многочисленность и пышность которыхъ служитъ иной разъ только рѣзкою антитезою убогой бѣдности нашей, русской, науки. Если научная дѣятельность ученаго протекла въ центрахъ, на виду у всѣхъ, а рядъ многочисленныхъ учениковъ юбиляра принадлежитъ къ числу присяжныхъ ученыхъ, то въ такомъ случаѣ, по нашему крайнему разумѣнію, празднованіе юбилеевъ—роскошь. Тутъ нѣтъ особенной надобности подводить итоги, когда они и безъ того ясны [1]).

Другое совсѣмъ дѣло, когда рѣчь идетъ объ ученомъ, такъ сказать, провинціальномъ, если не всѣ, то добрая половина трудовъ котораго напечатана въ малодоступныхъ провинціальныхъ изданіяхъ, въ различныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Памятныхъ книжкахъ“, изданіяхъ, которыя часто совсѣмъ игнорируются нашими присяжными учеными. Въ такомъ случаѣ подвести итоги, хотя бы только библіографическіе, всегда и всегда кстати.

Такъ разсуждая, мы и намѣрены сдѣлать библіографическій

---

[1]) *Безъ того* ясны—для спеціалистовъ, а не для образованной публики и даже не для ученыхъ другихъ спеціальностей. При такой точкѣ зрѣнія, всѣ труды о великихъ писателяхъ, художникахъ, ученыхъ и вообще крупныхъ историческихъ дѣятеляхъ должны считаться безполезными, излишнею роскошью, и нужно-де *только* изучать прошлое однихъ дѣятелей, мало извѣстныхъ современникамъ. *Ред.*

обзоръ трудовъ А. А. Спицына, воспользовавшись, въ качествѣ предлога, 25-лѣтнимъ „юбилеемъ“ его научной дѣятельности, „юбилеемъ“, конечно никѣмъ не замѣченнымъ, а менѣе всего, вѣроятно, самимъ „юбиляромъ“.

Научные труды *Александра Андреевича Спицына* можно подраздѣлить на два большихъ отдѣла. Одни относятся къ вятскому краю и напечатаны въ мѣстныхъ, вятскихъ, изданіяхъ. Другіе касаются археологіи самыхъ различныхъ мѣстностей Россіи и напечатаны въ спеціальныхъ археологическихъ изданіяхъ, главнымъ образомъ въ „Запискахъ Русскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества“. На первыхъ, какъ менѣе доступныхъ и менѣе извѣстныхъ, мы остановимся подробнѣе.

Въ № 69-мъ (отъ 27 августа) „Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ 1880 г. напечатана была, за подписью: „Студентъ А. Спицынъ“, статья подъ заглавіемъ: „По поводу доказательствъ о новгородскомъ происхожденіи вятчанъ“. Это, насколько намъ извѣстно, первый печатный трудъ А. А. Спицына. Статья эта заслуживаетъ особаго вниманія въ виду того, что здѣсь было впервые высказано сомнѣніе въ исторической достовѣрности вятскаго лѣтописца, которому вполнѣ довѣряли Карамзинъ, Костомаровъ и другіе наши ученые историки. Честь критики этого лѣтописца приписывается обычно А. С. Верещагину, но трудъ послѣдняго относится къ 1887 г. (Календарь Вятской губ. на 1888 г.), т. е. на 7 лѣтъ позднѣе статьи А. Спицына. Кромѣ того, въ статьѣ А. А. Спицына вопросъ ставится шире: не только выражено сомнѣніе въ достовѣрности лѣтописца, но также и сомнѣніе въ общепринятомъ мнѣніи о новгородскомъ происхожденіи вятчанъ, чего совсѣмъ не касается А. С. Верещагинъ. Этотъ послѣдній вопросъ о прародинѣ вятчанъ до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ, однако рѣшеніе его все болѣе и болѣе назрѣваетъ, и именно въ смыслѣ, высказанномъ А. Спицынымъ: на Вяткѣ преобладала не новгородская колонизація, а владимірская.

Вслѣдъ затѣмъ въ „Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатанъ цѣлый рядъ (до 50) статей А. А. Спицына, относящихся до археологіи, исторіи и этнографіи вятскаго края. Назовемъ лишь нѣкоторыя изъ нихъ: 1) Краткій очеркъ кустарной промышленности Вятской губ. (В. Г. В. 1890 г. №№ 39—52); 2) Преданія о разбойникахъ и кладахъ въ Зюздинскомъ краѣ (1890 г. № 3); 3) Какъ вотяки представляли себѣ бога грома (1886 г. № 80); 4) Чудскія древности въ Зюздинскомъ краѣ

(1889 г. №№ 60—62); 5) Археологическія находки (рядъ замѣтокъ за разные годы); 6) Когда явилось русское населеніе на Вяткѣ и были-ли вятчане независимы? (1882 г. № 85); 7) Первый трудъ по исторіи Вятскаго края (1888 г. №№ 83—87); 8) Присоединеніе Вятки къ Московскому государству (1889 г. № 71); 9) Воеводы на Вяткѣ въ началѣ XVII в. (1889 г. №№ 101—103); 10) Исторія рода Рязанцевыхъ (1884 г. №№ 53—55); 11) Древніе акты изъ архивовъ мѣстныхъ церквей (за разные годы).

Полный перечень статей А. А. Спицына можно найти въ составленномъ имъ-же „Систематическомъ указателѣ статей мѣстнаго отдѣла неоффиціальной части Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“—(см. алфавитъ авторовъ). Указатель этотъ напечатанъ въ „Календарѣ Вятской губ.“ на 1891 и 1892 годы. Въ томъ-же „Календарѣ“ напечатанъ и рядъ (болѣе 20) другихъ крупныхъ трудовъ нашего автора. Назовемъ изъ нихъ болѣе интересные для этнографа: 1) Каталогъ древностей Вятскаго края (календарь на 1882 г.), съ дополненіемъ къ нему (1885 г.). Этотъ „каталогъ“ является кандидатскою диссертаціею автора; въ немъ описаны всѣ городища, инородческія пепелища, побоища, старыя дороги, древнія церкви, часовни и иконы, и т. п., черемисская святыня „Камень чимбулатъ“ и т. д.; 2) Вятская старина(1885 г.); здѣсь, между прочимъ, описаны старинныя суевѣрія вятчанъ (почитаніе воды и троецыплятница); 3) Постройка старинныхъ вятскихъ деревянныхъ церквей (1892 г.); 4) Вотчины Успенскаго Трифонова монастыря (1886 г.); 5) Земля и люди на Вяткѣ въ XVII столѣтіи (1887 г.); 6) Къ исторіи вятскихъ инородцевъ (1889 г.), и др.

Хотя большая часть трудовъ А. А. Спицына посвящена археологіи и исторіи, но они, какъ можно видѣть уже изъ однихъ заглавій ихъ, далеко небезынтересны и для этнографа. Это послѣднее еще съ бо́льшимъ правомъ можно сказать о другой группѣ трудовъ нашего автора, напечатанныхъ въ спеціальныхъ археологическихъ изданіяхъ. Вопросы древнѣйшей колонизаціи Россіи—излюбленные вопросы А. А. Спицына, а вопросы эти одинаково относятся какъ къ археологіи, такъ и къ этнографіи. Для иллюстраціи, мы приведемъ нѣсколько общихъ выводовъ изъ различныхъ археологическихъ статей нашего автора.

„Имѣющимися археологическими данными намѣчается положеніе, что въ основѣ великорусской народности лежитъ великое *кривическое* племя, единое, несмотря на нѣкоторыя мѣстныя

отличія, съ которыми въ Московскій періодъ слились *вятичи*; примѣсь финской крови къ великорусской, по всей видимости, незначительна" (Къ исторіи заселенія верхняго Поволжья русскими. Изъ трудовъ Тверского Областного Археологическаго Съѣзда. Тверь 1905. стр. 8).

„Въ X вѣкѣ *Ростовская область* была заселена значительными массами смоленскихъ кривичей, занимавшихъ не только Ростовъ, но также Ярославль, Суздаль, Юрьевъ и Переяславль. Въ XI—XII в. этотъ край, кромѣ естественнаго прироста населенія, усиливается ассимиляціей инородцевъ и новымъ притокомъ населенія, главнымъ образомъ изъ области тѣхъ же кривичей, какъ смоленскихъ, такъ и двинскихъ. Изъ остальныхъ русскихъ племенъ вятичи, радимичи и сѣверяне не имѣли никакого отношенія къ Владимірской области; поляне, древляне, дреговичи если и высылали на сѣверъ избытокъ населенія, то въ очень ограниченномъ количествѣ; колонизація со стороны Новгорода если и была, то нѣтъ никакихъ основаній считать ее сколько-нибудь значительною. Въ XI—XII в. Ростово-Суздальская область имѣетъ, быть можетъ, довольно пестрое населеніе, но преобладаютъ въ немъ самымъ рѣшительнымъ образомъ кривичи (да и сами новгородцы—въ сущности тѣ-же кривичи). Слѣдующіе вѣка Владимірской области пока скрыты отъ глазъ археолога". (Владимірскіе курганы. стр. 90).

Отмѣтимъ еще объясненіе, которое эпизодически даетъ нашъ археологъ сказочной избушкѣ на курьихъ ножкахъ, въ которой живетъ сжигающая людей Баба Яга. А. А. Спицынъ предполагаетъ, что отмѣченный у Нестора древнѣйшій русскій обрядъ погребенія „на столбѣхъ на путѣхъ" есть не что иное, какъ погребеніе въ небольшихъ домикахъ или домовищахъ, поставленныхъ на сваяхъ, и высказываетъ предположеніе, что отъ такого именно домика и ведетъ свое начало „избушка на курьихъ ножкахъ". (Удлиненные и длинные русскіе курганы, стр. 7).

По принятому обычаю, мы должны были бы еще изложить главныя черты біографіи юбиляра, но, къ сожалѣнію, лишены возможности сдѣлать это, такъ какъ въ энциклопедическихъ словаряхъ имени его не нашли. Можемъ лишь указать, что А. А. Спицынъ—уроженецъ Вятской губерніи, питомецъ Вятской классической гимназіи и Петербургскаго университета; въ послѣднемъ А. А. Спицынъ слушалъ лекціи извѣстнаго историка Бестужева-Рюмина.

Д. Зеленинъ.

Русскій Филологическій Вѣстникъ Учено-педагогическій журналъ, издаваемый подъ редакціей проф. Е. Ѳ. Карскаго LIII т. (1905 г.), 8⁰, 358 стр.

Съ нынѣшняго года этотъ журналъ выходитъ подъ новой редакціей проф. Варшавскаго университета Е. Ѳ. Карскаго. Его прежній кормчій, недавно скончавшійся проф. А. И. Смирновъ, точно предчувствуя свою близкую смерть, во-время передалъ ему журналъ, который съ рѣдкимъ безкорыстіемъ, упорствомъ и настойчивостью онъ издавалъ втеченіи 25 лѣтъ, вокругъ котораго онъ съумѣлъ сплотить русскія и многія иностранныя ученыя силы и который завоевалъ себѣ почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ. Такого успѣха покойный А. И. Смирновъ могъ достигнуть благодаря своей терпимости къ научнымъ мнѣніямъ и благожелательности ко всѣмъ и каждому и въ особенности благодаря программѣ своего журнала, которая была гораздо шире его заглавія: не только статьи по русской филологіи, но и работы по славистикѣ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова всегда находили въ журналѣ самый радушный пріютъ.

Новый редакторъ журнала, одинъ изъ заслуженнѣйшихъ русскихъ филологовъ, проф. Е. Ѳ. Карскій успѣлъ ввести рядъ внѣшнихъ улучшеній уже въ первомъ томѣ новой серіи „Р. Ф. В.“: увеличенъ форматъ изданія, улучшена бумага и шрифтъ, для редакцій и библіографическихъ замѣтокъ систематически употребляется только мелкій шрифтъ. Желательно было бы также, чтобы редакторъ ввелъ въ журналъ новые отдѣлы „Мелкихъ сообщеній“ и „Научной хроники“. Кромѣ того, было бы въ высшей степени отрадно видѣть участіе польскихъ ученыхъ въ „Р. Ф. В.“ и вообще болѣе частое появленіе статей изъ области „Polonica“.

Въ LIII т. „Р. Ф. В.“ непосредственное отношеніе къ славистикѣ, кромѣ многочисленныхъ рецензій на славянскія книги, имѣютъ только „Замѣтки по славянскимъ древностямъ“ А. Л. Погодина. Авторъ полемизируетъ здѣсь съ мнѣніемъ проф. Нидерле (въ „Славянскихъ древностяхъ“), будто подъ именемъ скиѳовъ Геродотъ разумѣлъ не одну опредѣленную народность, а цѣлый рядъ варварскихъ народовъ, этнографически неродственныхъ другъ другу.

Г. Ильинскій.

Ежегодникъ Русскаго Антропологическаго Общества при Имп. Спб-скомъ Университетѣ, издаваемый подъ редакціей секретаря общества Б. Ф. Адлеръ. Т. I. Спб. 1905 г.

Русское Антропологическое Общество съ 1904 г. приступило къ изданію своихъ трудовъ въ видѣ „Ежегодника“. Лежащая передъ нами первая книжка „Ежегодника“ за 1904 г., составленная изъ разныхъ статей и замѣтокъ: Коропчевскаго, Клеменца, Могилянскаго, Чепурковскаго, Бодуэнъ-де-Куртенэ, Штернберга, Адлера, Бялынецкаго-Бирули, Руссова, Ларіонова и др., не носитъ исключительно характера соматической антропологіи; здѣсь помѣщены также статьи по фольклору и работы этнологическаго и этнографическаго характера. Главной работой сборника является магистерская дис-

сертація покойнаго предсѣдателя Общества, приватъ-доцента Спб. университета, Д. А. Коропчевскаго. Къ сожалѣнію, покойный ученый не успѣлъ вполнѣ закончить свою цѣнную работу,—диссертація, занимающая 1—255 стр., доведена только до 9-го листа, вторая часть напечатана безъ окончательной отдѣлки и переработки согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что выпущенный антропологическимъ обществомъ первый сборникъ встрѣтитъ поддержку и симпатію всѣхъ интересующихся антропологіей и этнографіей и вызоветъ самыя лучшія пожеланія.

Въ „Ежегодникѣ“ между прочимъ помѣщено: „Значеніе „географическихъ“ провинцій въ этногенетическомъ процессѣ“ Д. А. Коропчевскаго; „Д. А. Коропчевскій“ (Некрологъ) Д. А. Клеменца; „Научные взгляды Д. А. Коропчевскаго“. Н. М. Могилянскаго; „Къ вопросу о наслѣдованіи и варіаціи у различныхъ антропологическихъ типовъ“ Е. М. Чепурковскаго; „Объ одной изъ сторонъ постепеннаго человѣченія языка въ области произношенія въ связи съ антропологіей“ проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ; „Культъ Инау у племени Айну“ Л. Я. Штернберга; „Фридрихъ Ратцель“ (некрологъ) Б. Ф. Адлера; „Головной указатель славянъ“ д-ра Бялынецкаго-Бирули“; „Изъ Карпатскихъ долинъ“ М. И. Руссова; „Зырянская и русская свадьба въ Обдорскѣ“ М. Ларіонова.

Ив. Абрамовъ.

Изборникъ Кіевскій, посвященный Т. Д. Флоринскому. Кіевъ, 1905, IV + 118 + 356.

Въ русской академической жизни все болѣе и болѣе упрочивается обычай ознаменовывать юбилеи наиболѣе выдающихся дѣятелей науки особыми посвященными ихъ имени сборниками. Наглядно показывая кругъ и степень духовнаго вліянія чествуемаго лица, доказывая наиболѣе неопровержимымъ образомъ торжество ихъ любимыхъ идей, такіе сборники приносятъ тѣмъ болѣе глубокое нравственное удовлетвореніе „виновникамъ торжества“, чѣмъ новѣе и цѣннѣе вливаемые ими въ океанъ научной литературы факты, наблюденія и выводы. А какая награда можетъ быть для научнаго и университетскаго дѣятеля выше, чѣмъ возможность наблюдать еще при жизни буйный ростъ посѣянныхъ имъ сѣмянъ?

Настоящій сборникъ носитъ имя извѣстнаго слависта, профессора Кіевскаго университета, Т. Д. Флоринскаго, отпраздновавшаго въ прошломъ году двадцатипятилѣтіе своей научной и литературной дѣятельности. „Какъ научные и педагогическіе, такъ и другіе труды уважаемаго ученаго,—говорится въ „посвященіи“,—были постоянно согрѣваемы однимъ горячимъ чувствомъ любви къ славянству во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, въ его настоящемъ и прошломъ, включая и Византійскій міръ, которому такъ много обязаны южные и восточные славяне. Всѣ труды Т. Д. Флоринскаго одушевлялись вмѣстѣ съ тѣмъ одною возвышенною мыслью служенія наукѣ, посвященной изученію славянства, и преуспѣянію послѣдняго“. Вообще Т. Д. Флоринскій принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ, въ трудахъ которыхъ довольно большую роль играетъ субъективный элементъ, но этотъ элементъ (если оставить въ сторонѣ такіе крайне запутан-

ные и сложные вопросы, какъ малорусскій или словацкій) никогда не вступаетъ въ конфликтъ съ научнымъ методомъ и безпристрастіемъ изложенія, а лишь сообщаетъ особенную прелесть стилю и композиціи его работъ. Любовь къ славянству, какъ къ одному великому культурному цѣлому, бьетъ ключемъ даже въ такихъ капитальныхъ спеціальныхъ трудахъ, какъ его магистерская диссертація „Южные славяне и Византія во второй четверти XIV в.“ (Кіевъ 1888), до сихъ поръ незамѣненная въ наукѣ, или какъ его „Лекціи по славянскому языкознанію“, представляющія первую въ русской литературѣ попытку сравнительнаго обзора *всѣхъ* славянскихъ языковъ, или даже какъ многочисленныя рецензіи на книги по славяновѣдѣнію, которыя Флоринскій систематически даетъ на страницахъ „Кіевскихъ университетскихъ Извѣстій“, не безъ нѣкотораго самоотверженія относительно своихъ спеціальныхъ изслѣдованій...

Въ „Изборникѣ“ приняли участіе двадцать четыре, преимущество кіевскихъ ученыхъ, давшихъ работы по всѣмъ областямъ славистики. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ не одинъ только узко-спеціальный, но и общій интересъ. Такова прежде всего статья проф. Н. П. Дашкевича: „Нѣсколько слѣдовъ общенія южной Руси съ юго-славянами въ литовско-польскій періодъ ея исторіи, между прочимъ, въ думахъ“, гдѣ проводится оригинальная мысль, что малорусская дума создалась въ XV в. не безъ вліянія со стороны болгарскихъ и сербскихъ пѣсенъ; даже самое слово „дума“ проф. Дашкевичъ готовъ объяснить изъ болгарскаго „дума“ („слово“). „Малороссійскія думы—это пѣсни тихой, но глубокой печали, которою онѣ роднятся съ юго-славянскими... Эта печаль—не навѣянный пріемъ вдохновенія: она выливалась непосредственно изъ самой глубины народнаго сердца какъ юго-славянъ, такъ и южно-руссовъ въ вѣка народнаго горя среди страшныхъ бѣдъ ставшаго обычнымъ изъ года въ годъ увода въ неволю и постоянной борьбы для отстаиванія самой личности человѣка“. Весьма интересна также статья А. М. Лободы „Польско-русскія параллели“, гдѣ авторъ указываетъ на сходство нѣкоторыхъ мотивовъ русской народной поэзіи, напр. о невѣрной женѣ, принимающей въ отсутствіе мужа любовника, съ соотвѣтствующими польской: варіанты послѣдней нерѣдко связываютъ русскіе мотивы съ западно-европейскими. Проф. Радченко въ этюдѣ „Къ вопросу объ отношеніи апокрифовъ къ богомильству“ приводитъ нѣсколько вѣскихъ возраженій противъ того и теперь еще очень распространеннаго взгляда, будто богомилы для пропаганды своихъ воззрѣній составляли апокрифы и переводили ихъ съ греческаго. Но не вѣря въ ихъ творческую дѣятельность въ этомъ отношеніи, проф. Радченко не отрицаетъ ихъ участія въ апокрифической литературѣ, какъ тенденціозныхъ комментаторовъ. Трудный вопросъ о происхожденіи византійскихъ „темъ“ (нѣчто въ родѣ военныхъ округовъ) рѣшаетъ проф. Ю. А. Кулаковскій. По его мнѣнію, „темный строй, какъ организація военныхъ силъ византійскаго государства, не былъ созданіемъ политической мудрости того или иного императора, не имѣетъ опредѣленной хронологической даты, а былъ въ самомъ своемъ существѣ наслѣдіемъ давняго прошлаго, когда вмѣсто регулярной арміи, основанной на системѣ набора изъ всего населенія государства, въ имперіи оказалось *сословіе военныхъ людей* и притомъ какъ на границахъ,

такъ и внутри государства". И. П. Каманинъ сообщаетъ „Письмо черногорскаго владыки Василія Петровича 1757 г.", посланное, повидимому, оренбургскому генералъ-губернатору И. И. Неплюеву по поводу предполагавшагося тогда переселенія черногорцевъ въ Оренбургскій край. Интересующіеся вопросомъ о славянской взаимности съ удовольствіемъ прочтутъ статью В. А. Францева „Казиміръ Бродзинскій и чехи", гдѣ приведено нѣсколько подробностей о пребываніи знаменитаго польскаго романтика въ Прагѣ и Карлсбадѣ и напечатано два его стихотворенія. Наконецъ, А. І. Степовичъ помѣстилъ весьма удачный переводъ стихотвореній „чешскаго Гете" Верхлицкаго „Requiescat" и „Пѣснь о звѣздахъ".

Г. Ильинскій.

Радищевъ, А. Н. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Спб. 1905.

Наконецъ русская наука и русское общество имѣютъ два доступныхъ изданія „Путешествія" Радищева: одно двухрублевое, съ біографіей „врага рабства", написанной Н. П. Сильванскимъ, изслѣдованіемъ П. Е. Щеголева о рукописи „Путешествія" (имѣющей отличія отъ печатнаго текста книги) и многими полезными примѣчаніями; другое изданіе — шестидесятикопеечное А. С. Суворина. Оба изданія совершенно точно передаютъ текстъ перваго изданія книги Радищева и годятся не только для простого чтенія, но и для научнаго изслѣдованія.

Въ ожиданіи такихъ изслѣдованій сдѣлаемъ лишь нѣсколько замѣтокъ о томъ, что даетъ „Путешествіе" читателю, интересующемуся этнографическими данными. Ссылаться будемъ на первое изъ названныхъ нами изданій.

Въ главѣ „Софія" на стр. 6—7 дается указаніе на заунывность напѣвовъ народной пѣсни и переходъ народныхъ настроеній отъ задумчивости къ бурному веселью и буйству. Эти замѣчанія глубоки, вѣрны и признаны теперь всѣми.

Въ главѣ „Спасская Полѣсть" на стр. 27 есть нѣсколько замѣчаній о русскихъ сказкахъ.

Въ главѣ „Подберезье" упоминается о народномъ средствѣ лѣченія отъ головной боли питьемъ кофе (стр. 50).

Въ главѣ „Новгородъ" на стр. 60 и дальше до 63 немало этнографическихъ данныхъ о бытѣ и свадебныхъ обычаяхъ купцовъ.

На стр. 65 въ главѣ „Бронницы" сообщено преданіе о языческомъ храмѣ, бывшемъ въ древности близъ этого села.

На стр. 74 въ главѣ „Зайцево" сдѣлано замѣчаніе о безконечной терпѣливости русскаго народа, которая прорвавшись обращается въ необузданную жестокость; она проявилась въ самосудѣ крестьянъ надъ помѣщикомъ, описаннымъ въ этой главѣ.

Глава „Валдай" знакомитъ съ развратными нравами города, жительницы котораго пользуются щедростью путешественниковъ „на щетъ своего цѣломудрія" (стр. 115).

Въ главѣ „Едрово" описаны скромныя сельскія красавицы, живущія на лонѣ природы, въ просторѣ сельской жизни, веселыя и здоровыя. Разсужденія о ихъ жизни, сопоставленной съ жизнью

горожанокъ, ясно указываютъ на увлеченіе идеями Руссо.—Здѣсь же на стр. 124 указывается на снохачество, имѣющее мѣсто при бракахъ малолѣтнихъ, напр. десятилѣтнихъ мальчиковъ съ взрослыми дѣвушками. И на стр. 130 говорится, что такіе браки бываютъ „часто" у крестьянъ.

Глава „Мѣдное" только начинается съ народной пѣсни и упоминанія о бабахъ и дѣвкахъ, пляшущихъ въ хороводѣ, но далѣе не даетъ ничего этнографическаго.

Въ главѣ „Городня" на стр. 208—209 находимъ два причитанія по рекрутѣ: матери и невѣсты. Это не настоящія народныя причитанья, но лирическія рѣчи самого автора, впрочемъ напоминающія нѣсколько народныя произведенія этого рода, особенно причитаніе матери.

Въ концѣ главы „Завидово" въ стр. 223 есть указаніе на деревенскихъ колдуновъ.

Въ главѣ „Клинъ" находятся данныя о слѣпомъ нищемъ, пѣвцѣ духовныхъ стиховъ, и объ отношеніи къ такимъ пѣвцамъ народа.

Въ главѣ „Пешки" дано описаніе крестьянской избы, съ ея убогой обстановкою,—„замѣчательное" по отзыву Пушкина.

Наконецъ, въ примѣчаніяхъ къ страницамъ 216 и 222 находимъ замѣчанія „о духѣ Россіянина" и обычаѣ при пріѣздѣ въ Москву посѣщать церкви (стр. 277—278).

Въ Радищевѣ политическій мыслитель подавляетъ наблюдателя; его книга не есть изложеніе фактовъ, но идей и настроеній. Вотъ почему описательная ея часть не богата подробностями. Въ обширномъ сочиненіи, большая часть котораго посвящена народу, о народѣ этнографъ узнаетъ не очень много. Но и то немногое, что̀ есть, носитъ на себѣ слѣды литературной обработки.

Другое дѣло—объясненіе этнографическихъ фактовъ. Въ этомъ отношеніи книга Радищева можетъ дать цѣнныя указанія. Тому, кто прочитаетъ „Путешествіе", станетъ болѣе понятно происхожденіе нѣкоторыхъ осебенностей положенія и характера русскаго народа: ужасающей крестьянской бѣдности, юридической безпомощности, недостаточной энергіи къ улучшенію своего благосостоянія и др.

Не рѣшаемся также—вопреки нѣкоторымъ новѣйшимъ изслѣдователямъ—признать въ Радищевѣ замѣчательнаго знатока народнаго быта, тѣмъ болѣе не признаемъ его знатокомъ народнаго языка. Бытъ народа, конечно, онъ зналъ, но подробностями его, повидимому, не интересовался, а образцомъ языка служили для него, какъ онъ самъ указываетъ и какъ еще лучше указываетъ „Путешествіе", церковныя книги.

В. Чернышевъ.

Ермоловъ, А. Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. II. Всенародная агрономія. XII+528. Спб. 1905 г. III. Животный міръ въ воззрѣніяхъ народа. VII+555. Спб. 1905 г. IV. Народное погодовѣдѣніе. XIII+468. Спб. 1905 г.

Первый томъ обширнаго сборника г. А. Ермолова вышелъ въ 1901 г. Спустя значительный промежутокъ времени, почти одновременно, вышли сразу три тома, заканчивающіе все изданіе.

Въ послѣднихъ трехъ томахъ излагаются—почерпнутыя исключительно въ области народной мудрости,—понятія крестьянъ о сельскомъ хозяйствѣ—всенародная агрономія,—съ добавленіемъ нѣкоторыхъ чертъ, касающихся и бытовой стороны народной жизни, сельскохозяйственнаго года въ его совокупности, трудового дня и праздника, рабочей поры и времени отдохновенія и т. п. Послѣдовательною чередою проходятъ взгляды народа на землю, мать-кормилицу, на земледѣліе, какъ основной промыселъ, на разные періоды хозяйствованія: обработку почвы, посѣвъ, уборку хлѣбовъ, на условія урожая и неурожая, на лѣсъ и лѣсные промыслы, на садоводство и виноградарство. Сюда же авторъ присоединяетъ и воззрѣнія народа на окружающій его животный міръ,—на животныхъ, какъ имѣющихъ прикосновеніе къ хозяйству, такъ и тѣхъ, съ которыми сельскій хозяинъ лишь такъ или иначе сталкивается. Заключается вся работа изложеніемъ воззрѣній народа на различныя явленія физическаго міра, т. е. своего рода метеорологіей и космографіей.

Какъ и въ первомъ томѣ, авторъ старается вездѣ паремiологическій матеріалъ сопоставлять съ нѣкоторыми чертами быта и жизни народной, съ народными суевѣріями, легендами и пр. Такимъ образомъ, до нѣкоторой степени дается характеристика воззрѣній народа на разныя стороны его хозяйственной жизни, быта и дѣятельности, и на тѣ условія, среди которыхъ протекаетъ народная жизнь. Этимъ и должно быть ограничено все значеніе сборника. Впрочемъ и самъ г. А. Ермоловъ пишетъ, что онъ „въ своей работѣ совершенно не касался лингвистической стороны дѣла, а равно не задавался вопросами о происхожденіи народныхъ изреченій, позаимствованіи ихъ однимъ народомъ у другого, распространеніи ихъ изъ одного общаго источника и т. п.“

Трудъ г. А. Ермолова уже нѣсколько разъ подвергался разбору на страницахъ разныхъ журналовъ. Были и очень сочувственные [1]) и очень рѣзкіе [2]) отзывы. Содержаніе его было изложено очень подробно и пространно проф. А. Погодинымъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ [3]).

Поэтому здѣсь я не буду входить въ подробную оцѣнку этой работы. Скажу лишь, что такого рода сборники однороднаго по содержанію матеріала являются очень желательными и полезными. Ежегодно появляются цѣлыя массы историко-литературнаго сырья, разобраться въ которомъ одному человѣку прямо таки невозможно. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію той или иной области народной словесности, необходимо произвести цѣлый рядъ подготовительныхъ работъ. А такъ какъ у насъ, къ большому стыду нашему, до сихъ поръ еще нѣтъ полнаго собранія хотя бы, напр., русскихъ пословицъ, то въ первую голову и приходится дѣлать выборку ихъ изъ разныхъ, часто мало доступныхъ изданій, — и группировку по содержанію. Въ этомъ смыслѣ и желательно появленіе сборниковъ, подобныхъ сборникамъ гг. Иллюстрова и Ермо-

[1]) Вл. Б.— „Этнографическое обозрѣніе“, 1905,№ 2 и 3 (двойной). М. 1906.
[2]) „Русское богатство“. 1905, № 6, стр. 69—72.
[3]) „Ж. М. Н. П.“ 1905, № X,

лова. И, по моему мнѣнію, совсѣмъ не имѣютъ смысла придирки, что тотъ или иной сборникъ захватываетъ матеріалъ шире, чѣмъ обѣщаетъ его заглавіе. Чѣмъ болѣе сгруппировано по отдѣламъ матеріаловъ, тѣмъ легче будетъ работать позднѣйшимъ изслѣдователямъ.

Къ указаніямъ другихъ критиковъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ прибавить и то, что авторъ повидимому очень мало знакомъ и поэтому мало пользовался славянскими, литовской литературой и литературами финскихъ племенъ.

Н. Виноградовъ.

Кондаковъ, Н. П. Изображеніе русской княжеской семьи въ миніатюрахъ XI вѣка. Съ 6 табл. и 13 рис. въ текстѣ. Изданіе Имп. Академіи Наукъ. Спб. 1906 г. 123+II ненум. стр.

Работа Н. П. Кондакова представляетъ собою изслѣдованіе о пяти византійскихъ миніатюрахъ, найденныхъ въ самое послѣднее время въ, такъ называемомъ, *кодексѣ Гертруды*, или рукописи Латинской Псалтири, писанной по заказу Трирскаго архіепископа Эгберта (977—993), и находящейся въ капитульномъ архивѣ (нынѣ королевскомъ) города Чивидале въ Ломбардіи; составилась она частью изъ замѣтокъ, сдѣланныхъ авторомъ по самой рукописи, частію изъ различныхъ историко-археологическихъ справокъ, привлеченныхъ для задачъ сравнительнаго изслѣдованія памятника.

Авторъ раздѣлилъ свою „записку" на четыре главы съ заключеніемъ. Въ I гл. изложена исторія кодекса, вмѣстѣ съ его палеографическимъ описаніемъ, и приведены лѣтописные отрывки, подтверждающіе, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ изображеніями князя Ярополка Изъяславовича съ женой Ириной и матерью. Во II главѣ подробно разбирается каждая отдѣльная миніатюра. Въ III главѣ, предварительно анализа самихъ изображеній русскихъ князей, авторъ вкратцѣ обозрѣваетъ 1) прочія подобныя изображенія, ставшія доселѣ извѣстными и 2) данныя (по нѣкоторымъ бытовымъ пунктамъ) византійскихъ источниковъ, которыя могутъ способствовать истинно научной постановкѣ археологическихъ вопросовъ. Въ IV главѣ изслѣдуются тѣ облаченія и регаліи, которыми надѣлилъ миніатюристъ князя и его семью, и дѣлается попытка рѣшить любопытную задачу, обратившуюся въ послѣднее время въ своего рода загадку,—о шапкѣ Мономаха. Въ заключеніи Н. П. Кондаковъ, рѣшая вопросъ: „насколько... всѣ эти матеріалы могутъ считаться обязательными или, какъ принято нынче выражаться, авторитетными въ вопросѣ о русскихъ древностяхъ кіевскаго періода", говоритъ: „...указанія стильнаго характера въ миніатюрахъ Трирской Псалтири слишкомъ неопредѣленны и требуютъ совершенно особаго детальнаго сличенія съ современными памятниками, которое, однако, тоже можетъ оказаться безрезультатнымъ".

Н. Виноградовъ.

Памяти профессора Ивана Николаевича Смирнова. Подъ редакціей проф. А. С. Архангельскаго. Казань. 1904. 44 + II стр.

Небольшая брошюрка посвящена памяти ординарнаго профессора Казанскаго Университета по кафедрѣ всеобщей исторіи Ивана Николаевича Смирнова.

Въ рѣчахъ, посвященныхъ памяти почившаго, обрисовывается обликъ не только выдающагося ученаго, но и глубоко симпатичнаго, идеально честнаго и скромнаго человѣка.

Иванъ Николаевичъ создалъ себѣ прочное имя въ русской и заграничной наукѣ. Историкъ-соціологъ, историкъ-этнографъ, шедшій по стопамъ Спенсера, — онъ не былъ чуждъ и новѣйшей системы философіи исторіи, системы, построенной Марксомъ и Энгельсомъ. И всѣ эти системы и направленія не были лишь механически связаны въ умѣ покойнаго ученаго,—они были составными элементами самостоятельнаго цѣльнаго міросозерцанія. Его труды по исторіи и этнографіи славянъ и инородцевъ финскаго племени, необширныя по объему, но глубокіе и съ широкимъ размахомъ мысли, говорятъ о большомъ умѣ и выдающейся эрудиціи. Всѣ крупныя работы отмѣчены на западѣ и переведены на иностранные языки.

Брошюру составляютъ: рѣчи проф. Архангельскаго, Александрова, Андерсона, прив.-доц. Хвостова и Люперсольскаго, освѣщающія личность и дѣятельность покойнаго; некрологъ, составленный проф. Д. Корсаковымъ; замѣтки о трудахъ И. Н. Смирнова по славистикѣ (Н. Петровскаго) и по этнографіи инородцевъ Восточной Россіи (Н. Катанова); „Памяти И. Н. Смирнова" (статьи проф. Ѳирсова, Будде и Хвостова); библіографическій указатель трудовъ покойнаго и др.

Н. В—въ.

Виноградовъ, Н. И. П. Сахаровъ и его „Русскія народныя загадки и притчи". (Отд. отт. изъ Ж. М. Н. Пр. 1905 г. № 6.).

Этнографическіе матеріалы И. П. Сахарова уже давно потеряли въ научной литературѣ почти всякій кредитъ, такъ какъ ихъ обработка лишена не только всякаго научнаго метода, но даже элементарной добросовѣстности: изъ мотивовъ-ли piae fraudis, или изъ какихъ-то спекулятивныхъ цѣлей И. Н. Сахаровъ не останавливался въ своихъ изданіяхъ до сознательныхъ поддѣлокъ и даже сочиненія мнимыхъ произведеній народной словесности. Нѣкоторымъ счастливымъ исключеніемъ въ ряду другихъ этнографическихъ матеріаловъ Сахарова считались лишь немногіе отдѣлы I т. „Сказаній русскаго народа", въ томъ числѣ „Загадки и притчи". Въ настоящей статьѣ г. Н. Н. Виноградовъ уничтожаетъ и эту иллюзію. На основаніи тщательнаго анализа собраннаго И. П. Сахаровымъ матеріала, авторъ показалъ, что этотъ этнографъ не только произвольно мѣнялъ размѣры и риѳмы русскихъ народныхъ загадокъ, поддѣлываясь подъ народный говоръ, но и видоизмѣнялъ самый текстъ ихъ иногда до полной почти неузнаваемости.

Г. И.

Марковъ, А. В. Что такое Овсень? („Этнографическое Обозрѣніе, 1904, IV.).

Въ четвертой книжкѣ московскаго журнала „Этнографическое Обозрѣніе“ (стр. 50—65) помѣщена статья *А. В. Маркова*, посвященная загадочному „Овсеню“ (онъ же: усень, баусень, таусень и т. п.) русскихъ народныхъ пѣсенъ.

Авторъ излагаетъ взгляды на „овсена“ Веселовскаго, Потебни, Владимірова и Аничкова, привлекаетъ новыя данныя и приходитъ къ выводу: „слово *„усинь“*—славянское, и перешло вмѣстѣ съ обрядомъ къ латышамъ, не имѣя опредѣленнаго миѳологическаго смысла“. Слово „усинь“ г. Марковъ роднитъ съ прилагательнымъ *синій* и переводитъ его „синеватый“ (Стр. 59).

Къ сожалѣнію, въ статьѣ мы не находимъ указаній на то, съ какимъ удареніемъ произносится слово *авсень*. (Отмѣчено только уменьшит. Таýсенько). Насколько намъ извѣстно, удареніе большею частію звучитъ на конечномъ слогѣ: усéнь. За древность такого ударенія говоритъ и неустойчивость начальнаго слога: у-, ав-, овсень. А если такъ, то усинь и усень—разныя слова, и связь послѣдняго изъ нихъ со словомъ *синій* сомнительна.

Неустойчивость внѣшней формы интересующаго насъ слова, вмѣстѣ съ сравнительно очень ограниченнымъ распространеніемъ его, могутъ говорить въ пользу того, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ заимствованнымъ словомъ. Источникъ заимствованія нужно искать или въ латышскомъ usinš „богъ пчелъ“ или же въ языкахъ восточныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ можно указать на тюркское названіе рѣки Уфимской губерніи *Усéнь*, а также на башкирскія слова: *ýс* „рости“, *ус* „обрѣзать“.

Д. Зеленинъ.

Карскій, Е. Ѳ. Малорусскій Луцидарій по рукописи XVII в. Текстъ, составъ памятника и языкъ. Варшава, 1903, 8°, 57 стр.

Изданный и подробно описанный проф. Е. Ѳ. Карскимъ новый списокъ Луцидарія (по рукописи покойнаго проф. Варшавскаго университета А. И. Смирнова) представляетъ unicum въ ряду другихъ его русскихъ списковъ, такъ какъ восходитъ не къ нѣмецкому, а къ *чешскому* оригиналу. Впрочемъ, по изслѣдованію проф. Карскаго оказывается, что текстъ XVII в. представляетъ не непосредственный переводъ съ чешскаго оригинала, а лишь малорусскую копію недошедшаго до насъ Луцидарія, переведеннаго съ чешскаго какимъ-то бѣлоруссомъ. Хотя чешское происхожденіе перевода доказывается не только дословною близостью текстовъ малорусскаго и чешскаго Луцидаріевъ,—послѣдній изданъ недавно въ Прагѣ г. Зибртомъ [1]),—но и множествомъ чехизмовъ въ нашей рукописи, однако все же въ ней встрѣчаются и отступленія отъ чешскаго оригинала, которыя заставляютъ даже полагать, что оригиналомъ малорусскаго (точнѣе: бѣлорусскаго) перевода послужилъ чешскій текстъ, не совсѣмъ совпадавшій съ Фюрстенбергскимъ сп.

Г. Ильинскій.

---

[1]) Staročeský Lucidář. Text rukopisu Fürstenberského a prvotisku z roku 1498. v Praze. 1903.

Карскій, Е. Ѳ. Отчетъ о поѣздкѣ въ Бѣлоруссію въ 1903. Спб. 1905, 1—32 стр. (Отд. отт. изъ „Изв. Импер. Русск. Археол. Общ.", т. XLI, вып. 4).

Въ 1903 г. проф. Е. Ѳ. Карскій, по порученію тогдашняго виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернатора, кн. Святополкъ-Мирскаго, совершилъ этнографическую экскурсію въ сѣверо-западный край. Главною цѣлью этой поѣздки было опредѣленіе границъ этнографическаго распространенія бѣлоруссовъ не только относительно великороссовъ и малороссовъ, но и въ отношеніи литовцевъ и латышей. Главные результаты своихъ наблюденій авторъ уже успѣлъ изложить въ своемъ извѣстномъ капитальномъ трудѣ „Бѣлоруссы. Томъ I. Введеніе въ изученіе языка и народной словесности, Варшава 1903", и настоящая брошюра является только дополненіемъ къ нему, — и дополненіемъ, весьма нелишнимъ, такъ какъ она основывается на новомъ матерьялѣ.

Г. Ильинскій.

Карскій, Е. Ѳ. Къ вопросу о разграниченіи русскихъ нарѣчій (Изъ „Трудовъ Археологич. Съѣзда въ Харьковѣ"), стр. 1—7.

Статья представляетъ попытку географическаго разграниченія бѣлорусскаго нар. отъ великорусскаго и малорусскаго.

Г. Ильинскій.

Чичерина, С. У приволжскихъ инородцевъ. Путевыя замѣтки. Спб. 1905. 427+210 стр.

Книга г-жи С. Чичериной даетъ въ сущности гораздо болѣе, чѣмъ можно судить по ея заглавію. Это не просто бѣглыя путевыя замѣтки,—результатъ поѣздки отъ скуки, отъ нечего дѣлать, безъ опредѣленныхъ цѣлей, безъ яснаго плана. Здѣсь поѣздка является заключительнымъ актомъ внимательнаго и подробнаго изученія соотвѣтствующаго вопроса. Эта книга является блестящей и вполнѣ доказательной апологіей системы Н. И. Ильминскаго,—системы обученія инородцевъ при помощи ихъ родного языка и учителей соотвѣтствующей національности.

Такимъ образомъ работа г-жи С. Чичериной, собственно говоря, не имѣетъ спеціально этнографическаго характера. Но, не смотря на это, въ ней содержится очень много цѣнныхъ свѣдѣній, любопытныхъ для этнографовъ и, кромѣ того, дается общая характеристика и рисуется культурный обликъ цѣлыхъ народностей. Для этнографовъ большой интересъ представляютъ главы: 2) Крещено-татарскій міръ. 3) Отступники. 4) Вотскій міръ и 5) Чувашскій міръ. Въ каждой изъ этихъ главъ имѣются данныя относительно матеріальной культуры, быта, нравовъ, обычаевъ, религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ соотвѣтствующей національности.

Слѣдуетъ отмѣтить также живое литературное изложеніе автора, благодаря чему книга читается съ неослабѣвающимъ интересомъ отъ начала до конца.

Въ книгѣ шестнадцать рисунковъ, значительная часть которыхъ представляется интересными и для этнографа.

Н. Виноградовъ.

Кузнецовъ, С. К. Общинные порядки у вотяковъ Мамадышскаго уѣзда Казанской губерніи. („Этнографическое Обозрѣніе“, 1904, IV, стр. 24—49).

Въ началѣ своей интересной статьи г. Кузнецовъ, извѣстный знатокъ нашихъ восточныхъ финновъ, посвящаетъ нѣсколько строкъ исторіи изученія инородческой общины въ Россіи. Первый обратилъ вниманіе на эту общину нѣмецъ Гакстгаузенъ.

Въ общинныхъ порядкахъ вотяковъ особенно замѣчательно ихъ оригинальное землемѣрное искусство. „Даже у русскихъ не встрѣчалъ я — пишетъ С. К. Кузнецовъ—стремленія къ такой точности, а математикъ навѣрное причислилъ бы такой способъ къ самымъ архаическимъ агримензорнымъ пріемамъ, которые когда-либо существовали“. (Стр. 36). Этому землемѣрному искусству вотяковъ и посвящена большая часть статьи г. Кузнецова.

Кромѣ того, въ статьѣ находимъ интересныя свѣдѣнія о ходѣ русскихъ поселеній на вотяцкихъ земляхъ, объ общинномъ пользованіи водой и мельницами.

Къ сожалѣнію, автору, видимо, осталась неизвѣстною весьма обстоятельная статья *Г. Верещагина*, посвященная тому же самому предмету. Статья эта, подъ заглавіемъ: „Общинное землевладѣніе у вотяковъ Сарапульскаго уѣзда“, напечатана въ „Памятной книжкѣ Вятской губ.“ на 1896 г. (Изданіе Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета). Общинное землевладѣніе описано здѣсь весьма сходными, если только не тожественными чертами. И это сходство обычаевъ у камскихъ и вятскихъ вотяковъ могло бы дать основаніе къ нѣкоторымъ общимъ заключеніямъ.

Д. З.

Бушъ, Н. А. По горамъ и ущельямъ Хевсуріи и Тушетіи. Спб. 1905.

Посвященная въ бо́льшей своей части ботаническимъ изысканіямъ и напечатанная въ „Трудахъ Императорскаго Ботаническаго Сада“, названная статья Н. А. Буша легко можетъ пройти мимо вниманія этнографовъ. Между тѣмъ, цѣлая глава (VII-ая; стр. 57—70) этой статьи посвящена „описанію нравовъ и быта“ кавказскихъ племенъ— хевсуровъ и тушиновъ.

Хевсурамъ, этому крайне интересному для этнографа племени, посвящена, какъ извѣстно, книга *Г. И. Радде* „Хевсурія и хевсуры“ (Записки Кавк. Отд. И. Р. Г. О. XI, вып. 2 [1]).

Но сообщенія г. Буша во многихъ случаяхъ дополняютъ описаніе Радде, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вносятъ поправки. Напримѣръ, увѣреніе Радде, что „хевсуръ питаетъ отвращеніе ко всякой домашней птицѣ“, оказывается невѣрнымъ. Хевсуры не держатъ обычно домашней птицы только вслѣдствіе скученности своихъ построекъ и вмѣстѣ—своей бѣдности. У болѣе зажиточныхъ хевсуровъ имѣются и куры и утки.

Въ другихъ случаяхъ обычаи успѣли уже измѣниться со времени посѣщенія Хевсуріи Радде (въ 1876 г.). Такъ, прежде дѣвушекъ

---

[1]) См. также книгу графини *Уваровой* „Кавказъ. Рача, Горійскій уѣздъ, горы Осетіи, Пшавія, *Хевсуретія* и Сванетія. Путевыя замѣтки“. М. 1904.

выдавали замужъ только съ 20 лѣтъ, теперь же нерѣдко выходятъ замужъ и 16-лѣтнія.

О Тушинахъ и Пшавахъ авторъ сообщаетъ весьма немного данныхъ (стр. 68—70), но и онѣ не безинтересны для этнографа.

Д. Зеленинъ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа. Выпускъ XXXV. Тифлисъ, 1905. III + 269 + IX + 136 + 248 стр.

Первый отдѣлъ XXXV выпуска „Сборника" открывается цѣлымъ рядомъ статей *Е. С. Такайшвили*, посвященныхъ археологіи края. Наиболѣе важное значеніе имѣетъ первая—„Зарзамскій монастырь, его реставрація и фрески". Здѣсь авторъ даетъ весьма обстоятельное описаніе этого замѣчательнаго памятника церковной грузинской архитектуры, со снимками надписей и нѣкоторыхъ фресковыхъ изображеній, приводитъ подробное описаніе стѣнной росписи, остатковъ церковной утвари, вообще даетъ массу самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній. Такого же характера и слѣдующія статьи: „Сафарскій монастырь, его надписи и остатки стѣнной росписи" и „Монастырь Дчулеби и остатки его стѣнной росписи". Наконецъ рядъ мелкихъ замѣтокъ того же автора дополняетъ свѣдѣнія объ архитектурныхъ и эпиграфическихъ памятникахъ Кобліанскаго края.

Статья *М. Г. Джанашвили* „Картлисъ-Цховреба—Жизнь Грузіи" посвящена изслѣдованію замѣчательнаго труда Вахтанга VI. Сначала авторъ сообщаетъ общія свѣдѣнія, затѣмъ разсматриаетъ источники обѣихъ его частей. Къ источникамъ отнесены также легенды и преданія, вошедшія въ Картлисъ-Цховреба; разсмотрѣнъ также и вопросъ объ языкѣ Картлисъ-Цховреба.

К. Ѳ. Ганъ въ своей статьѣ „Поѣздка къ верховьямъ Большой Ліахвы и Ксапки (лѣтомъ 1903 г.)" даетъ рядъ свѣдѣній о малоизслѣдованномъ уголкѣ Кавказа, причемъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается надъ родствомъ осетинъ съ индоевропейцами, въ частности съ германцами. Близость осетинскаго языка съ нѣмецкимъ авторъ подтверждаетъ нѣкоторыми новыми данными. Въ первомъ же отдѣлѣ помѣщена статья *В. И. Дѣвицкаго* „Древности Посховскаго участка" съ замѣткой *Е. С. Такайшвили*, выясняющей археологическое значеніе этой статьи.

Наиболѣе цѣннымъ и интереснымъ для этнографа является второй отдѣлъ „Сборника", содержащій матеріалы по народной словесности различныхъ племенъ Кавказа. Первое мѣсто по справедливости занимаютъ четыре сказки, записанныя *В. Васильковымъ* въ Темиргоевскомъ аулѣ. Въ этихъ сказкахъ, крайне любопытныхъ съ этнографической точки зрѣнія, ярко отразились давно минувшія бытовыя особенности края, въ которомъ онѣ записаны: пастушескій бытъ, коневодство, какъ главное занятіе жителей, аталычество, джигитовка, охота, набѣги для угона скота, рабство и работорговля, кровавая родовая месть, увозъ или взятіе силою невѣсты, гостепріимство, вѣрность данному слову, паломничество въ Мекку и др. Каждая сказка оригинальна въ своей главной фабулѣ и бытовой обстановкѣ, хотя, конечно, сюда привходятъ и нѣкоторые частные мотивы давно

и хорошо всѣмъ извѣстныя. Сказки носятъ заглавія: „о Темирбекѣ“, „о Кочербекѣ“, „объ Анзаурѣ“ и „о черепѣ“.

Совсѣмъ иной интересъ представляютъ „Татарскія дѣтскія сказки“, записанныя *С. Абдурахманомъ* въ г. Нухѣ. Всѣхъ ихъ семь: „Царевичъ“, „Благородный и низкій“, „Приключенія мальчика“, „Лиса и Армуданбекъ“, „Сонъ“, „Неспособный сынъ“ и „Кого Богъ держитъ, тотъ не погибнетъ“. Оригинальностью и новизною содержанія эти сказки не отличаются [1]) и представляютъ собою лишь варіанты уже извѣстныхъ сказокъ, обнародованныхъ въ томъ же сборникѣ, хотя съ нѣкоторыми новыми подробностями и съ инымъ сочетаніемъ частныхъ мотивовъ. Главный интересъ этихъ сказокъ въ томъ, что онѣ дѣтскія, и по нимъ можно судить о томъ, что считаетъ пригоднымъ и полезнымъ для воспитанія дѣтей та среда, которая породила эти сказки.

Далѣе слѣдуетъ грузинская легенда „Значеніе хлѣба-соли и безсердечіе архангеловъ Михаила и Гавріила“ и двѣ грузинскихъ сказки: „Горе царя Джумджума“ и „Солочь“ [2]). Легенда является варіантомъ (съ нѣсколько иной окраской мотива) къ армянской легендѣ („Сборн. матеріаловъ“, XXVIII, отд. II, 18) на тему, разработанную гр. Л. Толстымъ въ „Чѣмъ люди живы“. Первая изъ сказокъ есть варіантъ къ напечатаннымъ уже ранѣе въ „Сборникѣ“ сказкамъ; напр. „О Хагорѣ“ (в. XII, 78), „Гюль и Синейвизъ“ (в. IX, 101); въ общемъ сказка эта захватываетъ многіе сказочные мотивы. Такимъ же сборнымъ характеромъ отличается и заключительная сказка „Солочь“.

Къ II отдѣлу приложены: „Предисловіе“ А. Богоявленскаго и Указатели предметовъ (мотивовъ) и собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ памятникахъ народнаго творчества, напечатанныхъ во второмъ отдѣлѣ.

Третій отдѣлъ занятъ трудомъ *А. М. Дирра* „Грамматическій очеркъ табассаранскаго языка“. Табассаранцы — маленькое племя, числомъ до 27.000 душъ, живущее въ восточномъ Дагестанѣ, въ бассейнѣ Рубасъ-чая. Въ этнологическомъ и лингвистическомъ отношеніи они принадлежатъ къ числу племенъ кюринской группы. Грамматика языка, несомнѣнно, дагестанская, но лексикологическій матеріалъ значительно обѣднѣлъ; говоровъ этотъ языкъ не имѣетъ. Въ видѣ приложеній помѣщены табассаранскіе тексты (сказокъ и стиха) съ переводомъ на русскій языкъ и табассаранско-русскій и русско-табассаранскій словари.

Н. Виноградовъ.

---

[1]) Напр., „Приключенія мальчика“, срвн.: Сборн. в. VII, 141; в. XXVI, 44; Аѳанасьевъ №№ 119 и 165.

[2]) Легенда и первая сказка записаны *I. Степановымъ*, а „Солочь“ *М. Рамишвили.*

Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Томъ VII. Вып. I. Спб. 1905. 99 стр.

Въ лежащемъ предъ нами 1-омъ выпускѣ „Трудовъ Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О." за 1904 г., вышедшемъ въ свѣтъ въ Петербургѣ лишь въ концѣ минувшаго 1905 г., обращаетъ на себя вниманіе статья г-жи *А. Д. Корнаковой*: „Похороны Ханцзинъ-ламы-гелюна" (стр. 6—31)—единственная, имѣющая этнографическій интересъ. Статья заключаетъ въ себѣ четыре главы, въ которыхъ авторъ, съ чисто женскою наблюдательностью и аккуратностью, сообщаетъ мельчайшія подробности торжественныхъ похоронъ монгольскаго жреца—„гелюна", описываетъ молебствія на другой и десятый день послѣ похоронъ и даетъ интересное описаніе обширной коллекціи разныхъ предметовъ, относящихся къ похоронамъ. Статья снабжена рисунками, поясняющими текстъ, и, кромѣ того, въ особомъ приложеніи, при каждой изъ трехъ группъ, на которыя распредѣлены предметы коллекціи, нарисованы планы. Отсылая интересующихся вопросомъ читателей къ самой статьѣ, здѣсь отмѣтимъ только, что слово „гелюнъ" въ значеніи „калмыцкій и монгольскій жрецъ" встрѣчается не только въ „Толковомъ Словарѣ" *Даля*, но и въ академическомъ „Словарѣ русскаго языка" (т. I, 1249), но это еще не значитъ, чтобы оно пріобрѣло, какъ думаетъ авторъ, право гражданства въ русскомъ языкѣ: этому противорѣчитъ хотя бы троякое начертаніе слова—*гелюнъ*, *гелюнъ* и *гелонъ*, указывающее на то, что терминъ этотъ употребляется каждымъ пишущимъ такъ, какъ онъ имъ слышится, и г-жа Корнакова могла бы съ полнымъ правомъ употреблять въ своей статьѣ слышанное ею произношеніе *гылинъ*.

Въ этомъ же выпускѣ „Трудовъ" помѣщена небольшая (73—77 стр.) замѣтка *М. И. Моллесонъ*: „Къ пятидесятилѣтію смерти о. Іакинфа Бичурина", въ которой сообщаются любопытныя біографическія данныя о знаменитомъ изслѣдователѣ Востока и синологѣ, перечень его многолѣтнихъ трудовъ и переводовъ и указатель важнѣйшихъ работъ, касающихся жизни и трудовъ о. Іакинфа. Почти всѣ его работы были удостоены Императорскою Академіею Наукъ Демидовской преміи, но еще болѣе достойно заслуги о. Іакинфа въ научномъ мірѣ были оцѣнены—говоритъ г. Моллесонъ—иностранными учеными, изъ которыхъ со многими онъ находился въ перепискѣ, а съ нѣкоторыми (напр., съ Клапротомъ) вступалъ даже въ научные споры.

Такія сочиненія о. Бичурина, какъ „Записки о Монголіи" (1828 г.), „Описаніе Чжуньгаріи и Восточнаго Тюркистана" (1828 г.), „Описаніе Пекина" (1828 г.), „Китай, его жители, нравы, просвѣщеніе" (1840 г.), „Китай въ гражданскомъ и нравственномъ отношеніи" (1848 г.), „Полная система китайскихъ законодательствъ", „Описаніе религіозныхъ ученій въ Китаѣ", „Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнѣйшія времена" (1851 г.) и другія не потеряли и до сихъ поръ своего значенія для изслѣдователей, посвятившихъ себя изученію Востока. Между прочимъ, интересно отмѣтить, что книга „Китай въ гражданскомъ

и нравственномъ отношеніи“, въ свое время, обратила на себя вниманіе нашего знаменитаго критика В. Г. Бѣлинскаго, помѣстившаго въ „Современникѣ“ 1848 г. (т. VII) критическій разборъ этого сочиненія.

Объ остальныхъ статьяхъ, какъ не представляющихъ спеціально-этнографическаго интереса, мы здѣсь не упоминаемъ.

Эд. Пекарскій.

Науковий Збірник, присьвячений професорови Михайлови Грушевському учениками й прихильниками з нагоди його десятилїтньої наукової працї въ Галичинї (1894—1904). Виданне Комітету. У Львови. 1906.

Еще въ 1904 г.. среди бывшихъ учениковъ почтеннаго профессора М. Грушевскаго зародилась мысль издать научный сборникъ, посвященный его десятилѣтней плодотворной научной работѣ въ австрійской украйнѣ. Образовался комитетъ, въ составъ котораго вошли: В. Гнатюкъ, Д. Коренецъ, И. Кревецкій, д-ръ С. Томашевскій и д-ръ Ив. Франко. Въ результатѣ дѣятельности комитета и другихъ видныхъ украинскихъ ученыхъ получился огромный, превосходно изданный сборникъ въ 560 стр., украшенный портретомъ проф. Грушевскаго. Сборникъ начинается перечнемъ трудовъ проф. Грушевскаго, обстоятельно составленнымъ И. Левицкимъ. Затѣмъ идутъ статьи слѣдующихъ авторовъ: В. Лесевича, И. Франко, проф. А. Крымскаго, Ю. Жатковича, д-ра М. Кордуба, Ив. Крипяневича, В. Доманицкаго, О. Чайковскаго, Д. Коренца, В. Герасимчука, д-ра С. Томашевскаго, Ф. Голійчука, И. Джиджоры, В. Гнатюка, М. Зубрицкаго, М. Тершаковеца, И. Кревецкаго, М. Лозинскаго, С. Ефремова, Б. Гринченка, М. Мочульскаго, З. Кузели, В. Гнатюка и д-ра Хв. Вовка. Мы не имѣемъ возможности привести здѣсь названій многочисленныхъ статей, названныхъ авторовъ и отсылаемъ читателя къ подлиннику.

Изъ спеціально-этнографическихъ работъ отмѣтимъ статьи В. Гнатюка: „Народня пожива на Бойківщинї“ и Хв. Вовка: „Кавказъ и Карпаты. Деякі проби етнольогічнихъ зближень“. Въ послѣдней статьѣ авторъ, изучавшій на мѣстѣ кавказскія племена, а также карпатскихъ гуцуловъ и бойковъ, находитъ чрезвычайно любопытныя аналогіи въ бытѣ и одеждѣ названныхъ племенъ. Авторъ остерегается произвольныхъ сближеній, онъ хорошо сознаетъ, что „на Суматрі размальовують тканину точнісенько таким же робом, як писанки на украіні“, онъ далекъ отъ „mirages orientaux“, и тѣмъ не менѣе *факты*, представляемые авторомъ говорятъ сами за себя. Московскій приватъ-доцентъ А. А. Ивановскій въ своей работѣ, изданной въ 1904 г. „Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи“ находитъ, что украинцы имѣютъ наибольшее сходство съ осетинами. Наблюденія автора статьи „Кавказъ и Карпаты“ не противорѣчатъ заключенію г. Ивановскаго. Замѣтимъ отъ себя, что намеки подобныхъ сближеній можно найти въ трудахъ извѣстнаго украинскаго этнографа М. Максимовича: „Отвага въ набѣгахъ, буйная забывчивость въ весельѣ и безпечная лѣнь въ мирѣ: это черты дикихъ Азіятцевъ—жителей Кавказа, которыхъ невольно вспомните и те-

перь, глядя на малороссіянина въ его костюмѣ, съ его привычками". („Малороссійскія пѣсни, изданныя М. Максимовичемъ" М. 1827).

Ив. Абрамовъ.

Ровинскій, П. А. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Спб. 1905. 8⁰, XIV+693. (Сборникъ отдѣленія русск. яз. и слов. И. А. Н. Т. LXXX, № 2).

Этотъ томъ представляетъ вторую часть второго тома капитальнаго труда П. А. Ровинскаго о Черногоріи и посвященъ „Пѣснямъ" (глава XIX) и „языку" (глава XX). Первымъ предпослано довольно обширное введеніе, въ которомъ авторъ характеризуетъ сербскую пѣсню вообще, знакомитъ съ способомъ ея пѣнія и стихотворной формой, отмѣчаетъ турецкое вліяніе въ пѣсняхъ черногорцевъ-магометанъ и затѣмъ характеризуетъ особо черногорскія лирическія пѣсни и эпическія. Попутно авторъ дѣлаетъ не мало существенныхъ поправокъ къ послѣднему по времени систематическому изслѣдованію сербскаго героическаго эпоса Асмуса Серензена „Beitrag zur Geschichte der Entwickelung der serbischen Heldendichtung" (Arch. für slav. Phil. B. XVI, XVII, XIX, XX). Весьма обстоятельно описанъ авторомъ и языкъ черногорцевъ, котораго фонетическія и морфологическія особенности до сихъ поръ были еще такъ мало извѣстны. Особенно цѣнна лексическая часть этого описанія, которая, кромѣ цѣлаго словаря, заключаетъ въ себѣ интереснѣйшіе систематическіе перечни спеціальныхъ выраженій относительно „явленій природы", „ѣды и питья", „привѣтствій", „войны", „животныхъ" и т. д.

Г. Ильинскій.

Беличъ, А. Діалектологическая карта сербскаго языка (Отд. отт. изъ „Сборника по славяновѣдѣнію". II). Спб. 1905. 59 стр.

Статья подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ служитъ приложеніемъ къ діалектологической картѣ сербскаго языка. Здѣсь авторъ даетъ короткое и сжатое объясненіе всего, что по его мнѣнію заслуживаетъ объясненія, и мотивированное обоснованіе той точки зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на группировку сербскихъ говоровъ и на ихъ внутреннія отношенія вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчается общій ходъ историческаго развитія сербскихъ діалектовъ, „ибо безъ этого трудно понять ихъ настоящее состояніе, какъ оно представлено на картѣ".

При наличности очень скуднаго матеріала, какой представляетъ во многихъ случаяхъ сербская діалектологія, автору приходилось часто руководствоваться исключительно своими собственными (еще не опубликованными) матеріалами. Конечно, присра внительной скудости матеріала, невозможно было освѣтить всѣ темные пункты сербской діалектологіи, но даже и въ такихъ случаяхъ видно стараніе поставить вопросъ надлежащимъ образомъ и, по возможности, освѣтить его тѣмъ матеріаломъ, который имѣлся въ наличности.

На карту занесено все то, что г. А. Беличу казалось существеннымъ и важнымъ для установленія границъ сербскихъ говоровъ. Все, что представлено на картѣ, освѣщено въ статьѣ, а все, что упоминается въ статьѣ, главнымъ образомъ, представлено и на картѣ.

Н. В—въ.

Грюнведель, А., проф. Bibliotheka Buddhica. VI. Собраніе буддійскихъ текстовъ, издаваемыхъ Императорской Академіей Наукъ. Т. VI. Обзоръ собранія ламайскаго культа кн. Э. Э. Ухтомскаго. Ч. 1-я. Текстъ. Стр. II+138. Ч. 2-я. Рисунки. Стр. 33. Спб. 1905.

Во введеніи къ своему труду авторъ указываетъ, что „хотя уже въ теченіе полустолѣтія буддизмъ изучается учеными и возбуждаетъ интересъ среди любителей", но до сихъ поръ „изданъ лишь Палійскій канонъ священныхъ книгъ и рядъ филологическихъ и философскихъ обработокъ отдѣльныхъ его частей". Что же касается археологической стороны буддизма, въ которой именно и заключается „главное его значеніе для исторіи человѣческой культуры", то эта сторона въ литературѣ почти совершенно не затронута (стр. 3). „Ни одна религіозная литература—говоритъ авторъ далѣе (стр. 5)—не нуждается для полнаго ея пониманія въ такой мѣрѣ въ археологіи, миѳологіи и въ собраніяхъ предметовъ культа, какъ тибетско-монгольскій буддизмъ, т. е. ламаизмъ". Настоящій трудъ имѣетъ своею цѣлью сдѣлать „попытку общаго обозрѣнія наиболѣе существеннаго" въ замѣчательной коллекціи предметовъ ламайскаго культа кн. Э. Э. Ухтомскаго и тѣмъ отчасти пополнить указанный пробѣлъ въ религіозной литературѣ ламаизма.

Первая часть „обзора", кромѣ коротенькаго предисловія и введенія (стр. 3—16), заключаетъ въ себѣ: алфавитный списокъ изображеній, два списка изображеній по номерамъ собранія (статуэтки, литыя изъ металла и рѣзанныя изъ дерева или другого матеріала, терракоты, т. е. изображенія изъ обожженной глины, писанные образа) и „списокъ алтарныхъ принадлежностей, музыкальныхъ инструментовъ и т. д., книгъ". Вторая часть занята исключительно рисунками (всего 130 рисунковъ).

Эд. Пекарскій.

Handbuch des Deutschtums im Auslande. Einleitung von Prof. Dr. *Fr. Paulsen*. Statistische, geschichtliche und wirtschaftliche Uebersicht von F. Henoch.—Adressbuch der deutschen Auslandschulen von Prof. *W. Dibelius* und Prof. Dr. *G. Lenz*. Herausgegeben vom Allgemeinen Deutschen Schulverein zur Erhaltung des Deutschtums im Auslande. Berlin 1904. 8°, IX + 260.

Перевести по-русски заглавіе этой книги правильнѣе всего было бы „Учебникъ зарубежнаго германства". Какъ ни странно звучитъ оно для нашего уха, оно весьма точно, такъ какъ книга содержитъ въ себѣ краткія, но очень отчетливыя свѣдѣнія о статистическомъ распространеніи, историческихъ судьбахъ и экономическомъ положеніи нѣмцевъ во всѣхъ странахъ міра, кромѣ Германской имперіи. Задачи этой книги (изданной Всенѣмецкимъ Школьнымъ Союзомъ) кратко изложены въ небольшомъ „Введеніи", подписанномъ громкимъ именемъ профессора философіи въ Берлинскомъ университетѣ Фридриха Паульсена. Авторъ доказываетъ здѣсь, что задачи Всенѣмецкаго Школьнаго Союза нисколько не угрожаютъ политическому и національному существованію другихъ народовъ, такъ какъ онѣ носятъ исключительно оборонительный, а не аггрессивный характеръ. Мало того, проф. Паульсенъ увѣренъ даже въ томъ, что сохраненіе

нѣмецкаго элемента въ нѣмецкихъ странахъ и государствахъ соотвѣтствуетъ интересамъ ихъ самихъ, такъ какъ „служить германству значитъ служить человѣчеству, а *нѣмецкая образованность* есть *человѣческая образованность*“ (S. 1). Насколько шовинистично это положеніе, настолько нелогично умозаключеніе, посредствомъ котораго дошелъ до него берлинскій профессоръ. Прежде всего онъ указываетъ, что германскій народъ уже однимъ срединнымъ положеніемъ своей географической территоріи предназначенъ служить какъ-бы посредникомъ между культурами Запада и Востока. И дѣйствительно, вся исторія нѣмецкаго народа доказываетъ, по его мнѣнію, его необыкновенную воспріимчивость ко всему чужому. Такъ, въ эпоху Возрожденія, произведенія итальянскаго духа нигдѣ такъ охотно не потреблялись и такъ органически не сростались съ нѣмецкою сущностью, какъ по Германіи. А съ XVII в. начинаетъ свое побѣдное шествіе въ Германіи французская цивилизація, и „французскій языкъ и литература достигли въ нѣмецкомъ обществѣ почти безусловнаго господства“. Въ концѣ XVIII в. могущественное вліяніе на нѣмецкую духовную жизнь начала оказывать англійская литература и философія, отъ прикосновенія съ которыми родились такіе величайшіе геніи нѣмецкаго народа, какъ Лессингъ, Гердеръ, Кантъ, Гёте. Въ настоящее время такое же вліяніе получаетъ скандинавская литература и т. д. Это постоянное чужебѣсіе не только, однако, не послужило во вредъ германской цивлизаціи, но, наоборотъ, способствовало ея самобытности и разнообразію ея творчества, вслѣдствіе чего германскій народъ сталъ *универсальнымъ* поставщикомъ культуры для всѣхъ почти странъ и народовъ міра, а германская наука получила значеніе образца для всѣхъ культурныхъ народовъ, которые жадно стараются усвоить ея методы и результаты. Въ частности, Германія стала наиболѣе совершенной лабораторіей исторической науки. А такъ какъ послѣдняя есть не что иное, какъ самосознаніе человѣчества въ его наукообразной формѣ, то отсюда и слѣдуетъ, что нѣмецкая образованность есть образованность человѣчества, — „Deutsche Bildung — Menscheitsbildung“. Этотъ эффектный выводъ, однако, очень поспѣшенъ, такъ какъ проф. Паульсенъ не обратилъ вниманія на два важныхъ обстоятельства: 1) кромѣ нѣмцевъ, исторія знаетъ не мало другихъ пародовъ, отличавшихся необыкновенной воспріимчивостью къ чужестранному, напр., древнихъ римлянъ или славянъ, и 2) нѣмецкая историческая наука совсѣмъ не составляетъ идеала объективности и безпристрастія и уже во многихъ отдѣлахъ (напр. славянскихъ) значительно уступаетъ туземнымъ литературамъ.

Вслѣдъ за „Введеніемъ“ начинается самый „Учебникъ“. Нѣкоторые его главы (напр. посвященныя австрійскимъ, турецкимъ и русскимъ нѣмцамъ) имѣютъ немаловажный интересъ для славянскаго читателя, не смотря на несомнѣнную тенденціозность иныхъ ихъ данныхъ. Вторую часть книги составляетъ адресная книга всѣхъ зарубежныхъ (съ точки зрѣнія Германіи) нѣмецкихъ школъ, ихъ преподавателей и директоровъ. Обѣимъ частямъ предшествуетъ сводная таблица численнаго распространенія нѣмцевъ по земному шару, которую, какъ послѣднее слово статистики, мы позволяемъ себѣ привести здѣсь цѣликомъ:

Число нѣмцевъ на землѣ.

Германская Имперія	53.000.000	Испанія	3.000
Австрія	9.400.000	Португалія	1.000
Венгрія	2.150.000	Франція	100.000
Россія	2.000.000	Бельгія	100.000
Боснія	30.000	Голландія	50.000
Румынія	50.000	Люксембургъ	225.000
Сербія	7.000	Великобританія	100.000
Болгарія	4.000	Данія	50.000
Греція	1.000	Швеція	5.000
Турція	15.000	Норвегія	2.000
Швейцарія	2.320.000		
Италія	50.000	Европа	69.663.000

Европа круглымъ счетомъ	70.000.000
Азія менѣе, чѣмъ	100.000
Африка	100.000
Сѣв. Америка	11.000.000
Ср. Америка / Южная Америка	600.000
Австралія и Океанія болѣе, чѣмъ	100.000
Итого круглымъ счетомъ	82.000.000

Г. Ильинскій.

Журналы 1905 г.[1]).

Вѣстникъ Европы. 1905. *Э. В. Эриксонъ.* „Китайцы, какъ самостоятельная раса". № 1. (Некрологъ *А. Н. Пыпина*). № 1. *А. Н. Пыпинъ.* „Мои замѣтки". № 2 и 3. *Евг. Л.* („Изъ украинской старины" *Проф. Н. Ѳ. Сумцова.* Харьковъ. 1905). № 8. (*С. К. Буличъ.* „Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи", т. I (XVIII—1825 г.) съ приложеніемъ вмѣсто вступленія „Введеніе въ изученіе языка". *В. Дельбрюка.* Спб. 1904). № 1.

Русская Старина. 1905. *И. С. Бѣляевъ.* „Икотники и кликуши". № 4.

Вѣстникъ и Библіотека Самообразованія. 1905. *Академикъ А. И. Соболевскій.* „Какъ живетъ языкъ". № 2. *А. Ефименко.* „Біографія В. Б. Антоновича" № 2. (Своеобразныя формы погребенія мертвыхъ на Соломоновыхъ островахъ). № 3. *В. Рудаковъ.* „Біографія И. Е. Забѣлина". № 5. (Земское изслѣдованіе о мѣстныхъ народныхъ праздникахъ). № 5. *А. Е.* „Что замѣняло въ древности личность" № 7. (Ростъ карликовыхъ народовъ). № 12. *П. Ю. Шмидтъ.* „Островъ Сахалинъ". № 18. *П. Берлинъ.* „Дѣтоубійство у дикихъ и древнихъ народовъ". № 19. *А. Б.* „Колесо какъ религіоный символъ". № 32. *Г. Ш.* (Пигмеи изъ лѣсовъ Конго). № 50.

Естествознаніе и Географія. 1905. (Происхожденіе и возрастъ языка). № 2. *Поль Брока.* „Антропологія". Пер. А. Н. Никитина. №№ 5 и 6. Некрологъ Адольфа *Бастіанъ.* Пер. *Е. С.* № 5. (Уганда и ее населеніе. Африка). № 7.

Историческій Вѣстникъ. 1905. № 1. *М. С—скій.* (*П. Мартыновъ.* Селенія Симбирскаго уѣзда).

А. X—въ. (Eine Sommerfahrt in dem hohen Kaukasus. Zwei Vorträge gehalten in der Sektion des D. u. Oe. Alpenvereins, von *H. Wagner.* 1904).

№ 2. *А. Я.* (*Проф. М. Грушевскій.* Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спб. 1904).

А. В. С. (*А. Е. Алекторовъ.* Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ. Казань. 1900).

А. Хахановъ. (Семитическіе народы и языки. *Теодора Нёльдеке.* Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лазаревскимъ инстит. восточн. языковъ. Вып. V. 1903).

Я. Ав—въ. (*А. Е. Крымскій.* Филологія и Погодинская гипотеза. Кіевъ. 1904).

№ 4. *А. Я.* (*И. Абрамовъ.* „Царь Максимиліанъ", святочная кумедія. Спб. 1904).

П. Д. (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изд. управ. Кавказ. учебн. округа. Тифлисъ. 1904).

А. Хахановъ. (Кавказъ. Роча, Горійскій уѣздъ, горы Осетіи. Пшаветія, Хевсуретія и Сванетія. Путевыя замѣтки *граф. Уваровой.* Часть III. М. 1904).

И. Александровъ. (Архим. *Месропъ теръ-Мавсесянъ.* Раскопки развалинъ церкви св. Григорія близъ Эчміадзина. Спб. 1904).

№ 5. *С. Непейнъ.* Изъ сѣверныхъ преданій.

А. И. Яцимирскій. (Орнаменты на памятникахъ древне-русскаго искусства. Изд. Н. П. Сырейщикова и Д. К. Тренева. Вып. I. Москва. 1904).

№ 7. *А. Хах—овъ.* (*Ѳ. С. Красильниковъ.* „Кавказъ и его обитатели". Вып. I. Осетины. М. 1905).

И. Александровъ. (Соч. Чокана Чингисовича *Валиханова.* Изд. подъ ред. Н. И. Веселовскаго. Спб. 1904).

№ 8. *П. Д.* (*Д. Зеленинъ.* Народныя присловья и анекдоты о русскихъ жителяхъ Вятской губерніи. (Этнограф. и историческо-литературный очеркъ). Вятка. 1904).

А. Хах—овъ. (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изъ управ. Кавказ. учеб. округа. Вып. XXXV. Тифлисъ. 1905 г.).

А. Б.

[1]) Въ скобки взяты мелкія замѣтки и рецензіи на книги.

Списокъ книгъ, присланныхъ въ редакцію.

Абрамовъ, Ив. По Военно-Грузинской дорогѣ. (Путевой очеркъ). Отд. отт. изъ—„Всходы". 1906 г., янв.

Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. Kwestya polska w Rosyi w związku z innemi kwestyami kresowemi i „innoplemiennemi". Kraków. 1905. (ze Sw. słow.)

Его-же. Нѣсколько случаевъ психически-морфологическаго уподобленія или уодноображенія въ терскославянскихъ говорахъ сѣверо-восточной Италіи. Спб. 1905. (Изъ „Извѣст. Отд. р. яз. и слов. И. А. Н. 1905 г.").

Его-же. О транскрипціи польскихъ мѣстныхъ названій. (Имп. Русск. Геогр. О-во. Картограф. Комиссія. 1905 г. Къ проток. подком. № 4) 26 стр. 7.

Виноградовъ, Н. О народномъ говорѣ Шунгенской волости, Костромского уѣзда. Спб. 1905.

Его-же. Великорусскій вертепъ. Предисловіе. Текстъ вертепной драмы. Библіографическій указатель литературы по вопросу о „Вертепномъ дѣйствѣ". Спб. 1906.

Грунскій, Н. К. Пражскіе глаголическіе отрывки. Памятники старославянскаго языка. Т. I, вып. 4-й. Изд. Отд. Русск. яз. и слов. И. А. Н. Спб. 1905. 27 стр.+4 табл.

Зеленинъ, Дмитрій. Троецыплятница. (Этнографическое изслѣдованіе). Вятка. 1906. 54 стр.

Кондаковъ, Н. П. Изображенія русской княжеской семьи въ миніатюрахъ XI вѣка. Съ 6 таблицами и 13 рис. въ текстѣ. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1906. 123+11 ненум. стр.

Коропчевскій, Д. А. Значеніе „географическихъ провинцій" въ этногеническомъ процессѣ. Диссертація на степень магистра. Спб. 1905. 225 стр.

Лавровъ, П. А. (редакц.) Палеографическіе снимки съ юго-славянскихъ рукописей болгарскаго и сербскаго письма. Выпускъ I. XI—XIV в. Изд. Спб. Археологическаго Института. (Спб. 1906 г.) 64 табл.+2+4 стр.

Отчетъ Алтайскаго Подъотдѣла Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. О-ва. За 1904 годъ. Барнаулъ. 1905. 36+28 ненумерован. стр.

Отчетъ о дѣятельности Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. За 1903 г. Омскъ. 1905. 26 стр.

Отчетъ о дѣятельности историко-филологическаго общества при Имп. Новороссійскомъ Университетѣ, за 1903—1904 г. Одесса. 1905. 9 стр.

Отчетъ о дѣятельности Императорской Академіи Наукъ по физико-мат. и историко-филологическому отдѣленіямъ, за 1905 г., составленный акад. С. Ѳ. Ольденбургомъ. Спб. 1905. 168+3 стр.

Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Имп. Акад. Наукъ, за 1905 г., составленный акад. Н. П. Кондаковымъ. Спб. 1905. 72 стр.

Отчетъ по Кавказскому музею и Тифлисской публичной библіотекѣ, за 1904 годъ. Тифлисъ. 1905. 59 стр.

Паткановъ, С. Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири на основаніи данныхъ переписи населенія 1897 г. и другихъ источниковъ. Ч. I. Тунгусы собственно. В. 2-й. Спб. 1906. стр. 283+IV ненум. (Записки И. Р. Г. О-ва по отд. Этнографіи, т. XXXI, ч. I, в. 2).

Пермскій. Научно-Промышленный Музей. Отчетъ Пермскаго Музея за 1904 г., съ біографіею и портретомъ Ѳ. А. Теплоухова. Пермь. 1905.

Русскія повѣсти XVII—XVIII вв. Подъ редакціей и съ предисловіемъ В. В. Сиповскаго—I. Спб. 1905.

Смирновъ, Н. А. Раскопки... въ Клинскомъ уѣздѣ. Спб. 1903. (Отт. изъ V тома Русск. Отд. „Записокъ И. Р. Г. О-ва").

Спицынъ, А. Новыя свѣдѣнія о мѣдномъ вѣкѣ въ средней и сѣверной Россіи. (Изъ „Зап. Русск. Отд. И. Р. Арх. О-ва", т. II). 10 стр.

Трощанскій, В. Ф. Опытъ систематической программы для собиранія свѣдѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ. Казань. VII+63 стр.

Успенскій, А. И. Древнія иконы изъ разныхъ церквей и частныхъ собраній. М. 1905. 7 стр.+V табл. (Изъ сборн. „Московск. церк. старина", т. III).

Чернышевъ, В. Одно старинное любовное письмо. Спб. 1906. (Оттискъ изъ „Сборника въ честь В. И. Ламанскаго"). 3 стр.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Два слова къ вопросу о курскихъ и тульскихъ говорахъ.

Въ послѣдней книжкѣ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“ (1905 г. № 3, стр. 38) академикъ *А. И. Соболевскій*, разсматривая новую книгу проф. *М. Г. Халанскаго* о „народныхъ говорахъ Курской губ.“ (Спб. 1904), отмѣтилъ въ этой книгѣ „наводящую на размышленія“ фразу, записанную проф. Халанскимъ отъ кого-то изъ „горюновъ“ Путивльскаго уѣзда: „мы—однодворцы, дворянскаго рода *сцакуны*“. А. И. Соболевскій высказываетъ предположеніе: „можетъ быть, сцакупы—то же, что цуканы́?“

Гораздо проще будетъ, на нашъ взглядъ, думать, что *сцакуны*—якающее произношеніе слова *щекуны́*. Подъ этимъ послѣднимъ прозвищемъ извѣстны однодворцы (они же „талага́и“) Воронежской губ. (Воронежск. Бесѣда, стр. 266; Воронеж. Юбилейн. Сборн. II, 269; срв. „Опытъ русской діалектологіи“ проф. А. И. Соболевскаго, 22, прим. 4).

Щекунъ, женск. *щеку́ха* означаетъ „произносящій *що* вмѣсто „что“ (см. ibidem). Такимъ произношеніемъ этого мѣстоименія и дѣйствительно характеризуются однодворцы — соціальная группа, имѣвшая свой особенный говоръ (и при томъ сыгравшій немалую роль въ исторіи южно-великорусскихъ говоровъ, какъ то мы пытаемся доказать въ особомъ своемъ трудѣ). И въ Рязанской губ. жители „вольныхъ селъ“ (respect. бывшіе однодворцы), въ виду той-же самой черты своего говора извѣстны у „барскихъ“ (помѣщичьихъ) крестьянъ подъ равнозначущимъ прозвищемъ „щóкалки“ (Р. Ф. Вѣстн. т. XXVII, стр. 171, ст. Будде).

Правда, горюны, судя по записямъ Халанскаго (стр. 114), говорятъ не *що*, а *што*. Мало того, самый звукъ *щ* имъ неизвѣстенъ: онъ замѣненъ двойнымъ *шш* (шшука, шше „еще“). Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ нужно объяснять и то, почему горюнъ не произнесъ *щякуны́*, а *сцакуны́* (какъ-бы цокая), и притомъ съ какимъ-то неяснымъ звукомъ *ц* (въ записи Халанскаго надъ этимъ *ц* стоитъ еще буква *к*).

Но „горюны“, безспорно, не настоящіе однодворцы. Возможно, конечно, что нѣкоторые изъ нихъ поступали въ число „служилыхъ людей“ Московскаго государства или, скорѣе, бывшіе служилые люди, обѣднѣвъ, селились на монастырскихъ земляхъ. Но это не

было сколько-нибудь общимъ явленіемъ. Исторія знаетъ „горюновъ" въ качествѣ монастырскихъ крестьянъ. Костюмъ ихъ (равно какъ и говоръ) также не однодворческій.

Заговоривъ о книгѣ проф. Халанскаго, попутно укажу, что подъ „*Волымемъ*", съ котораго переведены въ началѣ XIX в. помѣщикомъ „цуканы" дер. Анненковой, Щигровскаго уѣзда (стр. 30), нужно разумѣть рѣку Алымь или Олымъ, протекающую по Воронежской и Орловской губерніямъ и впадающую въ Сосну. Рѣка эта упоминается, съ тѣмъ-же именемъ, еще въ „Книгѣ Большаго Чертежа". Произношеніе „Волынь" говоритъ въ пользу предположенія Халанскаго, что анненковскіе цуканы „прежде очень слабо акали" (стр. 32).—Предположеніе А. И. Соболевскаго (стр. 40), что цуканы эти вышли „изъ мѣстности недалекой отъ Москвы (къ югу отъ нея)", всѣмъ сказаннымъ еще не устраняется, такъ какъ передвиженія помѣщичьихъ крестьянъ происходили иногда очень часто, и „цуканы" могли жить на Олымѣ очень короткое время.

Еще по поводу книги проф. Халанскаго можно было бы замѣтить, что *И. Н. Миклашевскій*, книгу котораго не разъ цитируетъ нашъ авторъ (стр. 37, 41), говоря о первыхъ насельникахъ гор. Карпова, видитъ этотъ городъ не на мѣстѣ нынѣшней Карповки, Бѣлгородскаго у., а на мѣстѣ слободы Пушкарной, Грайворонскаго у. („Къ исторіи хозяйств. быта Москов. государства", стр. 74). Но въ данномъ случаѣ ошибочнымъ нужно признать едва-ли не мнѣніе г. Миклашевскаго. Проф. *Багалѣй* (Очерки изъ исторіи колонизаціи степей окраины Моск. госуд., 198 прим.) видитъ гор. Карповъ также въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ.

По вопросу о говорахъ *Тульской губ.* мнѣ хотѣлось-бы сдѣлать нѣсколько подобныхъ-же замѣчаній по поводу статьи проф. *Е. Ѳ. Будде* „О нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ въ Тульской и Калужской губ.", напечатанной въ т. III-мъ „Извѣстій Отдѣл. русск. яз. и слов. И. А. Н.", кн. 3 и 4.

Въ юго-западномъ углу Богородицкаго у. проф. Будде встрѣтилъ акающій говоръ, характеризующійся присутствіемъ элементовъ сѣверо-великорусскихъ, каковы: смычное *г*, твердое *-тъ* въ 3-мъ лицѣ глаголовъ, звукъ *ф*. Мѣстное аканье „сильнѣе московскаго", но „не такое выдержанное и полное, какъ въ говорахъ Рязанской губ." (стр. 902 и 1328). Говоръ этотъ наблюдается въ пунктахъ: с. Ростово, дер. Богоявленка, с. Новгородское, и нѣк. друг.

О названныхъ селеніяхъ мы имѣемъ свидѣтельства мѣстныхъ авторовъ. И свидѣтельства эти могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на исторію разсматриваемаго говора.

Въ книгѣ „Приходы и церкви Тульской Епархіи. Извлеченіе изъ церковно-приходскихъ лѣтописей" (Тула. 1895) читаемъ: „крестьяне д. Богоявленки были переселенцами изъ Ярославской губ.

и принадлежали къ вѣдомству монастырскихъ крестьянъ. Это видно изъ того, что крестьяне этой деревни до послѣдняго времени, а нѣкоторые и теперь, *говорятъ съ Ярославскимъ акцентомъ на о* и празднуютъ, какъ храмовой праздникъ, 29 октября, день преп. Авраамія *Ростовскаго* чудотворца" (стр. 126). Относительно села Ростова, въ приходѣ котораго состоитъ и дер. Богоявленка, сообщается: „По устному преданію, село Ростово образовалось будто-бы изъ переселенныхъ сюда крестьянъ изъ Ростовскаго уѣзда, Ярославск. губ., принадлежавшихъ монастырю". Соглашаясь съ этимъ преданіемъ, мѣстный авторъ, въ подтвержденіе его, указываетъ на сходство имени села съ именемъ гор. Ростова, а также на церковь Преображенія Господня въ Спасскомъ монастырѣ, что на Пескахъ, близъ Ростова: храмъ въ селѣ Ростовѣ также во имя Преображенія. (Стр. 126). Наводящее на размышленія названіе села „Новгородское" объясняется тѣмъ, что мѣстный храмъ посвященъ памяти свв. Никиты и Іоанна *Новгородскихъ* чудотворцевъ. „Народное преданіе—читаемъ въ той-же книгѣ (стр. 124)—объясняетъ, почему храмъ въ селѣ устроенъ во имя Новгородскихъ святыхъ. Говорятъ, что первые жители этого села были переселенцами изъ Новгородской губерніи и будто предки ихъ были крестьянами Новгородскихъ владыхъ". (Стр. 124).

Что до времени основанія упомянутыхъ селъ, то оно относится ко второй половинѣ XVIII вѣка. Въ с. Ростовѣ храмъ построенъ въ 1784 г., въ с. Новгородскомъ—не позднѣе 1767 г. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ позднѣйшими переселенцами изъ сѣверныхъ губерній. Большая часть ихъ переселилась, вѣроятно, послѣ освобожденія монастырскихъ крестьянъ. „Для рѣшенія вопроса о древнѣйшихъ границахъ сѣверновеликорусскаго племени" разсматриваемый говоръ врядъ-ли можетъ дать хоть какія-либо данныя.

Окающіе говоры спорадически встрѣчаются и въ Епифанскомъ уѣздѣ, гдѣ появленіе ихъ также объясняется позднѣйшими переселеніями. Относительно села *Березовки* (что на р. Непрядвѣ) „среди народа до сихъ поръ твердо держится преданіе, что одинъ изъ Ляпуновыхъ (мѣстныхъ помѣщиковъ) переселилъ сюда своихъ крестьянъ-крѣпостныхъ изъ Тверской губ. Это подтверждается отчасти тѣмъ, что крестьяне с. Березовки до сихъ поръ удержали окающее нарѣчіе". (Opus citat. 287) Приходъ села *Черемухова*, „по преданію, составился изъ переселенцевъ, вышедшихъ изъ Ярославской губ. Это подтверждается преобладаніемъ окающаго нарѣчія мѣстныхъ жителей предъ акающимъ нарѣчіемъ жителей сосѣднихъ и другихъ приходовъ Тульской епархіи". (Стр. 311). Храмъ въ этомъ селѣ существуетъ съ 1734 года.

Д. Зеленинъ.

Существуютъ-ли въ русскомъ языкѣ слова: кагора и кагорщикъ?

Въ лучшемъ изъ существующихъ словарей русскаго языка, въ словарѣ В. И. Даля, мы находимъ, между прочимъ, слова: 1) *кагóра*, ж. или мн. *кагóры* „почтовыя собаки, олени, либо лошади". *Ѣхать на кагорахъ* „ѣхать на почтовыхъ, на перемѣнныхъ" и 2) *кагóрщикъ*, м. „проводникъ, погонщикъ, почтовый ящикъ, особенно при ѣздѣ на собакахъ". Цитирую по третьему, критическому, изданію словаря (т. II, столб. 172), гдѣ эти слова остались безъ всякихъ отмѣтокъ со стороны редакціи. Оба слова помѣчены камчатскими.

Нѣсколько ниже (II³, столб. 252) въ томъ-же словарѣ видимъ камчатскія-же (и вмѣстѣ вообще сибирскія) слова: *каю́ра, каю́рщикъ*, м. „вощикъ, ямщикъ, проводникъ, кучеръ при ѣздѣ на собакахъ"; *каю́рить* „править собаками въ упряжи"; *каю́рный* „относящійся къ ѣздѣ на собакахъ"; *каю́рство*.

Точныя (по губерніямъ) отмѣтки географическаго распространенія областныхъ словъ мы встрѣчаемъ въ словарѣ Даля почти исключительно при словахъ, взятыхъ лексикографомъ изъ письменныхъ или печатныхъ источниковъ. Что касается, въ частности, до словъ камчатскихъ, то, какъ извѣстно изъ біографіи В. И. Даля, послѣдній самъ на Камчаткѣ не былъ и, слѣдовательно, о его личныхъ записяхъ въ данномъ случаѣ думать нельзя.

Камчатское слово *каюра* и всѣ, приведенныя въ словарѣ Даля, производныя отъ него извѣстны намъ и изъ другихъ источниковъ, которыми и могъ воспользоваться нашъ словарникъ, а именно, ихъ мы находимъ въ „Москвитянинѣ" 1842 г. (ч. II, кн. III, стр. 243) и въ „Опытѣ областного словаря" (взято изъ „Москвитянина"). Въ недавнее время слова эти (*каюрить, каюрщикъ* и *каюръ*) отмѣчены г. Богоразомъ на Колымѣ (Сборникъ Отд. русс. яз. и слов. И. А. Наукъ). Ясно, что и никакого сомнѣнія въ существованіи этихъ словъ быть не можетъ.

Иначе совсѣмъ обстоитъ дѣло съ словами: *кагора* и *кагорщикъ*. Этихъ словъ мы рѣшительно нигдѣ, кромѣ словаря Даля, не находимъ. А между тѣмъ полное соотвѣтствіе ихъ значенія и географическаго распространенія къ столь близкимъ по формѣ (на письмѣ) *каюра* и *каюрщикъ* невольно вызываетъ сомнѣніе. Откуда же взяты эти слова лексикографомъ?

Наши разысканія въ этомъ отношеніи привели насъ къ выводу, что источникомъ для Даля въ данномъ случаѣ послужили записки небезызвѣстнаго путешественника начала XIX столѣтія, Вас. Мих. Головнина. Послѣдній былъ на Камчаткѣ въ 1809—1811 годахъ. Въ его запискахъ имѣется и „Собраніе словъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ жителями Камчатки". Мы не знаемъ, когда именно эти записки написаны, но во всякомъ случаѣ не позднѣе 1831 года (годъ смерти В. М. Головнина). Что Даль пользовался словарикомъ Головнина, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Камчатскія слова: *ко!* „ай!", *лача* „ловля", *мандара* „оленья кожа" и нѣкоторыя другія имѣются только у Головнина и у Даля.

Словарикъ Головнина напечатанъ былъ въ 1861 году, въ книгѣ

„Матеріалы для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ Восточнаго Океана“ (Приложеніе къ „Морскому Сборнику“ 1861 г.), вып. II. Здѣсь мы находимъ интересующія насъ слова въ такомъ видѣ (стр. 125): *каюра, каюры* „почтовыя подводы на собакахъ или верхомъ на лошадяхъ“; *ѣхать на каюрахъ* „ѣхать на почтовыхъ“; *каюрщикъ* „проводникъ“. Все это до буквальности сходно съ тѣмъ, что мы читаемъ у Даля подъ словами: *кагора* и *кагорщикъ*; ничтожная разница лишь въ внесенныхъ Далемъ комментаріяхъ къ краткимъ поясненіямъ Головнина. Подобные комментаріи въ словарѣ Даля очень обычны.

В. И. Даль, очевидно, пользовался словарикомъ Головнина въ рукописи, причемъ и прочиталъ, ошибочно, вмѣсто *каюра* и *каюрщикъ*—*кагора* и *кагорщикъ*, что такъ естественно, особенно при неразборчивости рукописи. Характерно, однако-же, что издатели записокъ Головнина разобрали злополучныя слова правильно. (Быть можетъ, Даль пользовался какой-нибудь копіей?).

Ясно, что словамъ „кагора“ и „кагорщикъ“, какъ явившимся путемъ простого недоразумѣнія, въ словарѣ русскаго языка мѣста не должно быть.

Предоставляемъ знатокамъ сибирскихъ инородческихъ языковъ указать источникъ заимствованія слова *каюра*. Этимологія слова должна будетъ упрочить наши выводы, добытые инымъ путемъ.

Д. З.

Бурлаки на Днѣпрѣ.

Тяжелый бурлацкій трудъ все еще имѣетъ примѣненіе и въ наше время.

Правда, въ нашъ вѣкъ пара и электричества этотъ трудъ значительно сократился, но кое гдѣ по прежнему бурлаки тянутъ свою тяжелую лямку и оглашаютъ бурлацкими пѣснями, похожими на стонъ, глухія прибрежныя мѣста.

Минувшимъ лѣтомъ я видѣлъ бурлаковъ на верхнемъ теченіи Днѣпра, совершавшихъ свою путину отъ станціи Гусино (близъ Орши) до Смоленска.

Рядъ барокъ или лайбъ, нагруженныхъ камнемъ, тихонько подвигался противъ теченія; каждую барку тянули четыре бурлака за длинную и крѣпкую бичеву:

Почти пригнувшись головой
Къ ногамъ, обвитымъ бичевой,
Обутымъ въ лапти, вдоль рѣки
Ползли гурьбою бурлаки...

И въ ихъ числѣ была одна женщина, трудившаяся также усердно Бурлаки получаютъ отъ хозяина 16 рублей въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ. Отъ Гусина до Смоленска они совершаютъ свой путь, обыкновенно, въ четыре дня. На одной изъ лайбъ устроена будка и приспособленія для приготовленія пищи. Иногда нѣсколько крестьянъ (бѣлоруссовъ) складываются вмѣстѣ, изготовляютъ на общій счетъ барку и сами вмѣстѣ со всѣми взрослыми членами сво-

ихъ семей перевозятъ на баркѣ въ города дрова, фрукты, овощи и т. д.; еще чаще перевозятъ камень въ Смоленскъ для мостовыхъ и построекъ, камня при этомъ кладутъ „по два куба“ на каждую лайбу, и за каждый доставленный кубъ получаютъ по 30 руб.

Такъ каждое лѣто и таскаютъ бурлаки лайбы по верхнему теченію Днѣпра.

Ив. Абрамовъ.

Почему въ Россіи умираетъ много дѣтей?

(Народная легенда).

Отъ одной старухи въ Тульской губерніи я слышалъ слѣдующую легенду:

... „У нѣкоторой женщины умерло подрядъ трое дѣтей. Схоронила мать третьяго ребенка и пошла обливаясь слезами въ Божью церковь. Покрыла она чистымъ полотенцемъ, разноцвѣтными узорами изукрашеннымъ, образъ Матери Божьей, упала передъ нимъ на колѣни и стала слезно умолять Заступницу, чтобы не отбирала она на будущее время ея малыхъ дѣтей. Вотъ родился четвертый ребенокъ. Радуется мать, не наглядится на него, не налюбуется. Исполнился годикъ мальчику; и стало дитя хирѣть, и какъ свѣча таять. И умерло дитя... Тогда возроптала женщина. Снова пришла она въ храмъ; стала передъ образомъ Богоматери и такъ говорила:

— Я твой образъ покрывать приходила! Какъ я умоляла, упрашивала тебя! Ты же, Пречистая, снова отняла моего ребеночка... Даромъ отдала я тебѣ свое полотенце!..

Пришла та женщина домой, дождалась вечера и спать легла. Встаетъ она по-утру,—глядитъ, лежитъ у нея подъ бокомъ то самое полотенце, которымъ она Матерь Божію покрывала...

Опечалилась тогда женщина и испугалась.

Взяла она то полотенце и явилась къ священнику:

— Отслужите, батюшка, молебенъ Божьей Матери и примите обратно мое полотенце на украшеніе храма...

Помолилась женщина на молебнѣ, пришла домой, дождалась вечера и легла спать.

И видитъ женщина во снѣ чудесное видѣніе: спустилась къ ея изголовью Божья Матерь, окруженная ангелами, архангелами, херувимами и серафимами. Исходили отъ нея лучи, на подобіе солнечныхъ, и золотымъ сіяніемъ наполнили всю комнату.

— Не ропщи и не сѣтуй, бѣдная женщина!—сказала Божья Матерь,—велико твое материнское горе. Вѣдь и я горько рыдала, когда распинали Моего Сына... Только все же никакъ нельзя было оставить въ живыхъ малыхъ твоихъ ребенковъ... А почему ихъ нельзя оставить въ живыхъ—ты увидишь сейчасъ.

И вотъ предстали предъ женщиной всѣ ея дѣти, уже пришедшія въ возрастъ.

— Вотъ,—говоритъ Божья Матерь,—это старшій твой сынъ, онъ разбойникъ и убійца. Вотъ твоя дочь, она блудница, живетъ по большимъ городамъ и торгуетъ своимъ тѣломъ. Вотъ второй

сынъ,—онъ поджигатель. Вотъ последній,—онъ богоотступникъ. Жалѣючи тебя и ближнихъ твоихъ, я забрала ихъ отъ тебя въ молодыхъ лѣтахъ. Такъ и хозяинъ хорошій не всѣхъ домашнихъ животныхъ оставляетъ на племя, а только тѣхъ, которые стоющіе"...

Такъ утѣшаютъ себя бѣдныя матери, теряющія у насъ, какъ извѣстно, 300 дѣтей на тысячу ежегодно.

Иванъ Абрамовъ.

Мелочи

историко-литературныя и этнографическія [1]).

V. **Народныя любовныя письма.** А. Н. Островскій въ своихъ произведеніяхъ очень часто пользовался народною словесностью, влагая въ уста дѣйствующихъ лицъ соотвѣтствующія ихъ званію и положенію мѣткія словечки, пословицы, поговорки и т. п. Было бы, конечно, очень интересно опредѣлить и выяснить, въ какой мѣрѣ вообще и какимъ матеріаломъ въ данномъ отношеніи пользовался великій драматургъ. Это тѣмъ болѣе любопытно, что онъ, вводя иногда въ свои драмы обширныя, сравнительно, произведенія народнаго творчества, по большей части пользовался лишь незначительными отрывками, часто однимъ—двумя стихами. Но это—работа для одного человѣка непосильная; она можетъ быть произведена только цѣлымъ рядомъ лицъ, въ своихъ трудахъ взаимно пополняющихъ другъ друга.

Въ „Сборникѣ въ честь В. И. Ламанскаго" (Спб. 1905 г.) г. В. Чернышевъ дѣлаетъ такого рода попытку. Приведя слова свахи Красавиной (изъ комедіи „Свои собаки грызутся, чужая не приставай") о Бальзаминовѣ: „А онъ еще въ концѣ-то стихъ прибавилъ: „Взвейся, вихорь, вѣтерочекъ, отнеси ты сей листочекъ— въ объятія тому, кто милъ сердцу моему". А на пакетѣ-то написалъ: „Лети туда, гдѣ примутъ безъ труда". Стихомъ-то ужъ онъ ее больше и убѣдилъ" [2])—онъ даетъ цѣлое письмо „одного изъ Бальзаминовыхъ нашего времени"...

Но въ этомъ письмѣ, во-первыхъ, смѣшаны въ одно цѣлое и текстъ письма, и надпись на „пакетѣ", а во-вторыхъ, какъ сознается и самъ авторъ письма, текстъ далеко не полонъ. „Дорогая N", пишетъ онъ „можно было бы написать и еще больше, но, вѣдь, все это напрасный трудъ, а поэтому пока ограничимся этимъ".

Въ моемъ собраніи матеріаловъ по народной словесности и пр. имѣется цѣлый рядъ такого рода любовныхъ писемъ, писанныхъ грамотными и неграмотными (подъ ихъ диктовку) крестьянами, а также мѣщанами и лицами изъ числа, такъ называемой, сельской интеллигенціи. Большая часть подобныхъ писемъ значительно полнѣе приводимаго г. В. Чернышевымъ письма. Поэтому въ дальнѣйшемъ я и приведу два наиболѣе полныхъ и типичныхъ письма:

---

[1]) См. вып. I. Смѣсь, стр. 3.

[2]) *Островскій, А. Н.* Собраніе сочиненій, т. III, стр. 17. Спб. 1874.

I Письмо неграмотной дѣвушки-крестьянки къ милому.

Беру я перо въ руки,
Начинаю писать отъ скуки;
Перо мое золотое,
Пишу письмо дорогое:
Сахару медовому,
Яблочку садовому,
Меду сычёному,
Винограду зеленому,
Свѣту—пересвѣту,
Тайному совѣту,—
Имени тебѣ нѣту;
Про имя твое
Знаетъ сердце мое:
По тебѣ мое сердце вздыхаетъ,
Давно къ себѣ дожидаетъ.
Не сокрушался бы милъ заочно обо мнѣ,
Побывалъ бы милъ, какъ можно скорѣе ко мнѣ.
Какъ корабличекъ на морѣ,—
Остаюся такъ я въ горѣ;
Какъ корабликъ на пескѣ,—
Остаюсь по вамъ въ тоскѣ.
Цѣлую васъ
Несчетно разъ.

Надпись на оберткѣ:

Лети, мое письмо, взвивайся,
Никому въ руки не давайся;
Лети, мое письмо, выше лѣсу, выше горъ,—
Прямо къ NN на дворъ.

Идётъ сіе письмо отъ NN къ другу сердечному NN прямо въ собственныя руки. Никому его не читать и въ руки не отдавать [1]).

II. Письмо грамотной мѣщанки къ милому.

Во первыхъ строкахъ беру я перо въ руки
И пишу я сіе письмо отъ скуки;
Лети, мое письмо, къ тому,
Кто милъ сердцу моему,—
На чужедальнюю сторонку
Къ расхорошему миленку:
Какъ во дальней сторонѣ
Спомни, милый, обо мнѣ;
Спомни, спомни ты меня,
Какъ любила я тебя.
Какъ розовъ цвѣтъ въ лѣтѣ,
Такъ ты милъ мнѣ на свѣтѣ.
Два голубя, одинъ духъ,—
Два голоса, одинъ слухъ,
Поцѣлуй, любезный другъ.
Какъ бы я была богата,—
Подарила бы златомъ;
А нонича бѣдна,—
Только ленточка одна.

Надпись на оберткѣ:

Взвейся, вѣтеръ-вѣтерочекъ,
Подними ты сей листочекъ.
Лети, письмо, туда,
Гдѣ примутъ безъ труда;
Лети, письмо, къ тому,
Кто милъ сердцу моему,
Упади на бѣлу грудь
И скажи: „не позабудь!“
Если-жъ будешь непріятно,—
Возвратись ко мнѣ обратно.

Письма мужчинъ короче, болѣе путаны и нескладны и страдаютъ нѣкоторой сочиненностью.

Здѣсь же я долженъ замѣтить, что среди крестьянъ Костромской и сосѣднихъ губерній имѣется сильное влеченіе къ писанью такого рода писемъ. Даже въ письмахъ къ солдатамъ и отъ нихъ на родину, на ряду съ формулой „Прошу (или посылаемъ мы свое) я вашего родительскаго благословенія, навѣки нерушимаго,

---

[1]) Ошибки противъ правописанія исправлены и знаки препинанія разставлены.

которое по гробъ жисти сосуществовать могетъ“,—жена мужу пишетъ:

Свѣтику бѣлому,
Яблочку спѣлому,
Меду сыченому,
Колечку позлаченому...

А мужъ, въ свою очередь, отвѣчаетъ:

Солнышку ясному,
Яблочку красному,
Сахару толченому,
Винограду зеленому...

А въ концѣ письма обычна приписка: „Цѣлую васъ несчетно разъ“.

Даже въ письмахъ учениковъ къ учащимъ встрѣчаются такого рода попытки риѳмованной рѣчи: „Жаворонку полевому—учителю дорогому“... или „Еще ласточкѣ полевой, учительницѣ дорогой“... и т. под.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Костромской губ. стихи, подобные вышеприведеннымъ, настолько извѣстны всѣмъ, что отрывки ихъ вставляются въ разговоръ, какъ пословицы, вышиваются на платкахъ и вытыкаются на поясахъ, предназначенныхъ въ подарокъ „шептуну“, „прихехенькѣ“.

Что же касается заключительныхъ словъ замѣтки г. В. Чернышева: „Самое письмо написано изящнымъ, оригинальнымъ размѣромъ произведеній старинной народной поэзіи. Стихи въ немъ риѳмованы, что рѣдко бываетъ въ народныхъ произведеніяхъ“,—то, вполнѣ соглашаясь съ второй половиной этой цитаты, относительно первой фразы я долженъ замѣтить, что размѣръ подобныхъ стиховъ мнѣ напоминаетъ риѳмованную прозу лубочныхъ картинъ. И притомъ едва ли это размѣръ произведеній старинной народной поэзіи.

Н. Виноградовъ.

Стихъ о страшномъ судѣ.

Съ западной сторонушки въ подвосточную
Идутъ грѣшные христіане на престрашный судъ.
Встрѣчаетъ ихъ Небесный Царь:
„Подите, питающіе, подите, труждающіе,
Во мой прекрасный рай и въ царство небесное!
Отведите проклятыхъ въ огнь и муки вѣчныя,
И всѣмъ вамъ грѣшнымъ будутъ муки разныя:
Пьяницамъ и бражницамъ—чады горькіе и смрады великіе;
Ворамъ и разбойникамъ—огни горячіе и смолы кипячія;
Старицамъ и блудницамъ—печи мѣдныя и затворы желѣзные;
Ростовщикамъ и процентщикамъ—мѣсто адово и пропасть глубокая;
Дѣтей душегубницамъ—змѣи изсыхающія [1]) и кости растирающія;
Плясунамъ и гудовщикамъ, и веселымъ волынщикамъ—
Плачъ неутѣшимый, огнь неугасимый, зубное скрипѣніе и слезное рыданіе.

Записалъ *К. Е. Охотинъ* въ Ничижмѣ, Пудожскаго уѣзда.

---

[1]) М. б. „изсушающія“? *Н. В.*

Мордовская историческая пѣсня.

Ахъ, гдѣ горящій огонь горитъ?
Ахъ, гдѣ палящій огонь палитъ?
Въ дальней степи огонь пылаетъ...
Зачѣмъ въ дальней степи огонь пылаетъ?
Должность себѣ Петръ Великій проситъ,
Престолъ отцовскій онъ себѣ желаетъ...
„Вотъ, на службѣ отцовской тебѣ не служить,
„Вотъ, въ чинѣ отцовскомъ тебѣ не быть!"
— Почему не быть?!
— Я три года оброка не буду брать,
— Три года солдатъ не буду собирать,
— Буду на бояръ кошачій моръ я напускать;
— Я совью три веревки
— И веревки пошлю,
— Я пошлю ихъ на три стороны:
— Какъ одну я пошлю на востокъ,
— На западъ другую,
— А третью?
— А третью—туда, гдѣ самъ служить думаю...

Записана и переведена *К. Афанасьевымъ* въ д. Мурзы, Ардатовскаго у., Симбирской г., въ 1903 г.; доставлена *Н. В—вымъ*.

Хроника.

М. С. Дриновъ (†28 февр. 1906 г.), по происхожденію болгаринъ, родился въ то время, когда его родинѣ были нужны именно такіе люди. На зарѣ свободы балканскихъ славянъ, когда только что начинала воскресать изъ мертвыхъ угнетенная Болгарія, появляется М. Дриновъ съ яркимъ факеломъ науки, освѣщаетъ и оживотворяетъ прошлое своего народа, чѣмъ полагаетъ краеугольный камень культурнаго развитія своихъ братьевъ.

Прежде всего его взоръ остановился на самомъ отдаленномъ прошломъ Балканскаго полуострова. Первымъ его научнымъ трудомъ былъ „Прегледъ врьхъ происхожданьето на блъгарский народъ и началото на блъгарската история“ (Вѣна. 1869). И сейчасъ же послѣ этого онъ занялся разсмотрѣніемъ одного изъ самыхъ главныхъ современныхъ вопросовъ въ Болгаріи—вопросомъ объ исторіи болгарской церкви: „Исторически прѣгледъ на блъгарската цьрква отъ самото й начало и до днесь“. (Вѣна. 1869). Оба труда имѣли неоспоримое значеніе для культурнаго развитія болгарскаго народа. Остальные его труды по исторіи и филологіи въ настоящее время отчасти потеряли свое значеніе, но нужно признать серьезность и добросовѣстность его научной работы.

Свою научную подготовку М. С. Дриновъ получилъ въ Кіевѣ и въ Москвѣ, гдѣ въ 1873 г. имъ была защищена магистерская диссертація—„Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами“ („Чт. въ О-вѣ Ист. и Древн. росс.“ 1872, кн. 4, и отд. М. 1873). Послѣ защиты диссертаціи онъ былъ назначенъ проф. Славяновѣдѣнія въ Харьковскомъ Университетѣ. Капитальнымъ трудомъ въ области славяновѣдѣнія является его докторская диссертація—„Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ“. („Чт. въ О-вѣ Ист. и Древн. росс.“ 1875, кн. 3; отд.—М. 1876).

Хотя М. С. Дриновъ все время находился внѣ предѣловъ Болгаріи, но онъ никогда не порывалъ связи съ своей родиной и все время принималъ участіе въ жизни своихъ братьевъ. Его благотворная работа была оцѣнена и теперь признана всѣми въ Болгаріи. М. С. Дриновъ былъ основателемъ болгарскаго книжевнаго дружества въ Браилѣ. Во время русско-турецкой войны, состоя членомъ временнаго правительства, онъ занималъ постъ министра народнаго просвѣщенія. Въ Дриновѣ Болгарія потеряла одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ [1]).

И. Ш.

---

[1]) Подробнѣе о Дриновѣ—„Прѣгледъ на 30-годишната научно-книжовна дѣятелность на професора М. С. Дринова отъ *В. Н. Златарски*. Софія. 1900. (Отт. изъ „Сборн. за юбилея на проф. М. С. Дриновъ“).

† **Л. Х. Симонова**. Въ Ташкентѣ, 12 марта, скончалась на 68 году жизни писательница Л. Х. Симонова. Она извѣстна въ литературѣ этнографическими произведеніями изъ жизни сибиряковъ и инородцевъ, написанныхъ ею въ видѣ романовъ и очерковъ („Чертово яблоко", „Варнакъ", „Голодъ", „На Уралѣ", „Баской", „Бѣглые", „На Окраинѣ", „Лааче", „Эзе", „Ортикъ" и т. д.), а также и цѣлымъ рядомъ произведеній изъ жизни культурныхъ классовъ, русскаго купечества и крестьянства.

Помѣщала она свои произведенія въ „Еженедѣльномъ Обозрѣніи", „Живописномъ Обозрѣніи", „Восточномъ Обозрѣніи", „Дѣлѣ", „Русскомъ Богатствѣ", „Родникѣ" и „Историческомъ Вѣстникѣ".

Дѣятельность И. Р. Г. О-ва по Отдѣленію Этнографіи. Во второй половинѣ 1905 г. Отдѣленіе Этнографіи имѣло два засѣданія—4 ноября и 23 декабря. Предметомъ перваго засѣданія служили: 1) Текущія дѣла и 2) Сообщеніе *Н. Н. Виноградова:* „Смерть и погребеніе обитателя Ветлужскихъ лѣсовъ".

Програма: Болѣзнь. Предвѣщанія смерти. Гаданіе на жизнь и на смерть. Смерть. Погребеніе. Суевѣрные обычаи, обряды и примѣты. Причёты. Смерть колдуна.

На второмъ засѣданіи обсуждались: 1) Текущія дѣла. 2) Избраніе членовъ медальной комиссіи. 3) Избраніе 3-хъ кандидатовъ въ комиссію по обревизованію отчета за 1905-й годъ.

Кромѣ того были выслушаны сообщенія:

1) *Ц. Жамцаранова:* Слѣды шаманства у Агинскихъ бурятъ Забайкальской области. Програма сообщенія: Состояніе религіознаго просвѣщенія въ низшихъ слояхъ бурятско-тунгузскаго народа. Причины, способствующія возрожденію шаманства: недоступность тибетскаго языка, непониманіе основъ буддійскаго міровоззрѣнія, экономическія условія, суевѣрія. Борьба ламантовъ противъ кровавыхъ жертвъ и прочихъ проявленій шаманства. Недѣйствительность мѣръ принимаемыхъ противниками шаманства. Необходимость образованія и религіознаго просвѣщенія на народномъ языкѣ. „Путевыя впечатлѣнія". (Была демонстрирована коллекція предметовъ шаманскаго культа, собранная докладчикомъ въ Забайкальѣ) и 2) Члена-сотруд. *Н. Н. Виноградова:* Поддѣлка этнографической и книжной старины на сѣверѣ Россіи. (Были показаны рисунки и предметы обихода, поддѣланные въ Вологодской губерніи).

Въ первой половинѣ 1906 г. Отдѣленіе Этнографіи имѣло засѣданіе 17 февраля, на которомъ членъ-сотр. *Ѳ. К. Волковъ* сдѣлалъ сообщеніе: „Карпатскіе русины-Гуцулы".

Програма сообщенія: Изслѣдованія украинскаго населенія Австро-Венгріи вообще. Экспедиціи 1903, 1904 и 1905 годовъ. Украинское населеніе Карпатъ—Гуцулы, Бойки и Лемки. Результаты экспедиціи относящіеся къ антропологіи и этнографіи Гуцуловъ—галицкихъ, буковинскихъ и угорскихъ: a) Физическая характеристика Гуцуловъ: антропологическій типъ, соотношеніе его съ типомъ сосѣднихъ населеній и положеніе среди другихъ славянскихъ народовъ; в) Нѣкоторыя лингвистическія особенности; c) Этнографическія особенности: Характеръ мѣстности. Экономическія условія. Земледѣліе, скотоводство, лѣсные промыслы. Пища, жилища и ихъ особенности, одежда, украшенія. Керамика, рѣзныя изъ дерева и металлическія украшенія. Орнаментація вообще. Религіозныя представленія, обряды свадьба, похороны. (Были показаны діапозитивы).

На засѣданіи 3 марта, тотъ же докладчикъ продолжилъ свой докладъ о Карпато-руссахъ, сдѣлавъ сообщеніе: „Карпатскіе русины-Бойки“.

Программа сообщенія: Общая характеристика и географическое распространеніе Бойковъ; Бойки въ Галиціи и въ Венгріи. Ихъ физическія особенности и антропологическій типъ. Соотношеніе послѣдняго съ типомъ сосѣднихъ народностей. Этнографическія особенности: характеръ мѣстности. Экономическія условія. Земледѣліе, скотоводство, торговля. Особенности пищи и жилищъ. Церковная архитектура. Домашняя утварь. Одежда. Украшенія. Нѣкоторыя особенности общественнаго быта: нравственность, свадебные и похоронные обряды. Торговые обычаи. Эмиграція въ Америку и ея вліяніе. (Были показаны діапозитивы).

Во время засѣданія 21 апр. были выслушаны:

1) Сообщеніе г. *Н. Н. Мартиновича* „О поѣздкѣ въ Бруссу въ 1905 г.“ и 2) Сообщеніе г. *В. А. Шангина.* „По восточной Монголіи: отъ ст. Фанъ-цзятунь до г. Синъ-минъ-тинъ, лѣтомъ 1905 г.“ (Были показаны діапозитивы).

5 мая выслушаны были сообщенія:

1) Члена-сотр. *А. А. Макаренко*: „Сибирско-русская народная пѣсенная старина“ (въ Енисейской губерніи). Программа. Общія замѣчанія о характерѣ сибирско-русской народной пѣсенной поэзіи. Отношеніе къ пѣснямъ сибиряковъ—русскихъ. Существованіе пѣсенной „старины“ въ Енисейской губерніи. Фактическая сторона сбора проголосныхъ пѣсенныхъ „старинъ“. Заключеніе. Тексты пѣсенъ. (Были показаны діапозитивы). 2) Сообщеніе *И. С. Абрамова*: „О Курскихъ саянахъ“. Литература о саянахъ. Поѣздка къ саянамъ и личныя наблюденія надъ ними. Нарѣчіе. Пѣсни. Одежда. Вопросъ о происхожденіи саяновъ.

Кромѣ того изъ докладовъ, прочитанныхъ въ **Отд. Географіи Математ. и Геогр. Физич.**, представляли нѣкоторый (иногда и очень значительный) интересъ для этнографа, слѣдующіе:

1) *Н. Я. Новомбергскаго*: „Обозрѣніе картографическихъ матеріаловъ Сибири, находящихся въ Геттингенской университетской библіотекѣ“ (7 февр.).

2) *В. А. Дубянскаго*—о поѣздкѣ лѣтомъ 1904 г. въ Тургайскую и Уральскую области для геоботаническихъ изслѣдованій. (7 марта. Свѣдѣнія о киргизахъ).

3) *А. В. Журавскаго*: „О центральной части Большеземельской тундры въ естественно-историческомъ отношеніи. Матеріалы Большеземельской Экспедиціи 1904 и 1905 годовъ“. (21 марта). Свѣдѣнія о Самоѣдахъ: Вымирающія черты быта и культа. Идолопоклонство и православіе. Родовыя пармы и орбиты кочеванія. Могилы и мольбища. Полигамія и полигинія. О человѣческихъ жертвоприношеніяхъ. Эксплоатація. Эпизоотіи. Прирученіе дикихъ оленей; метисы. Дегенерація утвари. Паденіе самоѣдскаго оленеводства и промысловъ. Экономическія проблемы.

4) Д. чл. *А. И. Воейкова*: „Распредѣленіе населенія на земномъ шарѣ въ зависимости отъ природныхъ условій и дѣятельности человѣка“ (23 марта).

На общемъ собраніи членовъ И. Р. Г. О-ва (3 мая). *В. Ф. Новицкій* сдѣлалъ сообщеніе о своей поѣздкѣ по Восточной Монголіи, въ которомъ, между прочимъ, были пункты: Населеніе и его занятія. Китайская колонизація. Религіозныя вѣрованія, монастырскій быть. Административное устройство и войска.

Награды по Отдѣленію Этнографіи. Въ 1905 г. Совѣтомъ И. Р. Г. О-ва были присуждены слѣдующія почетныя награды за работу по этнографіи: 1) Большая золотая медаль—проф. Московскаго Университета *А. А. Ивановскому* за трудъ „Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи". М. 1904. Рецензія дѣйств. чл. Б. Ѳ. Адлера. 2) Большая золотая медаль—дѣйств. чл. *С. П. Патканову* за сочиненіе „Опытъ статистики и этнографіи тунгузскихъ племенъ Сибири". Рецензія дѣйств. чл. Н. И. Веселовскаго. 3) Малая золотая медаль—чл. сотрудн. *Ст. П. Кузнецову* за совокупность трудовъ по этнографіи черемисъ. Рецензія проф. Гельсингфорскаго Университета Гейнена. 4) Серебряная медаль—студ. Спб. Унив. *Ц. Жамцаранову* за сообщеніе „О возрожденіи шаманизма среди Забайкальскихъ бурятъ" и за труды по этнографіи иркутскихъ бурятъ.

Западно-Сибирскій Отдѣлъ И. Р. Г. О-ва. Извлекаемъ нѣкоторыя данныя изъ только что полученнаго отчета Отдѣла за 1903 г. Выпущена XXX книжка „Записокъ" Отдѣла, гдѣ, между прочимъ, помѣщены статьи—*В. Попова*. „Повѣрья и обычаи Сургутскаго края".—*И. Неклепаева*. „Слѣды христіанства въ надмогильныхъ киргизскихъ памятникахъ по р. Кокшалу въ Кашгаріи". Въ музей поступило нѣсколько этнографическихъ предметовъ (разн. народностей) и фотографій. Украденъ кѣмъ-то изъ посѣтителей киргизскій кинжалъ и ворами—витрина со старыми монетами. Общихъ собраній Отдѣла было 11. На засѣданіи 8 декабря *К. П. Линда* сдѣлалъ сообщеніе: „Тибетъ по результатамъ послѣднихъ путешествій", интересное для этнографовъ. Приходъ музея въ 1903 г.—4.304 р. 67 к., расходъ—3.744 р. 18 к. Цифровыхъ данныхъ—о количествѣ членовъ, по библіотекѣ и др.—въ отчетѣ не имѣется.

Алтайскій Подъотдѣлъ Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва, за 1904 г. Почетн. чл.—9, членовъ-ревнит.—2, чл.-сотр.—7, дѣйств. чл.—98. Бюджетъ Подъотдѣла—972 р. 42 к.

Въ засѣданіи 1 ноября *М. К. Барсовъ* сдѣлалъ сообщеніе „*О столкновеніи между калмыцкимъ и русскимъ населеніемъ въ Горномъ Алтаѣ лѣтомъ 1904 года*", вызванномъ проповѣдью новой религіи Чёта-Чалпаномъ, бѣднымъ калмыкомъ изъ урочища Ябаганъ.

Интересное само по себѣ сообщеніе вызвало еще болѣе интересный обмѣнъ мнѣній, причемъ было указано, что движеніе калмыковъ есть показатель совершающагося въ ихъ средѣ какого-то внутренняго процесса. Въ такомъ случаѣ было бы чрезвычайно важно изслѣдовать, въ чемъ заключается этотъ процессъ и каково это движеніе. Быть можетъ этимъ намѣтится путь, по которому культура проникнетъ и въ районы горныхъ калмыковъ [1]).

---

[1]) По тому же вопросу были еще сдѣланы доклады: 1) *Д. А. Клеменцомъ* въ Западно-Сибирск. Отдѣлѣ И. Р. Г. О-ва (въ авг. 1904 г.). 2. *С. И. Акеръ-Бламомъ* (чиновникомъ по землеустройству) въ Юридическомъ О-вѣ при Томскомъ Университетѣ и 3. *Д. А. Клеменцомъ* въ И. Р. Г. О-вѣ (12 ноябр. 1904 г. Изложеніе—см. „Извѣстія" И. Р. Г. О-ва. 1905, в. 1, стр. 155). О томъ же см. статью *С. П. Швецова* въ „Сибирск. Вѣстн.". 1904 г., ноябрь.

Библіотека Подъотдѣла состояла изъ 1610 названій, имѣются отдѣлы: 4) Этнографія. 5) Географія и путешествія. 7) Археологія. 9) Антропологія. При музеѣ—коллекція фотографій (534 №№), представляющая значительный интересъ для этнографа.

Историко-филологическое общество при Имп. Новороссійскомъ Университетѣ въ 1903—1904 г. Къ маю 1904 г. О-во состояло изъ 6 членовъ учредителей, 2—почетныхъ, 123 дѣйствительныхъ членовъ и 34 членовъ Педагогическаго Отдѣла, а всего изъ 164 членовъ.

Въ отчетномъ году было 10 засѣданій (181—190), на которыхъ между прочимъ, были заслушаны и обсуждались слѣдующія сообщенія членовъ О-ва:

Вилинскій, С. Г. Хронографъ редакціи 1601 года.

Истринъ, В. М. Особая редакція Хронографа Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (къ вопросу о древне-болгарской энциклопедіи).

— Можетъ-ли русская литература до-Петровскаго періода строиться въ хронологическомъ порядкѣ? (По поводу взглядовъ Пыпина и Никольскаго).

— О статьѣ В. Н. Перетца „О нѣкоторыхъ основныхъ настроеніяхъ русской литературы въ ея историческомъ развитіи“.

Лазурскій, В. Ѳ. Научная дѣятельность проф. А. М. Кирпичникова.

Рыстенко, А. В. Исторія сказанія о 12 снахъ царя Мамера въ славяно-русской литературѣ.

Кромѣ того на 185 засѣданіи *В. М. Истринъ, Е. Н. Щепкинъ* и *Х. П. Ящуржинскій* сдѣлали сообщенія, посвященныя „Памяти А. И. Маркевича“.

Приходъ О-ва, вмѣстѣ съ пособіемъ отъ Мин. Народн. Просв. (500 р.), составлялъ 1.434 р. 46 к. (въ томъ числѣ остатокъ—880 р. 51 к.). Израсходовано было—696 р. 26 к.

Этнографическій Отдѣлъ Русскаго Музея Александра III. Въ отдѣлъ для будущаго Этнографическаго Музея недавно поступила интересная коллекція, собранная въ 1904 и 1905 годахъ Ѳ. К. Волковымъ, главнымъ образомъ, въ Гуцульщинѣ и у Бойковъ въ Восточной Галиціи. Коллекція эта обнимаетъ собой постройки, предметы домашняго обихода, сельскаго промысла, одежды и проч. Очень интересны прекрасныя модели старинныхъ деревянныхъ церквей почти не уцѣлѣвшихъ въ русской Украйнѣ, оригинальныхъ хатъ и пр. Изъ предметовъ обихода особенно обращаютъ на себя вниманіе орудія для добыванія огня посредствомъ тренія, покрытыя тонкой рѣзьбой деревянныя издѣлія, часто вполнѣ художественной работы, очень большая коллекція (около 600 шт.) писанокъ, множество удивительныхъ, по роскоши, красокъ и узора вышивокъ. Въ числѣ принадлежностей одежды замѣчательны живописные костюмы Гуцуловъ и особенно коллекціи мѣдныхъ украшеній, аграфовъ, ожерелій изъ крестиковъ, орнаментированныхъ крестовъ и т. п., а также роскошныя, по затѣйливой отдѣлкѣ, топорцы, келены, полки, деревянныя съ инкрустаціями и сдѣланныя изъ оленьихъ роговъ,

рѣзныя пороховницы, оружіе, покрытыя мѣдными бляхами та́бівки (сумки), большое количество необыкновенно затѣйливыхъ головныхъ уборовъ и т. п.

Знаменитая коллекція Н. Л. Шабельской въ настоящее время также перешла въ собственность Музея. Часть этой коллекціи—1078 №№ (324 головныхъ убора; 129 №№ русскихъ старинныхъ одеждъ: сарафаны, ферязи, шубки, душегрѣйки и пр.; и 625 №№ мелкихъ вещей: серьги, пуговицы, оплечья, шитье, ларцы и пр.) была принесена въ даръ наслѣдницами покойной. А остальная часть коллекціи—2596 №№ (1790 №№ вышивокъ, шитья, кружевъ и пр.; 132 №№ оклады образовъ, ризы, воздухи; 422 №№ образцовъ старинн. золотыхъ шелковыхъ и набивныхъ тканей, и 252 №№ образцовъ старинныхъ золотыхъ галуновъ и кружевъ) пріобрѣтена за 40.000 руб., причемъ эта сумма заплачена Государемъ Императоромъ. Вся коллекція будетъ помѣщена нераздѣльно подъ именемъ отдѣла Н. Л. Шабельской и съ ея портретомъ въ отдѣлѣ.

Фризы для Музея. Уже седьмой годъ скульпторы Богатыревъ и Харламовъ лѣпятъ фризы для строящагося этнографическаго музея при музеѣ Александра III. Фризы будутъ тянуться вдоль стѣнъ едва-ли не на четверть версты. Цѣлыя сотни крупныхъ, больше натуры, барельефныхъ фигуръ. Въ видѣ жанровыхъ композицій представлены всѣ народности нашего пестраго отечества. Всѣ эти фигуры обрабатывающихъ поля украинцевъ, джигитующихъ казаковъ, сосущихъ трубочки финляндцевъ, сидящихъ вкругъ костра самоѣдовъ—скомпанованы весьма жизненно и безъ натяжки. Фризы Богатырева замѣтно разнятся отъ фризовъ Харламова. Лѣпка Богатырева—эскизнѣй, декоративнѣй и отзываетъ подражаніемъ Родэну. Харламова—строже законченнѣе. Длинными рядами стоятъ въ особомъ помѣщеніи уже готовыя, отлитыя въ гипсѣ плиты фризовъ. Для этнографическаго музея—это самый подходящій родъ скульптуры.

Пермскій научно-промышленный Музей. Къ 1-му янв. 1905 г. О-во имѣло 92 почетн., дѣйств. и членовъ соревнователей.

Въ отчетномъ году было—21 научн. бесѣда, лекц. и сообщен. Изъ нихъ по Этнографіи—2 (*П. Н. Серебрянниковъ.* „Пермяки“ этнографическій очеркъ); по археологіи—1 (*И. Г. Остроумовъ.* „О результатахъ научной экскурсіи въ с. Сергинское, Пермскаго уѣзда“); по географіи—3. Былъ изданъ и разосланъ, напечатанный въ количествѣ 400 экземпляровъ 1-й выпускъ „Матеріаловъ по изученію Пермскаго края“.

Изъ поступленій можно отмѣтить: въ этнографическій отдѣлъ—22 экз., въ археологическій—до 40 экз. и въ историческій (съ коллекціями церковныхъ древностей и нумизматич.)—до 180 экз.

Работы по разборкѣ коллекцій и составленію каталоговъ имъ продолжались по прежнему, но такъ какъ эти работы ведутся единолично хранителемъ музея, при помощи лишь завѣдывающаго зоологическимъ отдѣломъ С. Л. Ушакова, то понятно, что они двигаются довольно медленно, хотя количество времени и труда, требующихся

на эти работы, совершенно не поддаются опредѣленію посторонняго глаза. Выдѣлены въ отдѣльныя коллекціи монеты и медали съ одной стороны (нумизматическая коллекція) и древности церковныя—съ другой. Остальные же предметы, состоящіе изъ рукописей, старинныхъ книгъ, картинъ, древнихъ украшеній и частей костюмовъ и многаго другого, систематизировать еще невозможно за отсутствіемъ не только витринъ, но даже и мѣста для таковыхъ, поэтому не приступлено и къ составленію каталога этого отдѣла. Въ этнографическомъ отдѣлѣ систематизація коллекцій закончена. Посѣтителей въ Музеѣ въ теченіи 1904 г. перебывало—17.837 чел.

Къ отчету приложены портретъ и біографія *Ф. А. Теплоухова*, извѣстнаго изслѣдователя чудскихъ древностей, умершаго въ 1905 г., занимавшагося и вообще пермскими древностями.

Объ его статьяхъ по археологіи Пермскаго края можно сказать, что онѣ, „по богатству матеріала, по стройности выводовъ и изложенію представляютъ лучшія работы по Пермскимъ древностямъ и ставятъ имя ихъ автора среди изслѣдователей этихъ древностей на первое мѣсто“. Таковъ выводъ А. А. Спицина, съ предисловіемъ котораго изданъ въ 1902 г. Императорскою Археологическою Коммиссіею атласъ съ 1000 рисунковъ съ предметовъ коллекціи Теплоуховыхъ, заключающей въ себѣ болѣе 7000 исключительно мелкихъ мѣдныхъ предметовъ и черепковъ. Къ біографіи приложенъ списокъ напечатанныхъ работъ покойнаго (всего—29 №№).

Вятскій Губернскій Статистическій Комитетъ предпринялъ изданіе полнаго этнографическаго описанія Вятскаго края и разослалъ мѣстнымъ интеллигентамъ особую программу (напечатана въ качествѣ особаго приложенія къ газетѣ „Вятскій Вѣстникъ“ 1906 г. № 60). Главныя задачи описанія: 1) установка среди великорусскаго населенія Вятскаго края этнографически различныхъ группъ и сравнительное изученіе бытовыхъ особенностей этихъ группъ; 2) сравненіе современнаго народнаго быта съ прежнимъ.

Выполненіе первой задачи должно пролить свѣтъ на этнографическія отличія древней Новгородской Руси отъ Суздальской, такъ какъ Вятскій край населенъ представителями той и другой.

Вѣсти изъ экспедиціи къ Туруханскимъ остякамъ. Извлекаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ письма В. Анучина къ А. А. Макаренко: „Вернулся изъ поѣздки въ началѣ октября (1905 г.) и теперь, впредь до новой поѣздки живу въ Красноярскѣ. Поѣздку нужно назвать удачной, матеріаловъ всяческихъ груды... Коллекцію собралъ порядочную, но въ этомъ отношеніи меня подрѣзаетъ недохватка денегъ, думаю изобрѣсть что нибудь къ предстоящей поѣздкѣ и увезти уже все, что можно увезти. Сдѣлалъ тьму фотографій и вывезъ нѣсколько фонограммъ съ шаманскими напѣвами (есть и не шаманскіе—ихъ много). Записалъ около 2.000 словъ и около 8 печатныхъ листовъ текстовъ, выработалъ азбуку, собралъ матеріалы для грамматики, ну и всякія записки, этнографія, антропологія, миѳологія, фольклеръ вообще и т. п. Таковъ мой багажъ послѣ поѣздки“... (Извлеченіе сдѣлано съ разрѣшенія А. А. Макаренко).

Экспедиціи на Дальній Востокъ. Въ началѣ 1906 г. Ѳ. П. Рябушинскій обратился въ Академію Наукъ, И. Р. Географическое О-во и Имп. О-во Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи съ письмомъ, слѣдующаго содержанія: „Желая организовать научную экспедицію на Камчатку съ цѣлью возможно подробнаго изслѣдованія ея въ археологическомъ, антропологическомъ, этнографическомъ, геологическомъ, географическомъ, ботаническомъ и зоологическомъ отношеніяхъ, честь имѣю просить... (названныя ранѣе учрежденія) взять означенную экспедицію подъ свое покровительство... Экспедицію, разсчитываемую на два года, предполагается осуществить въ началѣ 1907 года. На экспедицію ассигнуется мною по 100.000 рублей въ годъ, всего на два года 200.000. Коллекціи, которыя будутъ собраны экспедиціей, предполагаю предоставить музеямъ Петербурга и Москвы. Надѣюсь, что... (названныя ранѣе учрежденія) окажутъ экспедиціи свое просвѣщенное содѣйствіе, какъ разсмотрѣніемъ подробныхъ программъ, которыя будутъ представлены отдѣльными спеціалистами—членами экспедиціи (подысканіемъ которыхъ я занятъ въ настоящее время), такъ и необходимыми сношеніями съ администраціей“.

Другая экспедиція, иниціаторомъ которой является П. Ю. Шмидтъ, находится подъ покровительствомъ Имп. О-ва судоходства и комитета помощи поморамъ русскаго сѣвера, ставитъ цѣлью изученіе рыбныхъ промысловъ Охотско-Камчатскаго края. Кромѣ общества судоходства эту экспедицію поддерживаютъ общество рыбоводства и рыболовства и Императорское географическое общество.

Третья экспедиція имѣетъ цѣлью изслѣдованія гидрографическія, т. е. описаніе дальне-восточныхъ морей и выясненіе условія плаванія въ нихъ (промѣры, съемки и т. д.). Эта экспедиція снаряжается гидрографическимъ департаментомъ морского министерства.

Поѣздка къ зырянамъ. Въ срединѣ мая отправится на среднюю Печору студентъ-естественникъ Петербургскаго Университета С. Сергель для собиранія этнографическихъ коллекцій среди зырянъ. Общими границами района, въ которомъ онъ предполагаетъ работать, будутъ: на востокѣ—Уральскій хребетъ, на западѣ—бассейны лѣвыхъ притоковъ Печоры, Мылвы, Сайвы и Велавы, на югѣ—селеніе Порогъ и на сѣверѣ—Красный боръ.

Этотъ участокъ выбранъ потому, что здѣсь, болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ зырянскаго края, должно сохраниться все характерное и цѣнное для этнографіи зырянъ. Впрочемъ, не исключается возможность уклоненія въ сторону отъ названнаго района, если это окажется нужнымъ.

Этнографическая экскурсія. Отъ Музея Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго, при Имп. Академіи Наукъ, для собиранія этнографическихъ коллекцій среди якутовъ, командированъ въ Якутскую область В. Н. Васильевъ.

Людоѣдство въ Сибири. 3 декабря привезли изъ Верхне-Колымска юкагира, и на основаніи дознанія, сдѣланнаго засѣдателемъ Аргуновымъ, помѣстили какъ людоѣда въ мѣстный караульный

домъ. Изъ дознанія видно, что этотъ оставшійся изъ десяти человѣкъ въ живыхъ съѣлъ, по просьбѣ дочери, своего родного племянника, котораго онъ зарѣзалъ. Продолжалъ ѣсть и послѣ добычи одного лебедя, потому, что мясо человѣка предпочиталъ мясу послѣдняго... До этого его довелъ нестерпимый, ежегодно повторяющійся въ колымскомъ округѣ, голодъ... Родовой юкагирскій староста Долгановъ показалъ, что онъ съ однимъ сородовичемъ, разыскивая эту семью еще весною сего года, нашелъ ихъ уросу, снаружи которой стояла дочь юкагира и, не замѣчая ихъ, пришедшихъ, ѣла вареную человѣческую голову. Увидѣвъ такую неожиданную картину, Долгановъ и спутникъ его въ паническомъ страхѣ бросились бѣжать обратно...

Самоубійство цѣлаго племени чукчей. Кромѣ того получено извѣстіе съ верховьевъ рр. Омолона и Олоя. Извѣстіе это крайне неутѣшительное. По разсказамъ принесшаго извѣстіе юкагира, чукчи, жившіе въ верховьяхъ названныхъ выше рр., два года тому назадъ, благодаря эпизоотіи, лишись всѣхъ своихъ табуновъ оленей и впали въ страшную нужду. Попробовали было промышлять звѣрей, но ихъ, съ дѣтства не пріучившихся къ промыслу, всюду преслѣдовала неудача. Голодные, нагіе и еле живые дотянули они свое существованіе до первой зелени (первыхъ чиселъ іюня 1905 г.). Помощь не являлась, далѣе жить не было никакой возможности.

Ясно стало для всѣхъ, что ихъ ждетъ голодная смерть. Тогда они сдѣлали общее собраніе всего олойско-омолонскаго рода, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ два года тому назадъ они жили людьми богатыми. На собраніи этомъ послѣ цѣлодневнаго совѣщанія было рѣшено: каждый глава семьи долженъ убить всю свою семью и покончить жизнь самоубійствомъ. Рѣшеніе это было принято и исполнено всѣми. Къ утру другого дня все было готово, на возвышенной площади, всѣ, вчера живые, лежали мертвыми и покойными, тѣсно сплотившись одинъ около другого. Цѣлое племя покончило съ собою, не оставивъ потомства. („Наша Жизнь“, 1906, 17 марта).

Новый бурятскій алфавитъ. Среди интеллигенціи Забайкальскихъ бурятъ въ послѣднее время серьезно возбуждается вопросъ о введеніи новаго бурятскаго алфавита.

Сообщая это извѣстіе, „Байкалъ“ пишетъ: монгольскій алфавитъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма не совершененъ, весьма не точенъ, такъ что монгольское письмо можетъ читать правильно лишь тотъ, кто хорошо знаетъ монгольскій языкъ. Затѣмъ, алфавитъ, будучи слоговымъ, а не звуковымъ, весьма сложенъ и особенно трудно дается дѣтямъ. Всѣ эти недостатки монгольскаго алфавита особенно стали чувствовать забайкальскіе буряты, стоящіе по культурности значительно выше своихъ сосѣдей монголовъ. По такимъ причинамъ и явилась среди бурятъ мысль ввести въ свой обиходъ новый, болѣе соотвѣтствующій своему назначенію алфавитъ. Эта насущная потребность бурятъ все болѣе усиливается вслѣдствіе происходящаго среди нихъ культурнаго движенія; буряты въ послѣднее время начинаютъ проявлять сильное стремленіе присоединиться къ общему прогрессу. Понятно, что такое явленіе среди бурятъ посте-

пенно приводитъ къ тому, что одна религіозная литература уже не можетъ удовлетворить и охватить всѣхъ сторонъ духовной жизни человѣка: является потребность къ свѣтской литературѣ. Въ слѣдующемъ выпускѣ редакція предполагаетъ дать болѣе подробныя свѣдѣнія о новомъ бурятскомъ алфави.ѣ.

„Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Имп. Казанскомъ Университетѣ" съ 1906 года будутъ выходить шесть разъ въ годъ, книжками въ 7—8 печатныхъ листовъ, in 8⁰.

Въ недавно вышедшей 4-й книжкѣ за 1905 г. **„Этнографическаго Обозрѣнія"** помѣщены статьи: *А. Маркова.* „Изъ исторіи русскаго былеваго эпоса". *Д. Зеленина* „У оренбургскихъ казаковъ". *В. Миллера* „Къ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ". *Е. Елеонской.* „Нѣкоторыя замѣчанія о русскихъ народныхъ сказкахъ". *А. Шиманьскаго.* „Происхожденіе и дѣйствительное значеніе слова „тунгусъ". Смѣсь. Обширная „Критика и библіографія" и „Хроника".

„Костромская Старина",—издаваемая Костромской губернской архивной комиссіей, согласно заявленію комитета будетъ выходить 4 раза въ годъ. 1 вып. вышелъ въ маѣ.

17 мая утвержденъ уставъ **армянскаго этнографическаго** общества въ Тифлисѣ (Телеграммы П. А.).

„Археологическая Лѣтопись Южной Россіи„ прекратила свое существованіе.

Энциклопедія славянской филологіи „мало по малу двигается; по крайней мѣрѣ первый, лингвистическій отдѣлъ энциклопедіи представляется мнѣ—пишетъ акад. И. В. Ягичъ—теперь уже въ опредѣленномъ видѣ. Большинство приводимыхъ въ проспектѣ сотрудниковъ подаютъ большія надежды, что они исполнятъ возложенную на нихъ задачу, что представятъ статьи къ сроку. Итакъ по моему разсчету можно бы надѣяться, что самое позднее лѣтомъ 1906 года мы приступимъ къ печатанію энциклопедіи"...

Премія имени П. Н. Батюшкова. Къ сроку (31 дек. 1905 г.) на соисканіе преміи имени П. Н. Батюшкова представлена лишь одна работа М. Довнаръ-Запольскаго. „Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ". Кіевъ. 1905. Для разсмотрѣнія этой работы образована комиссія изъ академиковъ: Е. Е. Голубинскаго, М. А. Дьяконова, В. И. Ламанскаго, А. С. Лаппо-Данилевскаго, А. А. Шахматова и И. И. Янжула.

XIV Археологическій Съѣздъ соберется въ 1908 году въ городѣ Черниговѣ. Программа предварительныхъ работъ и правила будущаго Съѣзда были выработаны депутатами ученыхъ о—въ въ Москвѣ 7-го февраля 1906 г. при Имп. Московскомъ Археологическомъ О-вѣ.

Русскія археологическія коллекціи за границей. Недавно вернулись въ Россію археологическія коллекціи, принадлежащія князю П. А. Путятину и художнику-археологу Н. К. Рериху, находившіяся на международномъ археологическомъ конгрессѣ, состоявшемся на югѣ Франціи въ Pèrigeux (Dordogne). Это былъ первый опытъ демонстраціи предметовъ относящихся къ каменному вѣку, добытыхъ въ Россіи, передъ представителями всего міра. Одинъ Рерихъ послалъ $1^1/_2$ т. номеровъ, которые крайне заинтересовали такихъ извѣстныхъ ученыхъ, какъ Мортилье, Капитэнъ, Ривьеръ и др.

Въ защиту русской старины. Профессоръ и ректоръ Императорской академіи художествъ Л. Н. Бенуа вошелъ въ совѣтъ академіи съ слѣдующимъ заявленіемъ: „Недавно узналъ изъ достовѣрнаго источника о томъ, что инженерное вѣдомство предполагаетъ построить новое зданіе для инженернаго училища, избравъ мѣстомъ для него площадь передъ замкомъ. Зданіе это образуетъ полукругъ съ памятникомъ Петру I въ центрѣ. Въ виду выдающагося архитектурнаго значенія инженернаго замка, какъ одного изъ лучшихъ памятниковъ зодчества, считаю необходимымъ, чтобы вопросъ этотъ былъ представленъ на обсужденіе академіи. Надо сдѣлать отъ насъ все зависящее, чтобы сберечь эту историческую площадь, иначе мы навлечемъ на себя справедливое нареканіе всего образованнаго міра“. Совѣтъ академіи единогласно присоединился къ мнѣнію профессора Бенуа.

Древній храмъ Артемиды найденъ на-дняхъ на берегу рѣки Ефрата, близъ границъ дневней Спарты, директоромъ британской археологической школы въ Аѳинахъ. Въ руинахъ открыто множество статуэтокъ богини и реликвій: золотыхъ, серебряныхъ и изъ слоновой кости, а также интереснѣйшихъ орнаментовъ. Счастливый археологъ получилъ отъ англійскаго короля Эдуарда телеграфное пожеланіе дальнѣйшихъ успѣховъ. На храмъ Артемиды наткнулись, какъ всегда бываетъ, совершенно случайно, при раскопкахъ на мѣстѣ древней Спарты.

Открытіе римскаго водопровода. Уже въ прошломъ году были найдены въ Вѣнѣ первые слѣды римскаго водопровода. Инспектору римскихъ раскопокъ въ Вѣнѣ удалось за послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ откопать этотъ водопроводъ на разстояніи 700 метровъ. Водопроводъ, прекрасно сохранившійся, состоитъ изъ канала, прикрытаго тяжелыми каменными плитами и выложеннаго камнемъ; ширина его равняется 50 сантиметрамъ, а глубина отъ 50 до 70 сант. Обѣ боковыя каменныя стѣнки толщиною въ 30 сант. Внутренность этого канала залита цементнымъ растворомъ и такъ хорошо сохранилась, что даже теперь, послѣ 1700 лѣтъ, водопроводъ этотъ еще можетъ быть употребленъ въ дѣло. Интересенъ тотъ фактъ, что въ этомъ каналѣ на извѣстныхъ разстояніяхъ устроены углубленія въ 30 сант. глубины и въ 70 сант. длины, служившія для осадка различныхъ нечистотъ. Дно канала постепенно расширяется по направленію къ Вѣнѣ. Въ настоящее время

производится дальнѣйшее изслѣдованіе этого водопроводнаго канала, чтобы убѣдиться въ томъ, откуда древніе римляне проводили воду.

Путешественница Изабелла Масье награждена правительствомъ республики орденомъ почетнаго легіона; она объѣхала и подробно описала Анти-Ливанъ, островъ Яву, Кашмиръ, Тибетъ, Ладакъ, поднялась на Чангъ-Ла (5.700 метровъ высоты) и спустилась въ устья Химисъ и Вардванъ.

Изабелла Масье—членъ географическаго общества въ Парижѣ, членъ совѣта коммерческой географіи, членъ комитета французской Азіи. Ею составленъ словарь индостанскаго языка, ею, по порученію министерства народнаго просвѣщенія, составленъ путеводитель по Индокитаю, Сіаму, Камбоджѣ, Бирманіи, Ирравади и горной странѣ Ай-Лао, откуда она проникла въ Китай по рѣкѣ Янъ-Цзы, прошла затѣмъ пустыню Гоби и Монголію. Черезъ Сибирь она возвратилась въ Парижъ. Французская академія премировала ея научные труды, Фердинандъ Брюнетьеръ открылъ ей страницы „Revue des deux Mondes“.

Вскрытіе саркофага Карла Великаго. Аахенъ, 4-го іюля. Въ здѣшнемъ соборѣ, въ присутствіи представителей администраціи и духовенства, былъ вскрытъ саркофагъ императора Карла Великаго. При этомъ извлечены двѣ драгоцѣнныя ткани, имѣющія большое художественно-историческое значеніе; ткани эти отправляются на время въ Берлинъ, гдѣ съ нихъ будетъ снята фотографія.

Хроника составлена *Н. Виноградовымъ*.

Въ видахъ достиженія возможной полноты настоящаго отдѣла, редакція усердно проситъ гг. секретарей ученыхъ обществъ и учрежденій, въ кругъ дѣятельности которыхъ входятъ работы этнографическаго характера, присылать отчеты и разнаго рода сообщенія печатныя и рукописныя о дѣятельности обществъ.

Желательны также и вырѣзки изъ газетъ.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Научные труды. А. А. Спицына *Д. К Зеленина* . . . 15—18

2. Рецензіи на: Русскій Филологич. Вѣстн. *Г. Ильинскаго.* — Ежегодникъ Русск. Антропол. О-ва. *Ив. Абрамова.*—Изборникъ кіевскій. *Г. Ильинскаго.* — Радищевъ, А. Н. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. *В. Чернышева.*—Ермоловъ, А. Народная с.-хоз. мудрость, т. т. II — IV. *Н. Виноградова.* — Кондаковъ, Н. П. Изображеніе русской княжеской семьи. *Н. Виноградова.* - Памяти проф. И. Н. Смирнова. *Н. Виноградова.*— Виноградовъ, Н. И. П. Сахаровъ и его „Русск. народн. загадки и притчи“. *Г. И.*—Марковъ, А. В. Что такое Овсень? *Д. Зеленина.*—Карскій, Е. Ѳ. Малорусскій Луцидарій. *Г. Ильинскаго.* — Карскій, Е. Ѳ. Отчетъ о поѣздкѣ въ Бѣлоруссію. *Г. Ильинскаго.*—Карскій, Е. Ѳ. Къ вопросу о разграниченіи русск. нарѣчій. *Г. Ильинскаго.* — Чичерина, С. У приволжскихъ инородцевъ. *Н. Виноградова.*—Кузнецовъ, С. К. Общин. порядки у вотяковъ. *Д. З.* — Бушъ, Н. А. По горамъ и ущельямъ Хевсуріи и Тушетіи. *Д. Зеленина.* — Сборн. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа. *Н. Виноградова.* — Труды Троицко-Савск.-Кяхт. Отд. *Э. Пекарскаго.* — Науковий Збірнікъ. *Ив. Абрамова.*—Ровинскій, П. А. Черногорія. *Г. Ильинскаго.*—Беличъ, А. Діалектологич. карта сербск. яз. *Н. В.—ва.*— Грюнведель, А. Bibliotheka Buddhica. *Э. Пекарскаго.* — Handbuch des Deutschtums im Auslande. *Г. Ильинскаго* . . . . 19—37

3. Журналы 1905 г. 38

4. Списокъ книгъ, присланныхъ въ редакцію 39

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Два слова къ вопросу о курскихъ и тульскихъ говорахъ. *Д. К. Зеленина* 31

2. Существуютъ ли въ русскомъ языкѣ слова кагора и кагорщикъ? *Д. К. Зеленина* 34

3. Бурлаки на Днѣпрѣ *И. С. Абрамова* 35

4. Почему въ Россіи умираетъ много дѣтей (народная легенда). *И. С. Абрамова* 36

5. Мелочи историко-литературн. и этнографическія. V. *Н. Н. Виноградова* 37

6. Стихъ о страшномъ судѣ. Запись *К. Е. Охотина* . . 39

7. Мордовская историч. пѣсня. Запись *К. Афанасьева* . . 40

8. Хроника (36 замѣтокъ). Сост. *Н. Виноградовъ* . . . 41

Объявленія.

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

XV годъ изданія. **1906**

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

XV годъ изданія. **1906**

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакціею Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанскаго, секретаря Отдѣленія Ѳ. И. Щербатскаго и чл.-сотр. Н. Н. Виноградова, въ XV году своего существованія будетъ выходить **четырьмя** выпусками, по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодѣйствія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библіографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XV годъ изданія, редакція „Живой Старины“ пригласила къ участію въ журналѣ многихъ ученыхъ спеціалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библіографіи. При послѣднемъ выпускѣ, въ видѣ приложенія—отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель“ къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкою, для иногородныхъ — 5 р. 50 к. и за границу — 6 р. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины“ (Спб., у Чернышева моста).

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ: 1) Рукописи, присланныя въ редакцію для помѣщенія въ журналѣ, въ случаѣ надобности подлежатъ сокращенію и исправленію. 2) Авторы, желающіе читать корректуру своихъ статей, благоволятъ дѣлать на рукописи соотвѣтствующую помѣтку и указывать свой точный адресъ.

Редакція.

